

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

749

7 $\frac{8}{34}$

lx
GR

ОЧЕРКИ

ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

Забелин, А.

О Ч Е Р К И
ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

А. Забѣлина.

МОСКВА.

1861.

Издание книгопродавца А. Θ. Черенина.

D919

23

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Москва, 17 сентября, 1860 года.

Ценсоръ *И. Роскошненко.*

243 636

Типографія И. Чускина,
коммисіонера Московскаго художественнаго Общества,
на Никольской, въ домъ Графа Шереметева.

П И С Ь М О I.

Гор. Островъ, 23-го марта. Вчера, въ 8 часовъ вечера, двинулся я по Петербургско-Варшавской желѣзной дорогѣ въ путь къ чужимъ краямъ.

С.-Петербургская станція Варшавской желѣзной дороги не поражаетъ ни громадностью, ни роскошью большихъ станцій на Николаевской желѣзной дорогѣ, но она просторна, удобна и чиста; жаль только, что на ней существуетъ тотъ же порядокъ, что и на Николаевской желѣзной дорогѣ. При выходѣ пассажировъ изъ станціонныхъ залъ въ вагоны, здѣсь такъ же, какъ и тамъ, выпускаютъ ихъ по одиночкѣ въ полуотворенныя двери, и каждый долженъ держать у себя предъ носомъ билетъ въ рукахъ. Такой ни къ чему не ведущій обрядъ производитъ давку въ дверяхъ и въ холодное время простуду потѣющихъ отъ этой давки пассажировъ. Вѣдь билеты нѣсколько разъ осматриваются въ вагонахъ и безъ билетовъ ѣхать нельзя.—Вагоны Варшавской дороги меньше чѣмъ на Николаевской дорогѣ и устроены

иначе: они раздѣлены на нѣсколько отдѣленій поперечными скамьями, идущими вплоть отъ одной стороны вагона до другой. Въ каждомъ такомъ отдѣленіи помѣщается на двухъ скамьяхъ, одна къ другой обращенныхъ, по 10 человѣкъ пассажировъ; въ каждомъ такомъ отдѣленіи съ обѣихъ сторонъ по двери со стекломъ, и такимъ образомъ продольнаго ходу по вагону, какъ на Ник. желѣзн. дорогѣ, совершенно нѣтъ, а есть нѣсколько ходовъ поперечныхъ. Кругомъ вагона идетъ небольшая платформа, по которой кондукторъ свободно расхаживаетъ вокругъ всего вагона, даже на самомъ шибкомъ его ходу. Такое устройство вагоновъ имѣетъ ту выгоду, что въ нихъ невозможна духота, какая встрѣчается на другихъ нашихъ дорогахъ, гдѣ въ огромномъ вагонѣ только двѣ двери, а окна зимой вовсе не отворяются; но за то и невыгода такихъ вагоновъ огромная: это непрерывный притокъ свѣжаго воздуха, сразу охватывающій, особенно сидящихъ около са-мыхъ дверей; если же въ вагонѣ при этомъ гдѣ нибудь опущено стекло въ двери, то еще опаснѣе сквозной вѣтеръ. Все это въ совершенствѣ я видѣлъ въ томъ вагонѣ, въ которомъ я ѣхалъ. Кондукторъ то и дѣло нырялъ изъ одной двери въ другую и непрерывно студилъ только что согрѣвшихся пассажировъ; особенно доставалось ногамъ; погода же была необыкновенно сырая, холодная и вѣтряная.

Для нашего климата подобное устройство вагоновъ, мнѣ кажется, неудобно; для освѣженія воздуха надобно придумывать другія средства. Наверху подъ потолкомъ въ вагонахъ 3-го класса нѣтъ ничего (напримѣръ, рѣшетки), къ чему бы можно было привязать какую нибудь легкую вещь, напр. дамскую шляпку, тогда какъ въ 2 классѣ существуютъ подобныя удобства; этотъ недостатокъ особенно странно видѣть на дорогѣ, строющейся иностранцами. Станціонные дома по всей дорогѣ самые простые, деревянные, низенькіе, по видимому временные; на няти станціяхъ есть буфеты, въ которыхъ можно найти всѣ необходимыя яства и питья для всѣхъ классовъ народа; сѣмщики буфетовъ, говорятъ, по всей линіи до Динабурга одинъ. Сколько онъ платитъ за всю линію, мнѣ узнать не удалось, но за маленькія станціи, мнѣ кажется, дорого, на пр. за содержаніе буфета на Островской станціи 50 руб. сер. въ мѣсяцъ; по этому пища немного дешевле, чѣмъ на Ник. желѣзн. дорогѣ, и, какъ говорятъ, барыши буфетовъ весьма малы, не смотря на всѣ уловки и прижимки, какъ напр. медленность сдачи денегъ, отъ которой пассажиры нерѣдко вовсе отказываются, слыша звонокъ. На Варшав. дорогѣ, съ самой первой станціи, въ вагонахъ вы видите множество польскихъ и еврейскихъ лицъ, и слышите ихъ языки. Въ вагонахъ 3-го класса васъ уже

не обхватываетъ типическій крестьянскій великорусскій міръ съ его языкомъ и запахомъ. Вы видите и крестьянъ, но одѣтыхъ не въ нагольные полушубки, а въ сѣрые кафтаны. Изрѣдка видите чистаго Русачка съ пилой подъ мышкой или топоромъ за поясомъ. На одной изъ станцій двое такихъ странствующихъ рыцарей вошли въ вагонъ и, видя пустыя мѣста на задней скамейкѣ, перелѣзли чрезъ ту скамейку, на которую имъ указалъ съѣсть кондукторъ, и усѣлись на свободныхъ мѣстахъ. Но не долго они наслаждались комфортомъ: кондукторъ такъ ихъ пугнулъ на свои мѣста, что они едва унесли ноги, но и при такой передрягѣ обычный Русскому юморъ ихъ не оставилъ: «Генералъ, не сердись пожалуйста», говорили они кондуктору, когда тотъ, указывая на сидѣвшую на свободной скамейкѣ даму, гналъ ихъ назадъ. Не рѣдко вы видите, что Русскій мужичокъ шутить, собираясь на опасное дѣло, и даже умираетъ шутя. Смѣхъ сопровождалъ мужичкамъ при ихъ передвиженіи взадъ и впередъ по вагону и особенно при ихъ величаніи кондуктора генераломъ, тогда какъ кондукторъ очень обижался этимъ. Не такъ забавна была другая сцена въ вагонѣ: одинъ жидокъ вздумалъ развалиться на двухъ свободныхъ мѣстахъ и протянуть ноги по направлению къ Русскому купцу въ енотовой шубѣ. Шуба чрезвычайно обидѣлась и ужасно разбранила жидка,

котораго особенно оскорбило названіе: свинья. Жидокъ вышелъ изъ терпѣнья и тоже въ свою очередь разбранилъ купца тѣми же словами, но все-таки отодвинулся отъ купца на почтительное разстояніе. Даже въ нашемъ самомъ терпѣливомъ народѣ очень сильна нетерпимость къ Евреямъ, этому загнанному, но одному изъ даровитѣйшихъ племенъ. Еще непріятнѣе было видѣть ссору на Островской станціи при выдачѣ багажа. Надобно замѣтить, что эта выдача производится чрезвычайно медленно, потому что мало рабочихъ, перетаскивающихъ вещи изъ вагона на станцію. Какой-то военный съ кокардой обратился къ какому-то господину въ военномъ костюмѣ съ зелеными кантиками, но безъ кокарды, прося его выдать багажъ, и при этомъ употребилъ слово: *почтенныйишй*. Надобно было видѣть гнѣвъ этого господина, какъ будто его назвали гусакомъ. Онъ тотчасъ же началъ военному говорить *ты*, и пошелъ перекрестный огонь самыхъ площадныхъ грубостей. Удивительное дѣло, что ни въ одномъ общественномъ собраніи даже порядочныхъ людей у насъ никакъ не обойдется безъ ссоръ и курьезныхъ сценъ! И чѣмъ, подумаешь, иногда обижается наше мелкое честолюбіе? А какъ вы думаете, отъ чего? Отъ того, что слово: *почтенныйишй*, употребляется болѣе въ отношеніи къ купеческому сословію, а не къ дворянамъ и чиновникамъ. Болѣе нѣтъ никакихъ

причинъ имъ обижаться.—Отъ Островской станціи до города Острова около 3 верстъ, но по отвратительной дорогѣ мы ползли на мужицкой телѣгѣ болѣе часу. Легковыхъ извозчиковъ нѣтъ. Скоро будетъ строиться шоссе и тогда, конечно, они явятся, но безъ таксы едва ли цѣна ихъ будетъ дешевле чѣмъ теперь. Мой возница привезъ меня на отвратительный постоялый дворъ, но къ счастью, я скоро отыскалъ порядочную гостиницу около мосту. Собираюсь въ дальнѣйшій путь, какъ скоро будутъ готовы почтовые лошади, разгонъ которыхъ огромный. Что-то ждетъ меня далѣе при настоящей бездорожницѣ и недостаткѣ лошадей. Но тотъ не воинъ, кто, идя на сраженіе, боится смерти! тотъ не путешественникъ, кто, пускаясь въ путь, боится неудобствъ.—Городъ Островъ замѣчателенъ мостомъ чрезъ рѣку Великую и развалинами крѣпости на островѣ этой рѣки. Отъ желѣзной дороги онъ значительно поправился, какъ и вся бѣдная сторона, къ ней прилегающая. Здѣсь рассказывали мнѣ, что на участкѣ отъ Пскова до Острова, дѣланномъ къ спѣху, поденщики получали до 2 р. сер. въ день. Отъ Острова до Динабурга уже положены рельсы, и по нимъ производится перевозка дорожныхъ принадлежностей. Скоро ли откроется эта часть дороги для публики?

П И С Ь М О И.

Динабургъ, 25-го марта.

Отдохнувъ въ городѣ Островѣ отъ десяти-часовой ѣзды по желѣзной дорогѣ, я отправился въ казначейство взять подорожную; но меня прежде отправили въ городническое правленіе за полученіемъ свидѣтельства, что на выѣздѣ изъ города препятствій нѣтъ. Какое могло быть препятствіе, когда я пробылъ въ немъ только нѣсколько часовъ, и для чего нужно это свидѣтельство, когда я предъявилъ въ казначействѣ свой паспортъ, для меня и до сихъ поръ остается загадкою. Дѣлать нечего, надобно было выполнять всѣ установленные обряды и бродить по городу взадъ и впередъ почти по колѣна въ грязи. Къ счастью, городничаго я засталъ дома и за свидѣтельствомъ дѣло не остановилось. 24-го марта, послѣ обѣда, выѣхали мы изъ Острова на перекладной телѣжкѣ. Почтовые кареты изъ Петербурга по варшавскому тракту ходятъ не каждый день, и какъ желающихъ въ нихъ ѣхать всегда несравненно болѣе, чѣмъ мѣстъ, то и приходится записываться за мѣсяцъ впередъ, или ѣхать на перекладныхъ. Послѣдній способъ путешествія я предпочелъ и потому, что въ Петерб. почтамтѣ мнѣ сказали, что хотя я и возьму мѣсто въ почтовой каретѣ, но при

настоящихъ глубокихъ снѣгахъ придется все-таки ѣхать, можетъ быть, всю дорогу на перекладныхъ; предсказаніе это сбылось вполнѣ. Отъ Острова до Динабурга мы не встрѣтили ни одной почтовой кареты, что нисколько насъ и не удивляло. Мы и на перекладныхъ-то ѣхали половину дороги на самыхъ легкихъ санкахъ, наподобіе лапландскихъ нартъ, а другую половину на телѣгахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на дорогѣ лежатъ сугробы снѣгу въ нѣскольکو сажень, и только при усиленной разчисткѣ цѣлыми сотнями людей продѣланы въ нихъ узкіе проѣзды, среди снѣговыхъ стѣнъ съ обѣихъ сторонъ. Снѣжный ураганъ первыхъ чиселъ марта по видимому бушевалъ въ одно и тоже время на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ верстъ. Пробовали припрягать по 12 лошадей, и тѣ не могли вытаскивать почтовыхъ каретъ изъ такихъ ущелій. Лошади здѣшнія въ настоящую бездорожицу и при огромномъ разгонѣ обратились въ скелеты, на которые жалко смотрѣть. Почтовые экипажи на станціяхъ—допотопныя телѣги, изобрѣтенныя вѣроятно для потрясенія безчувственныхъ человѣческихъ душъ и разбитія геморроидальныхъ застоевъ крови. Наши великорусскія и не шоссеиныя дороги экипажами перещеголяли варшавское шоссе; у насъ теперь вездѣ тараптасы, въ которыхъ по шоссе было бы очень покойно ѣхать. Въ недоумѣніи предъ такимъ явле-

нѣмъ отсталости запада предъ востокомъ, я обратился съ вопросомъ къ одному содержателю станцій и получилъ въ отвѣтъ, что онъ на своихъ станціяхъ соби́рался завести тарантасы, но встрѣтилъ запрещеніе отъ почтмейстера, который сказалъ ему, что форменный экипажъ по варшавской дорогѣ есть телѣга и что за нововведеніе онъ боится подвергнуться отвѣтственности, если поѣдетъ ревизовать станціи какой нибудь департаментскій чиновникъ. Станціонные дома варшавской дороги выстроены на казенный счетъ по одному плану и состоятъ изъ 4 комнатъ для проѣзжающихъ. Очень жаль, что при нихъ нѣтъ *необходимыхъ удобствъ*, особенно для дамъ, и вообще комнаты выглядываютъ чѣмъ-то заброшеннымъ и опустѣлымъ, наподобіе развалинъ. Въ иной комнатѣ вы видите напр. превосходное зеркало, конечно стоившее огромныхъ денегъ, и тутъ же растрепанную, разрозненную мебель, грязныя и дурно вставленные рамы въ окнахъ и еще грязнѣйшіе полы; на нѣкоторыхъ станціяхъ подаютъ вамъ стеариновую свѣчку, а на другихъ салыный огарокъ въ отвратительномъ подсвѣчникѣ. На всѣхъ станціяхъ вообще очень мало мебели для отдыха пассажировъ: одинъ диванъ и 3—4 стула въ большой комнатѣ представляютъ очень жалкій видъ. Между тѣмъ, говорятъ, все это нѣкогда поражало обиліемъ, роскошью, щеголеватостью чистотой, и на все это

и теперь, вѣроятно, отпускаются очень порядочныя деньги; ѣздятъ даже и ревизоры. На одной станціи намъ не позволили внести своихъ чемодановъ въ комнату, въ которой мы расположились отдохнуть, подъ тѣмъ предлогомъ, что комната эта назначена для путешествующихъ генераловъ и что ревизующій станціи полковникъ не позволяетъ не только вносить въ нее чемодановъ, но даже и впускать никого, кромѣ генераловъ. На станціяхъ ничего съѣстнаго: одни только самовары вездѣ предлагаютъ свои услуги и приносятъ своимъ хозяевамъ, станціоннымъ смотрителямъ, порядочный доходъ. Наши промышленники вообще не любятъ довольствоваться не большими процентами, этому правилу слѣдуютъ и станціонные смотрители. Представьте себѣ, что здѣсь за самоваръ обыкновенная цѣна 20 к. с. За что же такой грабежъ?

Съ самаго Острова вы уже не встрѣчаете ни одного типическаго лица широкоплечаго и краснощекаго бойкаго, щеголеватаго и смышленаго великорусскаго ямщика; вашими возницами здѣсь являются какія-то жалкія, запуганныя и бѣдно одѣтыя существа изъ окрестныхъ жителей, говорящихъ смѣсью русскаго съ польскимъ языкомъ. Отъ нихъ вы не услышите ни живаго отвѣта на ваши вопросы, ни бойкаго разсказа, ни звонкой пѣсни. Сгорбившись, согнувши колѣнки на передкѣ своей брички и съ

апатическимъ выраженіемъ лица, онъ молча похлопываетъ кнута своихъ влячь отъ станціи до станціи и также вяло приходитъ къ вамъ молча просить на водку. Прилегающія къ шоссе мѣстности Псковской и Витебской губерній извѣстны своею бѣдностью. Она то вѣроятно и служитъ главною причиною такихъ печальныхъ явленій. Желѣзная дорога уже много способствовала къ развитію благосостоянія тамъ, гдѣ она прошла: тысячи народа находили на ней работу за хорошую плату. Безъ сомнѣнія, съ открытіемъ по ней движенія благосостояніе разовьется въ этихъ бѣдныхъ странахъ еще болѣе.

Мѣстоположеніе по всей дорогѣ такое же однообразное и унылое, какъ и во всей внутренней Россіи. Но дорога эта скучнѣе всѣхъ русскихъ дорогъ тѣмъ, что по ней почти вовсе не встрѣчается деревень и селъ, такъ частыхъ на нашихъ дорогахъ. Между Островомъ и Динабургомъ лежитъ маленькій городишко Рѣжица, неизвѣстно почему названный городомъ: такъ онъ малъ и бѣденъ, даже по наружному своему виду. Въ немъ я видѣлъ одну только улицу съ 5 или 6 каменными домами и въ сторонѣ десятки хижинъ, крытыхъ соломой. Строющаяся въ городѣ церковь поражаетъ величиной своей главы и узкостью размѣровъ цѣлаго зданія. На станціи въ Рѣжицѣ есть какой-то буфетъ, содержатель котораго угостилъ насъ очень плохо за дорогую цѣну. По-

добное явленіе вы увидите во всей Россіи: неразсчетливость и апатія публики, кажется, главный его причины. На этой же станціи просидѣли мы болѣе 3 часовъ въ ожиданіи лошадей. Въ 7 верстахъ отъ Динабурга взяли съ насъ шосейнаго сбора, за пространство отъ Острова до Ковно, т. е. за 387 верстъ, 3 р. 12 к. с. Неужели подобный высокій налогъ будетъ лежать на дорогѣ даже и тогда, когда проведутъ желѣзную дорогу, и по шоссе никто не будетъ ѣздить, кромѣ мужиковъ съ дровами и сѣномъ? Кажется, можно бы его отъ времени до времени понижать, особенно когда дорога этимъ сборомъ окупилась уже нѣсколько разъ.

26 марта, въ 7 часовъ вечера, мы приѣхали въ Динабургъ, замѣчательный тѣмъ, что его не видать до тѣхъ поръ, пока въ него не въѣдешь. Городъ довольно большой, но расположенъ въ очень низкой долині. Здѣсь для проѣзжающихъ есть нѣсколько гостинницъ; лучшею считается гостинница Будревича, въ которой мы и взяли сносный номеръ съ однимъ окномъ на дворъ, за 75 к. с. въ сутки, съ постельнымъ бѣльемъ, съ щелями въ дверяхъ и полу и крысинымъ пискомъ подъ поломъ; за свѣчи и самоваръ плата особенная. Другія гостинницы содержатся Евреями и, говорятъ, при той же цѣнѣ не имѣютъ чистоты гостинницы Будревича. Содержатели гостинницъ по шоссе должны будутъ проститься съ

своими барышами, какъ только устроится желѣзная дорога. Но за то, въ послѣдніе дни своего существованія они пожинають богатую жатву съ французскихъ и русскихъ инженеровъ и прочихъ служащихъ по строящейся желѣзной дорогѣ. Одинъ изъ нихъ недавно въ гостинницѣ Будревича забылъ свою дорожную сумку съ 18,000 р. сер. Хорошо, что она попала въ руки честной служанкѣ, которая тотчасъ же ее представила хозяйкѣ, а та возвратила воротившемуся Французу. Динабургъ есть переходный пунктъ между Польшей и Россіей. Здѣсь много Поляковъ и Евреевъ, и чаще другихъ слышны эти два языка. Верстахъ въ двухъ отъ города, по тракту къ Ковно, находится знаменитая Динабургская крѣпость. Такъ какъ я мирный гражданинъ и, сверхъ того, въ дорогѣ немножко простудился, то и не смотрѣлъ ее. Теперь же расскажу лучше то, что я дорогой слышалъ о Французахъ, служащихъ и работающихъ на желѣзной дорогѣ. Во 1) противъ грубаго обращенія франц. мастеровъ съ русскими рабочими, говорятъ, приняты самыя *дѣйствительныя* мѣры, послѣ которыхъ ни одинъ Французъ не зазнается и не захочетъ третировать русскаго мужика *en saпaille*; во 2) наши русскіе широкоплечіе и коренастые мужики, и на работахъ и въ схваткахъ съ Французами, оказываются совершенною *слабостью*; представьте себѣ, что 30 человекъ русскихъ рабочихъ не могли спра-

виться въ г. Островѣ съ 6 разбушевавшимися въ трактирѣ Французами. Точно тоже явленіе и на работѣ: Французъ легко перебрасываетъ ту тяжесть, которую русскій рабочий не можетъ и поднять. Это я слышалъ отъ очевидцевъ, не мало удивляющихся силѣ и ловкости большею частію тонкихъ и поджарыхъ Французовъ. А между тѣмъ ларчикъ очень просто открывается: каждый Французъ знакомъ съ гимнастикой, развивающей до *plus ultra* силы организма, а у насъ не только мужики, но и дворяне и даже медики весьма немногіе имѣютъ о ней надлежащее понятіе.

П И С Ь М О III.

Ковно, 3-го апрѣля.

Простудившись въ дорогѣ и разбитый ѣздой, я четверо сутокъ отдыхалъ въ Динабургѣ, почти все не выходя изъ комнаты. Только 30-го марта, вечеромъ я дошелъ до почтовой станціи, чтобы предъ- явить свою подорожную и попросить приготовить мнѣ лошадей къ 8 час. утра 31-го марта. Завѣдывающій станціей обѣщалъ непременно исполнить мое желаніе, и я отправился домой спокойно ожидать исполненія; но на утро часы мои показывали

уже 9 ч., а лошади не показывались. Въ недоумѣніи я отправился самъ на станцію, гдѣ къ величайшему моему изумленію и прискорбію узналъ, что я долженъ ждать лошадей по крайней мѣрѣ до 3-хъ часовъ послѣ полудня. Сколько я ни представлялъ на видѣ, что моя подорожная заявлена еще наканунѣ, и что если тогда не было готовыхъ лошадей, то въ теченіи слишкомъ полусутокъ онѣ уже непременно должны были возвратиться, слова мои были тщетны. Мнѣ коротко отвѣтили, что въ это время дѣйствительно нѣсколько разъ лошади возвращались, но по моей подорожной не могли быть останавливаемы, и отдохнувъ, иногда даже меньше положеннаго срока, отправлялись или съ почтовыми экипажами, или съ курьерами, и что пассажиры даже по казеннымъ подорожнымъ должны ждать, пока не будетъ казенныхъ отправокъ; мнѣ сказали въ утѣшеніе, что нѣкоторые пассажиры ожидали лошадей даже по 3 сутокъ. Я вписалъ свою жалобу въ книгу, но мнѣ замѣтили, что я напрасно это дѣлаю, потому что эта жалоба ни къ чему не поведетъ. Жалобу посмотреть, посмотреть и книгу, въ которой вписывается разгонъ лошадей, и нашедши, что лошадей въ показанное мною время дѣйствительно не было, жалобу оставить безъ вниманія, а число лошадей отъ этого все-таки не увеличится. Здѣсь разгонъ огромный въ четыре разные конца, а всѣхъ

лошадей около 80, тогда какъ ихъ нужно по крайней мѣрѣ 100. Объ этомъ было представляемо, куда слѣдуетъ и даже получено разрѣшеніе на прибавку 16 лошадей, но не сказано, съ котораго времени. Для разрѣшенія этого недоумѣнія пошло новое представленіе, и когда на него получится ясный отвѣтъ, неизвѣстно. Дѣлать нечего: прождалъ до 3 час. и мнѣ наконецъ прислали лошадей, которыя довели меня до берега Двины; по рѣкѣ еще шелъ небольшой ледъ; вещи мои положили на паромъ, а лошади отправились назадъ: мнѣ сказали, что на той сторонѣ Двины есть лошади. Переѣхавъ черезъ Двину и вскарабкавшись съ вещами на берегъ, я увидѣлъ себя среди открытаго поля, на которомъ нѣтъ и слѣда не только почтовыхъ лошадей, но и чего нибудь похожаго на временную почтовую станцію. Мнѣ сказали, что до мѣста, гдѣ помѣщаются на время разлива почтовые лошади, около полуторы версты отъ рѣки; идти туда нужно было по страшной грязи, холодный и сырой вѣтеръ дулъ въ лицо. Я взялъ съ берега какого-то нищаго стараго солдата и какого-то мальчика для переноски вещей, и печально побрелъ въ путь. Къ счастью моему, проѣзжалъ ямщики съ возвратными лошадьми и съ привязанными еще позади телѣги нѣсколькими клячами: онъ сжалился надо мною и довезъ меня по изрытымъ и грязнымъ улицамъ села до какого-то вет-

хаго жилья, гдѣ пребывалъ писарь, распорядитель почтовой станціи. Господина этого не было дома, и я никакъ не могъ узнать, есть ли лошади и гдѣ я могу укрыться отъ вѣтра и накрапывавшаго дождя. Наконецъ онъ явился и сказалъ мнѣ, что я долженъ прождать еще не менѣе четырехъ часовъ, потому что лошади только что возвратились и были совершенно измучены отъ непрерывнаго разгона; онъ сказалъ также, что я могу найти по близости нѣмецкій трактиръ. Я обрадовался такому открытію и немедленно туда отправился напиться чаю. Мнѣ скоро подали самоваръ, за который честный Нѣмецъ взялъ не 20 к., какъ дерутъ станціонные смотрители, а только 10 к. с. Оскорбляетъ не столько дороговизна товара, сколько непомерная алчность его продавца. Идя въ трактиръ я долженъ былъ проходить мимо стоячихъ болотъ, недалеко отъ рѣки, изъ которыхъ на всю окрестность разливалось убійственное зловоніе. Это село помѣщичье, и въ немъ живетъ множество Евреевъ. Не понимаю, какъ могутъ тамъ существовать всѣ эти люди цѣлые десятки лѣтъ, когда въ нѣсколько часовъ, проведенныхъ въ этомъ смрадномъ захоlustѣ, легко заразиться лихорадкою. Возвращаясь изъ трактира я, разумѣется, снова принужденъ былъ испытать всѣ мученія разъ уже пройденнаго мною грязнаго, вонючаго пути. Прождавъ еще съ часъ подъ крышею какой-то развалины, недалеко

отъ такъ пазываемой станціи, я наконецъ получилъ такихъ жалкихъ по худобѣ и усталости лошадей, что окончательно потерялъ бодрость духа; и въ самомъ дѣлѣ, заѣхавъ въ грязь еще при выѣздѣ изъ села, лошади стали, и никакія усилія ямщика не сдвинули ихъ съ мѣста. Несчастный соскочилъ на землю, махнулъ съ отчаяніемъ руками и громко зарыдалъ: онъ крѣпостной человѣкъ, а лошади барскія; однако, вздохнувъ немножко и при ожесточенныхъ побояхъ ямщика, клячи рванулись, вытащили насъ изъ грязи и потянулись шагомъ, тяжело дыша и уныло качая головами. Минуть черезъ десять повторилось тоже самое, но это случилось при выѣздѣ на шоссе, гдѣ уже стоялъ большой экипажъ, напряженный четверней совершенно такихъ же несчастныхъ животныхъ, которыхъ никакіе удары и крики десятка рабочихъ, чистившихъ около дороги лѣсъ для какой-то постройки, не способны были придать силъ. Видя слезы нашего ямщика, нѣсколько человѣкъ подскочили къ намъ и такъ усердно начали колотить въ бока своими заступами бѣдныхъ лошадей нашихъ, что онъ отчаянно дернулъ впередъ и такимъ образомъ мы выбрались на шоссе и поехали далѣе, трепеща каждую минуту, что вотъ — упадетъ которая нибудь изъ лошадей и намъ придется провести ночь гдѣ нибудь въ полѣ или лѣсу, въ дождь и пронизывающій насквозь хо-

лодный вѣтеръ.—Окрестность Динабурга на той сторонѣ Двины представляетъ самый унылый видъ болотъ и кочекъ, верстъ на шесть вокругъ. Далѣе начинается мѣстность до того холмистая, что то и дѣло приходится или взбираться на гору, или спускаться съ горы. Ужъ какъ мы доплелись на нашихъ падающихъ лошадяхъ до станціи, я не могу объяснить и безъ ужаса подумать объ этомъ. Упали лошади и—мнѣ приходилось въ сырую, туманную ночь оставаться въ чистомъ полѣ: ни одного жилья въблизи пѣтъ, кромѣ какой-то жидовской корчмы на половинѣ дороги. Какъ, потерпѣвъ караблекрушеніе, радуются при видѣ берега, такъ я обрадовался, увидя огни станціи, на которой и расположился отдохнуть послѣ всѣхъ нравственныхъ и физическихъ потрясеній. Станція эта очень красива и чисто содержится, состоитъ изъ четырехъ комнатъ, двухъ парадныхъ и двухъ для пассажировъ. Остальныя же станціи отъ Динабурга состоятъ уже только изъ одной комнаты; но чрезъ каждыя три станціи есть станція первоклассная, тоже изъ четырехъ комнатъ. На одной изъ станцій я видѣлъ портретъ генерала Назимова. На Ущанской станціи порядочный буфетъ, за который содержатель платитъ около 300 руб. сереб. въ годъ, и не удивительно, что порціи немного дешевле столичныхъ. Худшая изъ всѣхъ станцій, не смотря на то, что она первоклассная, есть

Вилькомирская: грязь, отсутствіе прислуги, недостатокъ мебели на ней поразительны.

Версть за тридцать до Ковно протекаетъ довольно большая рѣка Вилія, при переправѣ черезъ которую случилось со мною слѣдующее происшествіе: я вѣхалъ на своей телѣгѣ на паромъ, къ счастью находившійся по сю сторону; дулъ очень сильный вѣтеръ, пронизывающій насквозь. Не видя никого сзади, ни пѣшаго ни коннаго, я просилъ перевозчиковъ отчалить отъ берега. Они указали мнѣ на почтовую телѣжку, стоявшую около какого-то грязнаго трактира или шинка. Но какъ телѣжка могла стоять тутъ цѣлый день, то я и потребовалъ немедленно меня перевезти. Каково же было мое изумленіе, когда уже на половинѣ пути нашего парома, съ того берега раздалось громкое приказаніе двухъ военныхъ офицеровъ перевозчикамъ воротиться назадъ. Противъ человека военного ратовать трудно, и паромъ, не смотря на сильный вѣтеръ, поползъ назадъ. Такова уже сила произвола, что онъ даже невозможное, не только что несправедливое, дѣлаетъ возможнымъ. — Отъ Вилькомира почтовые лошади лучше чѣмъ на прежнихъ станціяхъ. Снѣгу по дорогѣ вовсе нѣтъ, на поляхъ зеленѣетъ озимь и пахутъ подъ яровое. Почва земли отъ Динабурга до Ковно большею частью усѣяна камнями. Передъ самымъ Ковно мимо меня пронеслась легкая коля-

ска, запряженная парой красивых лошадей. Я невольно стал вглядываться, кто ѣдет въ городскомъ экипажѣ, и увидѣлъ инженернаго офицера, небрежно развалившагося на подушкахъ. По всей дорогѣ недостатокъ разнѣнной монеты, не только серебряной, но и мѣдной. Счастье мое, что со мною было мелкое серебро; на нѣкоторыхъ станціяхъ давали мнѣ на сдачу почтовые марки. Ковно наполненъ евреями, при помощи которыхъ мнѣ удалось промѣнять на золото нѣсколько денегъ. Это лучшіе слуги всюду, конечно не даромъ, но за то ихъ расторопность, смысленность и услужливость истинно замѣчательны. Труды свои они не цѣнятъ слишкомъ высоко, какъ иные наши промышленники: они довольствуются небольшими процентами; только нужно быть не очень довѣрчивымъ. При томъ жалкомъ положеніи, въ какомъ они находятся, ихъ желаніе поживиться на чужой счетъ нельзя и осуждать, когда люди, лучше ихъ обставленные, дорожатъ своею честью гораздо менѣе ихъ....

И Н С Ъ М О IV.

Кенисбергъ, 6-ю (18-ю) апрѣля.

Въ первый день Пасхи я рѣшился выѣхать изъ Ковно, боясь простудиться въ гостинницѣ. Привыкши ѣхать тепло одѣтый, забнешь тамъ, гдѣ другіе не чувствуютъ холода, а на удовлетвореніе этой потребности тепла для проѣзжаго и въ столичныхъ нашихъ гостинницахъ не много обращается вниманія. Въ продолженіе дня я успѣлъ осмотрѣть мѣстоположеніе города; оно очень красиво. Городъ лежитъ на берегу Нѣмана, въ долинѣ среди горъ. На площади очень красивый памятникъ въ честь освобожденія Россіи отъ «Галловъ». Вечеромъ я пошелъ на почту взять мѣсто въ почтовой каретѣ, отправляющейся до Столупянъ, перваго прусскаго города, находящагося отъ Ковно въ 84 верстахъ. Эти кареты отправляются ежедневно и имѣютъ отъ 4 до 8 мѣстъ, въ томъ числѣ два наружныя. Мѣсто внутри кареты стоитъ 5 р. с., но за то позволяется безденежно съ собою брать только 20 ф. клади, а за остальную плата слишкомъ высока, именно такая же, какъ отъ Петербурга до Ковно, т. е. по 2 р. с. съ пуда. У меня не оказалось ни одного фунта, за который бы нужно было платить; но несчастный мой спутникъ, бельгійскій подданный, жившій въ Москвѣ, механи-

комъ, за свой ящикъ, въ которомъ везъ на родину самоваръ и разную разность, долженъ былъ заплатить 9 р. с. и ужасно обижался тѣмъ, что ему на почтѣ даже не дали расписаться въ книгѣ, что онъ заплатилъ такую огромную, судя по разстоянію, сумму. Изъ Ковно мы отправились втроемъ въ 10 час. вечера. Около часу насъ перевозили на паромѣ чрезъ Нѣманъ; наконецъ уѣхали мы въ почтовую карету и въ почной темнотѣ двинулись въ путь. Внутри кареты впрочемъ горѣла свѣча. Наступила очень холодная ночь, а въ каретѣ одно стекло оказалось разбитымъ, а другое не поднимающимся. Бельгіецъ и русская дама, мои спутники, другъ предъ другомъ соперничали кашлемъ; наконецъ для компаніи началъ кашлять и я. Здѣшніе ящики нисколько не похожи на русскихъ; это стриженные люди въ шинеляхъ, съ бичами въ рукахъ; нашей упряжи съ дугами не видать уже отъ самаго Острова. Здѣсь ѣзда дышловая, по четыре или по двѣ лошади въ рядъ. Последняя русская станція есть мѣстечко Вержболово, въ которомъ намъ дали такихъ лошадей которыя не могли тронуться съ мѣста, и только, при пособіи побоевъ и криковъ ящика и жидковъ, толпившихся вокругъ кареты, двинулись и поплелись впередъ. Какъ нарочно, для контрасту, тутъ же стоялъ почтовый Прусскій экипажъ, съ прекрасными лошадьми.

Въ Вержболовѣ почтовая контора, въ которой мы размѣняли на золото русскія бумажныя деньги съ порядочной потерей: за полуимперіаль мы платили по 5 руб. 60 коп. сер. Въ 4-хъ верстахъ отъ Вержболова наша таможня, въ которую насъ и привезли. До самой нашей границы проведена прусская желѣзная дорога и уже положены рельсы. Къ 1-му іюня, говорятъ, она будетъ открыта (*). Общее впечатлѣніе нашей таможни на меня было не веселое: главные чиновники всѣ какіе-то худые и блѣдно-желтые. Въ Столупяны мы притащились въ 12-ть часовъ дня; остановились на почтѣ, оставили въ особенной комнатѣ свои вещи и отправились въ гостиницу, находящуюся въ томъ же домѣ, отдохнуть. Обѣдъ у нѣмцевъ готовится въ определенное время, и мы въ ожиданіи его расположились въ чистой комнатѣ, въ которой висятъ портреты нашихъ царей, къ сожалѣнію нисколько не похожіе. Вдругъ кто-то постучался въ дверь нашей комнаты, и къ намъ вошелъ краснощекій молодой человѣкъ въ форменномъ платьѣ. Весело и вѣжливо кивнувъ головой, онъ пригласилъ насъ показать ему наши чемоданы. Это былъ таможенный чиновникъ. Всѣ таможенные и почтовые чиновники, намъ встрѣтившіеся на прусской землѣ, отличаются цвѣтущимъ здоровь-

(*) Она уже открыта дѣйствительно въ іюнь.

емъ, вѣжливостью, говорливостью, и спокойнымъ и бодрымъ видомъ. Въ прусскихъ же чиновникахъ встрѣтилось намъ и общее съ нашими чиновниками качество: это господство форменнаго платья. Каждый чернорабочій при таможднѣ, въ родѣ нашихъ артельщиковъ, имѣетъ форменное платье. Оно же попадаетъ вамъ всюду и на улицахъ. Видно, эта страстишка общая у нѣмцевъ съ русскими. Страстью къ формамъ мы отчасти перецеголяли и самыхъ нѣмцевъ. Стоитъ вспомнить почтовые телѣги по варшавскому шоссе, гдѣ существуютъ однѣ только форменныя, безъ всякаго отступленія отъ своего первообраза, не смотря на то, что въ это время уже изобрѣтены дроги, на которыхъ кузовъ той же телѣги не такъ трясетъ пассажира. Осмотръ вещамъ нашимъ произведенъ былъ самый тщательный: особенно досталось огромному ящику и чемоданамъ Бельгійца, который началъ проклинать, что взялъ столько вещей, провозъ которыхъ стоилъ гораздо дороже, чѣмъ проѣздъ его самого, а сколько съ ними всюду возни и хлопотъ! Запрещеннаго къ привозу въ Прусію, какъ мнѣ сказалъ чиновникъ тамождни, нѣтъ ничего, но нѣкоторыя вещи нужно только оплачивать пошлиной, напр. чай и табакъ, если они на ходятся въ значительномъ количествѣ; впрочемъ пошлина очень небольшая. Меня удивило, что съ Бельгійца взяли тоже пошлину за два фотографическіе

портрета въ рамкахъ и за стекломъ; съ меня не взяли ничего, потому что у меня была одна фотографія безъ рамъ, а другая очень маленькая. Чемоданъ русской дамы былъ такъ легокъ, что чиновникъ не захотѣлъ его и осматривать. Очевидно, что наша путешественница ѣхала наполнять чемоданъ за границей разными дешевыми предметами первой потребности и роскоши, но за то подушка ея вмѣщала весь ея тяжелый багажъ и вѣсила не менѣе 30 фунтовъ. Послѣ осмотра вещей нашихъ, ихъ при насъ свѣсили; мы ушли въ гостинницу обѣдать, куда и принесли билеты на нашъ багажъ, билеты же на мѣста въ почтовой каретѣ мы уже взяли на почтѣ. Бесплатно здѣсь позволено брать клади до Кёнигсберга 30 ф., за остальную плата съ пуда около 50 к. сер., слишкомъ за 130 верстъ разстоянія: это значить въ пятеро дешевле, чѣмъ отъ Ковно до Столупянъ. Обѣдъ въ гостинницѣ намъ подали очень вкусный и сытный, за цѣну очень недорогую. Нечего говорить, что все здѣсь опрятно до изысканности; но и здѣсь есть страсть просить на чай.

Въ 2 часа по полудни, 4-го апрѣля, мы выѣхали изъ Столупянъ въ Кёнигсбергъ въ почтовой каретѣ. До Кёнигсберга считается слишкомъ 130 верстъ; намъ сказали, что мы приѣдемъ на другой день утромъ въ 6 часовъ. Шоссе гладкое, но гораздо уже варшавской дороги, почтовые кареты такіа же какъ

у насъ, ямщики вовсе не похожи на нашихъ: здѣшніе въ синихъ шинеляхъ съ красными воротниками, мѣдными орлами на круглыхъ шляпахъ и длинными бичами въ рукахъ, сидятъ на козлахъ, сдѣланныхъ на крышѣ самыхъ каретъ съ достоинствомъ, слегка помахивая своими бичами и слегка покрикивая на лошадей; но еще болѣе не похожи здѣшнія лошади на нашихъ лошадей: это орлы въ сравненіи съ ошипанными воропами. Обращеніе съ ними достойно ихъ; съ ними обращаются здѣсь лучше, чѣмъ у насъ иные господа съ своими слугами. Здѣшняго сытнаго, гладкаго, гордаго коня не оскорбляетъ грубое слово, не только что прикосновеніе бича, котораго хлопанье раздается только въ воздухъ. Ъзда ровная, но при крупности лошадей и ихъ шагистости, весьма спорая. Если станція велика, то ямщики останавливаются среди дороги, даютъ лошадамъ вздохнуть минутъ 10 и потомъ опять трогаются въ путь. Ъхать скорѣе ни упросить, ни заставить ямщика здѣсь нельзя. До Кёнигсберга мы мѣняли лошадей пять разъ, и всѣ лошади и всѣ ямщики похожи другъ на друга. Когда затрубитъ ямщикъ, то все движущееся по дорогѣ впереди, останавливается и пропускаетъ карету, а не бросается съ дороги въ сторону, какъ у насъ дѣлаютъ; все ѣдущее на встрѣчу каретѣ держится своей стороны. Изъ Столупянъ въ каретѣ поѣхали мы вчетверомъ: трое русскихъ и одинъ нѣмецъ съ длинной, предлинной

шеей и горломъ, выдавшимся впередъ. Забавно было видѣть насъ троихъ, одѣтыхъ въ шубы, и жиденкаго нѣмца въ лѣтнемъ сюртукѣ. Въ воздухѣ на солнцѣ было около $+ 15^{\circ}$ Р., а намъ было только что въ пору сидѣть въ шубахъ: такъ балуетъ теплая и тяжелая одежда въ дорогѣ. На первой станціи, въ городѣ Гумбиненѣ, насъ перемѣстили въ другую карету. На станціи здѣсь мы любовались глядя, какъ крошечные мальчики и дѣвочки толпами возвращались домой изъ школы съ сумками и аспидными досками подъ мышкой. Одинъ шалунъ началъ было дразнить собаченку, но не бросалъ въ нее камешекъ, какъ дѣлаютъ наши школьники; прочіе же спокойно, большею частью по двое и по трое, разговаривая и подпрыгивая, возвращались по своимъ домамъ; большая часть изъ нихъ бѣдно, но всѣ опрятно одѣты: у одной только дѣвочки я замѣтилъ босые ноги. Проѣзжая далѣе, мы видѣли хорошо устроенныя фермы съ красивыми каменными домами и садами; пигдѣ не видно ни развалинъ, ни запустѣнія, все показываетъ непрерывный и плодотворный человѣческій трудъ; я не видалъ ни одного, самаго бѣднаго строенія, лежащаго на боку или съ растрепанной кровлей, какъ у насъ весьма часто попадаютъ не только въ деревняхъ, но и въ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ. Здѣсь все стоитъ бодро и спокойно. Почва земли и климатъ

здѣсь ни сколько не лучше, чѣмъ у насъ. Попадавшіеся намъ на встрѣчу экипажи были большею частью огромныя телѣги, запряженныя парой сильныхъ лошадей въ дышло или даже четверней; другой запряжки я здѣсь не видалъ; збруя менѣе сложная, чѣмъ у насъ, и гораздо легче; здѣсь нѣтъ ничего похожаго на наши убійственныя хомуты, напоминающіе орудія пытки, сжимающіе и стирающіе шеи нашихъ страдалицъ-лошадей. Здѣсь главная точка опоры въ збруѣ лошади—широкій ремень на груди. Здѣшняя, даже рабочая, лошадь,—госпожа въ сравненіи съ нашей несчастной рабочей-лошадью, страдающей и отъ збури, и отъ дороги, и отъ хозяина, и коповала. Цивилизація, которой первая ступень есть грамотность, улучшаетъ быть не только людей, но и животныхъ. Ни въ одномъ мѣстѣ по дорогѣ я не слыхалъ собачьяго стога, такъ у насъ обыкновеннаго, и не видѣлъ валяющихся труповъ ни кошекъ, ни собакъ, ни другихъ несчастныхъ животныхъ, у насъ встрѣчающихся даже на улицахъ. Другимъ городомъ Интербургомъ, мы проѣзжали ночью. Была превосходная тихая и теплая весенняя погода; жители, мужчины и женщины, группами расхаживали, взявшись подъ руки, по улицамъ и громко разговаривали. Казалось, что въ цѣломъ городѣ живетъ одно огромное семейство. Мнѣ рѣдко удавалось видѣть въ нашихъ городахъ, чтобы нѣсколько мужчинъ, взявшись

за руки, гуляли по улицамъ; а если и удавалось, то это бывали большею частью какіе нибудь пьяные гуляки, которымъ на встрѣчу не безопасно попадаться, особенно дамамъ. Безъ особенныхъ приключеній, но сильно усталые, мы ровно въ 6 часовъ утра, 5-го апрѣля, какъ было сказано, пріѣхали въ Кёнигсбергъ.

П И С Ь М О V.

Берлинъ, 23-го апрѣля.

....При настоящемъ направленіи движенія нашихъ путешественниковъ сухимъ путемъ, Кёнигсбергу предстоитъ довольно завидная доля обогащаться первому русскимъ золотомъ. И эта блестящая перспектива недалеко: желѣзная дорога до Вильно, говорятъ, будетъ готова осенью нынѣшняго года. Отъ Вильно недалеко Ковно, а отъ Ковно близко до Вержболовской таможни и границы, куда, какъ я уже писалъ вамъ, къ 1-му іюня откроется прусская желѣзная дорога. Едва ли это направленіе измѣнится и тогда, когда желѣзная дорога протянется до Варшавы. Черезъ Варшаву поѣдутъ тѣ путешественники, которые хотятъ быть въ Вѣнѣ; въ Берлинъ же черезъ Варшаву дальше, чѣмъ черезъ Кёнигсбергъ; жить въ го-

стинницахъ варшавскихъ еще дороже, чѣмъ въ Петербургѣ, притомъ въ Варшавѣ надобно съ паспортомъ ходить по разнымъ мытарствамъ и еще разъ публиковаться въ газетахъ въ числѣ отъѣзжающихъ. Гостиницъ въ Кёнигсбергѣ довольно; кажется, болѣе десяти. Судя по Sans-Souci, которая занимаетъ, кажется, пятое мѣсто, здѣшнія первоклассныя гостиницы очень хороши и въ сравненіи съ петербургскими и московскими не дороги. Я получилъ отъ хозяина приглашеніе быть въ одномъ изъ концертовъ, которые устрояются три раза въ недѣлю въ нижнемъ этажѣ его дома. Цѣна за входъ 5 грошей. Общая зала гостиницы очень красива и велика; она въ длину раздѣляется на три части арками, украшенными искусственною мелкою зеленью, потолокъ и стѣны бѣлыя съ красивыми арабесками, простѣнки между окнами выдаются въ видѣ колоннъ и на нихъ разставлены раскрашенные бюсты птицъ и животныхъ; вся зала, какъ и весь городъ, освѣщается газомъ; въ залѣ нѣсколько люстръ, представляющихъ вѣтки съ цвѣтами, изъ которыхъ, въ видѣ кистей, льется газовое освѣщеніе. Здѣсь, какъ говорилъ мнѣ хозяинъ, помѣщается за столами около 800 человекъ; концерты, бывающіе въ Hôtel Sans-Souci, очень пріятны: тутъ нѣтъ ничего официального, параднаго и принужденнаго, это какъ будто семейный, простой и скромный праздникъ, гдѣ каждый преспокойно уса-

живается за столомъ, спрашиваетъ кружку пива или рюмку вина, порцію какого нибудь кушанья или буттерброта съ колбасой, ветчиной, мясомъ и проч. Знакомые собираются кружками и продолжаютъ какъ будто вчера начатый разговоръ: такъ бесѣдуютъ нѣмцы, всегда положительные, спокойные и задумчивые. Женщины совсѣмъ не такъ сангигентальны и вилы, какъ вообще думаютъ: онѣ бойко и весело смотрятъ вамъ въ глаза и не прочь поболтать и пересудить все видѣнное и слышанное. Къ концерту собралось большое общество, всѣ одѣты были по домашнему, нѣкоторые дамы пришли съ работами, одна, вѣроятно гувернантка, судя потому, что подлѣ нея вертѣлись дѣти, цѣлый вечеръ усердно вязала чулокъ. Концертъ былъ исполненъ оркестромъ изъ капеллы на очень хорошихъ инструментахъ, артисты съ большою любовью и пониманіемъ выполняли пьесы, программа была довольно сложная: я помню, что играли изъ Моцарта, Мендельсона и другихъ извѣстныхъ композиторовъ. Въ заключеніе было сказано, что г. N. изъявилъ согласіе декламировать, съ акомпаниментомъ оркестра, стихотвореніе Шиллера: *Bürgschaft*. Такое зрѣлище было для меня новостью. На сцену вышелъ очень худой и блѣдный господинъ и началъ декламировать подѣ отрывистые звуки оркестра, то громкіе, то тихіе, смотря по тому, что и какъ говорилъ декламаторъ.

Хозяинъ подошелъ ко мнѣ и съ восторгомъ разска-
залъ, что это сынъ одного здѣшняго концертмейс-
тера, талантъ котораго такъ великъ, что ему пред-
лагали хорошія мѣста многіе города Пруссіи, что
все семейство это удивительно по артистическимъ
способностямъ: отецъ музыкантъ, дочь пѣвица и
сынъ поэтъ. Какая, подумаешь, разница между здѣш-
ними общественными удовольствіями и нашими рус-
скими. У насъ, чтобы послушать порядочную музы-
ку, нужно заплатить дорого, одѣваться форменно.
Наше дѣленіе на касты отбиваетъ охоту даже у
порядочныхъ людей бывать въ подобныхъ общест-
венныхъ собраніяхъ. Мнѣ удавалось видѣть концер-
ты въ нашихъ губернскихъ городахъ, гдѣ участвуютъ
благородные любители. Тамъ господствуетъ, кромѣ
дороговизны, такая неприступная торжественность,
что рѣдко бываетъ и богатое купечество, хотя оно
обыкновенно и беретъ билеты, которые разсылают-
ся покровителями искусствъ, важными губернскими
чиновниками. Такимъ образомъ для средняго нашего
класса почти вовсе недоступны изящныя наслаждѣ-
нія, и по неволѣ приходится играть въ карты, въ
чемъ пѣмцы не имѣютъ нужды. Здѣсь за 5 гро-
шей можно наслаждаться цѣлый вечеръ хорошей
музыкой. Въ антрактахъ концерта говорливый хо-
зяинъ рассказывалъ мнѣ о жизни и жителяхъ въ
Кёнигсбергѣ. Въ городѣ около 82,000 жителей, три

гимназіи и три элементарныя школы. Обязательный хозяинъ предложилъ познакомить меня съ нѣкоторыми изъ педагоговъ этихъ школъ, но, по моему плану, я не могъ оставаться много времени въ Кёнигсбергѣ. Покажи только любознательность, и любознательные нѣмцы готовы на всевозможныя услуги. По рѣкѣ Прегелю, на которой стоитъ Кёнигсбергъ, проходить въ годъ около 1,500 судовъ; но большія суда могутъ входить сюда только во время половодья, въ остальное же время останавливаются въ Пиллау. Я впервые здѣсь узналъ, что Кёнигсбергъ снабжаетъ насъ лососиной, которою насъ здѣсь и угощали. Два купца: Широковъ и другой съ польской фамиліей скупаютъ здѣсь всю лососину и везутъ въ Петербургъ. Задѣльная плата здѣсь въ лѣтнее время еще выше чѣмъ у насъ: поденщикъ можетъ заработать въ день до 2 талеровъ; стоитъ только взглянуть на рѣку, запруженную судами, чтобы этому повѣрить. Но за то не низки цѣны и жизненныхъ потребностей. Здѣсь 1 фунтъ ржаного или черного хлѣба (не дѣйствительно черного, но того, который у насъ называется лучшимъ ситнымъ), стоитъ 9 пфенинговъ (*) (около 9 к. асс.), 1 фунтъ пшеничнаго или бѣлаго 2 гро-

(*) Прусскій талеръ, равняющійся нашимъ 93 к. сер., содержитъ въ себѣ 30 грошей, а грошъ 12 пфенинговъ.

ша 8 пфенинговъ (около 9 в. сер.), 1 шеффель пшеницы (около 131—133 фунтовъ) отъ 91 до 92 грошей, 111 фунтовъ ржи 50 грошей, 50 фунтовъ овса 30 грошей, 50 фунт. гороха 60 грош., 1 ф. стеариновыхъ свѣчъ 13 грош., 1 ф. говядины 5 грош., 1 шеффель картофелю 20 грош., 1 ф. телятины 6 грош., 10 яицъ 10 грош. Но за то бочка спирту 18 талеровъ, 1 ф. сахару полура-финаду 5 грош., кофе 10 грош. Хозяинъ гостиницы увѣрялъ меня, что здѣсь все дороже, чѣмъ въ Берлинѣ, особенно предметы роскоши, въ чемъ я имѣлъ случай лично убѣдиться. Но я примирился съ Кёнигсбергомъ, когда въ Берлинѣ услыхалъ, что онъ считается прусскою Сибирью. И такъ, пусть русскіе путешественники, настоящіе и будущіе, не рассчитываютъ ни на что дешовое здѣсь, чтобы не разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ. Мужчины здѣшніе, какъ и вообще всѣ нѣмцы, не много обращаютъ вниманія на свой костюмъ и не могутъ назваться ни модниками, ни щеголями; даже и тѣ, которые попадались мнѣ въ своихъ коляскахъ, не могутъ похвалиться изяществомъ своего костюма. Простые же граждане, цѣлыя сотни которыхъ я видѣлъ въ концертѣ, одѣты чисто, но не щегольски и безъ всякой претензіи на моду. По улицамъ ходятъ еще небрежнѣе одѣтые, преспокойно покуривая свои дрянныя сигары. Я ни у одного мужчины не видалъ даже изъ-

подъ рукавовъ манжетокъ съ дорогими пуговками, какія у насъ носить иногда совершенная голь; но за то здѣсь не увидите никакого въ нищенскихъ лохмотьяхъ. Военные выглядятъ менѣе самодовольно, чѣмъ у насъ. Здѣсь неслыханное дѣло, чтобы въ какомъ нибудь собраніи сочинилась какая нибудь скандальная исторія. Кокардъ и форменнаго платья здѣсь такая же бездна, какъ и у насъ. Нашихъ щеголихъ дамъ здѣсь могутъ поразить дамскіе безцвѣтные и безвкусные костюмы, и даже самый способъ походки и манеръ. Здѣсь, по видимому, не имѣютъ понятія о парижскихъ выписныхъ нарядахъ, а собственный вкусъ давно признанъ неблестящимъ; вы видите въ нѣмецкихъ городахъ отсутствіе всякаго изящества; особенно безобразны здѣсь шляпки: онѣ похожи на тяжелые лопухи, со множествомъ разныхъ украшеній, сзади торчащіе высоко, а на лбу приплюснутые. Круглыя шляпки поражаютъ еще болѣе смѣшнымъ видомъ; иногда онѣ кажутся такими печальными, что невольно напоминаютъ погребальную процессію: такъ поля, склонившись внизъ, качаются уныло. Способъ носить кринолинъ тоже страненъ: его употребляютъ не какъ средство придать пышность и легкость костюму, а какъ рабскую покорность законамъ моды, безъ руководства своего природнаго вкуса. А между тѣмъ здѣшнія женщины совсѣмъ не такъ флегматичны и серьезны, какъ мужчины, онѣ

замѣтно любятъ нравиться; забота украшать себя наполняетъ по видимому значительную часть ихъ жизни, причеки ихъ самыя тщательныя и требующія много времени; у нихъ въ большомъ употребленіи разныя головныя украшенія, напр. сѣтки съ кистями, бантики изъ лентъ или бархата и проч.

Кёнигсбергъ довольно большой и одинъ изъ самыхъ старинныхъ городовъ, съ улицами почти такими же узкими, какія встрѣчаются въ восточныхъ городахъ. Домовъ съ изящной архитектурой я не видалъ. Въ нѣкоторыхъ магазинахъ я находилъ очень умный способъ не держать безъ дѣла людей. Стекло-лянная дверь магазина заперта, но на ней надпись: позвонить въ висящій тутъ кодокольчикъ. На звонокъ приходитъ или самъ хозяинъ, или кто либо изъ людей, занятыхъ своимъ дѣломъ въ мастерскихъ или квартирѣ. Мои московскіе чемоданы, доѣхавъ до Кёнигсберга, обнаружили подъ тоненькой кожицей толстую картонную бумагу, и я пошелъ купить здѣшній чемоданъ изъ гамбургской кожи. Въ сѣдельной лавкѣ я пересмотрѣлъ нѣсколько чемодановъ, несравненно удобнѣе и прочнѣе нашего сдѣланныхъ и дешевле нашихъ. Но и на здѣшнихъ торгашей не нужно много полагаться. Вообще нельзя совѣтовать нашимъ путешественникамъ что нибудь покупать въ Кёнигсбергѣ: гораздо лучше поскорѣе уѣзжать въ Берлинъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь и теперь

воздухъ не хорошъ и вода имѣетъ солодковый вкусъ. Что же здѣсь бываетъ въ жаркое время года!

9-го апрѣля, мы выѣхали изъ Кёнигсберга въ Берлинъ, по желѣзной дорогѣ. Станція желѣзной дороги близъ самой гостинницы Sans-Souci; хозяинъ далъ намъ своихъ лошадей. Прислугѣ на кофе мы заплатили за 4 дня 20 зильберъ-грошей; это очень хорошая плата: здѣсь прислуга въ гостинницахъ отъ хозяина получаетъ квартиру и столъ, и такое маленькое жалованье, что безъ подарковъ на водку: Trinkgeld, отъ пріѣзжающихъ, не изъ-за чего было бы имъ служить. Въ большихъ гостинницахъ эти Trinkgeld такъ значительны, что напр. въ Берлинѣ дворники получаютъ до 25 талеровъ въ мѣсяцъ. Съ величайшею благодарностью приняты были наши 20 грошей. Легкій поѣздъ (Schnellzug) отходитъ изъ Кёнигсберга въ Берлинъ въ 2 ч. 34 минуты по полудни, другой легкій (Personenzug) въ 9 часовъ вечера; первый идетъ скорѣе послѣдняго 4 часами, цѣна дороже однимъ талеромъ. Въ Schnellzug второе мѣсто стоитъ 14 талеровъ, въ Personenzug 13 тал. Первый идетъ до Берлина 14 часовъ, второй 18 час. Въ томъ и другомъ позволяется брать бесплатно клади для каждаго пассажира 50 фунтовъ; сверхъ того позволяется брать съ собой въ вагонъ все, что можно положить подъ скамью, или повѣсить на стѣну, напр. дорожный мѣшокъ, подушку, сколь-

ко бы въ нихъ ни было вѣсу. — Это распоряженіе существуетъ на всѣхъ прусскихъ, французскихъ и англійскихъ желѣзныхъ дорогахъ. За остальную кладь съ легкимъ поѣздомъ берется отъ Кёнигсберга до Берлина по $\frac{1}{2}$ талера за каждые 10 фунт.; плата за мѣста 3-го класса въ легкомъ поѣздѣ на этомъ пути около 9 талеровъ. У насъ въ 3-мъ классѣ легкаго поѣзда, отъ Москвы до Петербурга, цѣна подороже здѣшней, а разстояніе почти одно и тоже, что между Кёнигсбергомъ и Берлиномъ; въ 3-мъ классѣ тяжелаго дешевле, но за то онъ идетъ 30 часовъ, а не 18, и кладь бесплатно у насъ ни въ какомъ поѣздѣ, кромѣ того, что можно подпихнуть подъ скамью, не позволяется брать. Для самаго бѣднаго народа здѣсь есть еще 4-й классъ, въ которомъ надобно ѣхать стоя: тамъ мѣста еще дешевле и еще болѣе позволяется брать кладь бесплатно. Въ вагонахъ 2-го класса нѣсколько отдѣльныхъ каретъ, раздѣленныхъ тонкими перегородками; въ каждомъ такомъ купе, со входомъ съ обѣихъ сторонъ на двухъ мягкихъ диванахъ, поставленныхъ одинъ противъ другаго, — 8 мѣстъ. Сидѣть очень просторно, на полу ковры, на окнахъ (они же и двери) шторы изъ зеленой матеріи. Вверху надъ дверями вставлена небольшая рѣшетчатая дощечка съ отверстіями для постоянного освѣщенія воздуха; иллюминаторъ съ стеариновой свѣчкой вдѣ-

ланъ въ перегородку, а не въ потолокъ, какъ у насъ, и по желанію пассажировъ закрывается занавѣской изъ зеленой матеріи. Мнѣ особенно понравился легкій способъ освѣженія воздуха, который въ нашихъ вагонахъ возобновляется зимой единственно при входѣ и выходѣ пассажировъ въ двери; такое устройство особенно необходимо тамъ, гдѣ простой народъ не отличается опрятностью и любовью къ чистому воздуху. Надъ головами въ перегородкахъ вагоновъ крючки и сѣтки, на которыхъ можно вѣшать и класть дорожные мѣшки, шляпы и т. д. — При самомъ входѣ въ вагоны я остановилъ глаза въ поискахъ такого вагона, гдѣ не курятъ, и сзади себя услышалъ русскій голосъ: *далѣе*. Въ купе оказалось трое русскихъ; выходя на станціяхъ для отдыха, я встрѣтилъ еще нѣсколькихъ русскихъ. Смыло могу предполагать, что во всей Европѣ я теперь не найду ни одного мѣстечка, гдѣ бы не встрѣтилось русскихъ. Дома станцій по желѣзной дорогѣ не отличаются громадностью и великолѣпіемъ нашихъ станцій, но въ нихъ можно найти все необходимое: пищу, питье, мѣста для прогулки и отдыха; все чисто и удобно. Цѣна пищи и напитковъ несравненно дешевле, чѣмъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, хотя у насъ жизненные припасы несравненно дешевле. Содержатели буфетовъ здѣсь платятъ очень умеренную арендную плату и

не имѣютъ понятія объ откупщикахъ. Въ нашемъ купе кромѣ троихъ русскихъ оказались два нѣмца, одинъ молодой юристъ, другой профессоръ берлинскаго университета. Я давно зналъ, что въ нѣмецкихъ гимназіяхъ очень хоро о изучаютъ древніе языки, и что вообще нѣмцы любятъ заниматься филологіей не изъ тщеславія. Профессоръ берлинскаго университета говорилъ на латинскомъ языкѣ въ продолженіе по крайней мѣрѣ получаса и передавалъ на немъ правильно, безъ большаго затрудненія, самыя живые вопросы; мнѣ рѣдко удавалось слышать, чтобы такъ говорили ученые и врачи у насъ. Опъ мнѣ сообщилъ, что въ настоящее время въ германскихъ университетахъ уже оставленъ устарѣлый и стѣснительный безъ всякой пользы обычай писать и защищать докторскую диссертацию на латинскомъ языкѣ; онъ не зналъ, что у насъ въ Россіи этотъ обычай уже болѣе не обязателенъ для врачей. Съ нами ѣхалъ больной кашлемъ, которому онъ совѣтовалъ обратиться къ доктору Траубе, современной знаменитости въ Берлинѣ по части грудныхъ болѣзней, и очень любезно написалъ ему на своей визитной карточкѣ адресъ. Серьезный и ученый профессоръ оказался вмѣстѣ и самымъ любезнымъ человѣкомъ: дружески прощался съ нами, какъ съ старыми знакомыми, при вѣздѣ въ Берлинъ, спрашивалъ, есть ли у насъ знакомые, гдѣ

...и т. д. а большому прелести.
...своей величавой похоти. —
...также как и второго
...а не мягкие
...остатки удобства въ нихъ всеъ тѣже,
...въ вагонахъ 2-го класса. Въ нихъ я надѣюсь
...и дешевле, и можно сойтись съ
...иъцами.

10-го апрѣля, въ 5 часовъ утра, мы пріѣхали
въ Берлинъ и отправились въ рекомендованную
гостиницу на Mohrenstrasse, Hotel de Magde-
bourg. За переноску чемодановъ въ извозничью ка-
рету здѣсь такса — $2\frac{1}{2}$ зильберъ-гроша. При выходѣ
съ дебаркадера желѣзной дороги, вамъ дадутъ марку,
по которой вы сейчасъ же у подъезда получаете
карточка. Всеъ здѣшнія извозничьи кареты содержат-
ся компаніей; когда вы садитесь въ карету, изво-
щикъ сейчасъ же даетъ вамъ карточку, которую въ
случаѣ какихъ либо затрудненій, напр. неисправ-
ности, пропажи или оставленія вами въ экипажѣ
копей, вы можете представить компаніи и получите
удовлетвореніе справедливыхъ вашихъ требованій.
Внутри экипажа виситъ печатная такса платы за
карету въ каждый конецъ и по часамъ. Одинъ ко-
нецъ вѣды съ одного сѣдока стоитъ 5 грошей, съ
двоихъ 6, съ багажемъ въ двое дороже. Извозничьи
кареты въ одну и въ двѣ лошади и здѣсь, неиз-

вѣстно почему, называются *дрожками*. И лошади и кареты въ сравненіи съ большинствомъ нашихъ очень хорошія, но во всякомъ случаѣ одна лошадь можетъ везти здѣшнюю четырехмѣстную карету только по здѣшнимъ гладкимъ мостовымъ не нашею бѣшеною рысью, а нѣмецкою ровною, тихою и покойною ѣздой безъ всякихъ кнутовъ, ругательствъ и кучерскихъ криковъ: пади, гляди! какъ будто все мы очень дорожимъ временемъ, и куда-то ужасно спѣшимъ. Мы привезли съ собою въ Берлинъ нашу петербургскую погоду: дождь съ снѣгомъ и градомъ и холодъ. Берлинцы говорятъ, что такая погода у нихъ бываетъ въ февралѣ, а не въ апрѣлѣ; они всю свою зиму не носятъ шубъ, а только байковые пальто даже безъ мѣховыхъ воротниковъ; мы же очень рады, что взяли съ собой шубы, иначе бы ночью пришлось мерзнуть въ вагонахъ и, пріѣхавши въ Берлинъ, въ нетопленныхъ комнатахъ гостинницъ. Не смотря на холодъ, нѣмцы постоянно отворяютъ окна, на что мы смотримъ съ большимъ удивленіемъ изъ своей хорошо натопленной комнаты. Впрочемъ, теперь 13-го (25-го) апрѣля, гораздо теплѣе и свѣтлѣе. Unter den Linden распускаются каштаны и липы, и гуляющіе ходятъ большею частію въ однихъ лѣтнихъ сюртукахъ. Я познакомился здѣсь черезъ письма, привезенныя мною изъ Россіи, съ двоими докторами, изъ которыхъ

однакъ чистый Берлинецъ, никогда не бывавшій въ Россіи, говоритъ по-русски, какъ природный Русскій, получившій высшее образованіе. Этотъ ученый, знающій, какъ свой языкъ, языки англійскій, французскій, итальянскій, испанскій и почти всѣ славянскія нарѣчія,—есть вмѣстѣ и обязательнѣйшій человѣкъ. Онъ здѣсь профессоръ русскаго языка, очень хорошо знаетъ Россію и русскую литературу, очень ихъ любитъ и издалъ здѣсь много русскихъ книгъ, ученыхъ и учебныхъ. Недавно онъ читалъ въ здѣшнемъ филологическомъ обществѣ о Ломоносовѣ. Читаніе это уже напечатано въ газетахъ, и онъ мнѣ обѣщавалъ его прислать. Другой ученый, докторъ правъ, много путешествовавшій для изученія исторіи излишнихъ искусствъ, предложилъ мнѣ познакомиться меня чрезъ своего знакомаго профессора съ больничной и аптечной администраціей въ Берлинѣ, а самъ, непосредственно, съ настоящимъ положеніемъ въ Пруссіи тюремъ и показать мнѣ берлинскій музей. О здѣшнихъ тюрьмахъ, о причинахъ и способахъ заключенія, исправленія и наказанія преступниковъ разнаго рода, онъ уже сообщалъ мнѣ столько интереснаго, что я, увидѣвъ ихъ на самомъ дѣлѣ, надѣюсь посвятить имъ особенную статью. Предметъ этотъ для меня тѣмъ болѣе интересенъ, что я довольно хорошо знаю наши уѣздныя и губернскія остроги.

И Н Ї С Ъ М О VI.

Двѣ недѣли въ Берлинѣ.

Нюрнбергъ, 10-ю мая (28-ю апрѣля).

.....Находясь въ Берлинѣ, я не могъ собраться съ силами и достаточно сосредоточиться для того, чтобы писать вамъ: такъ много новыхъ впечатлѣній извѣдалъ я въ эти двѣ недѣли. Теперь, отдохнувъ въ небольшомъ, но очень замѣчательномъ и красивомъ городкѣ Нюрнбергѣ, рѣшаюсь передать вамъ все, что я видѣлъ и узналъ въ Берлинѣ. Начну, по обыкновенію, съ явленій будничныхъ, житейскихъ, и въ томъ заранѣе извиняюсь предъ любителями высокихъ предметовъ. Совершенно согласенъ съ вами, что высокіе предметы большею частію уже описаны другими, и что русскому человѣку не мѣшаетъ приглядѣться къ простой житейской сторонѣ тѣхъ идей и благъ, совокупность которыхъ мы называемъ цивилизаціей. Итакъ начну съ вещей самыхъ обыкновенныхъ.

Первое, что меня поразило въ Берлинѣ, да я думаю поразить и всякаго русскаго, это *езда на собакахъ*. На собакахъ въ Берлинѣ возятъ только тяжести, но не пассажировъ; изъ окрестностей города везутъ на нихъ молоко, масло, яйца, зелень,

плоды и т. д.; въ самомъ городѣ на нихъ перевозятъ бѣлье, мясо, хлѣбы, посуду и проч. Ихъ держатъ и употребляютъ вмѣсто лошадей, потому что содержать ихъ дешевле, чѣмъ содержать лошадь. За эту службу ихъ хорошо кормятъ и хорошо съ ними обращаются: я здѣсь ни разу не слыхалъ собачьяго визгу, который ежечастью можно слышать въ Москвѣ. Упряжь на собакахъ употребляется такая же, какъ и на лошадяхъ, безъ хомута, съ широкимъ ремнемъ на груди, прикрѣпленнымъ другимъ ремнемъ вокругъ тѣла, и запрягаютъ ихъ также безъ всякихъ дугъ въ одиночку или по парѣ въ дышло. Чаще видишь собакъ парю, чѣмъ въ одиночку, и чаще между ними видишь обыкновенныхъ дворняшекъ, чѣмъ какихъ нибудь великановъ. Чрезвычайно интересно смотрѣть, какъ эти умныя животныя дружно тянутъ свою тяжесть; хозяинъ идетъ впереди и только посвистываетъ или поманиваетъ за собой своихъ вѣрныхъ слугъ; иногда онъ идетъ по тротуару, а собаки идутъ однѣ по улицѣ и зорко слѣдятъ за его направлениемъ. Бѣда въ Берлинѣ во всѣхъ, и въ своихъ и въ наемныхъ экипажахъ, тихая, а потому собаки преспокойно совершаютъ свои рейсы по самымъ шумнымъ улицамъ, не сталкиваясь съ лошадьми и не бросаясь на нихъ. Последнему обстоятельству съ одной стороны помогаетъ привычка, а съ другой то, что въ Берлинѣ нѣтъ ни одной собаки

без намордника: по этому не одѣ рабочія, но и играющатающіяся и даже баловачныя собачонки ведутъ себя чрезвычайно скромно и почти вовсе не ласкутъ. Не думайте, чтобы эти намордники сколько нибудь ихъ тѣснили, мѣшали имъ дышать: нисколько! напротивъ собака въ намордникѣ можетъ не только дышать, но даже и лапть, сколько ей угодно, пить и ѣсть; намордникъ не позволяетъ ей только кусаться. Наши чувствительныя дамы, любительницы собакъ, эти два обычая: ѣзда на собакахъ и намордникъ, могутъ показаться варварствомъ, а наши глубокомысленныя члены различныхъ столичныхъ и губернскихъ клубовъ, обыкновенно обсуживающихъ разные общественные и политическіе вопросы между закуской и обѣдомъ, эти два берлинскіе обычая могутъ показаться смѣшной выдумкой нищихъ (они обыкновенно выражаются сильнѣе) и заучившихся нѣмцевъ. Но въ утѣшкіе чувствительныхъ дамъ мы должны сказать, что здѣсь съ собаками обращаются лучше, чѣмъ у насъ иногда съ людьми, и сверхъ того ни одна самая маленькая собаченка не можетъ пострадать отъ зубовъ самага большаго и злаго бульдога. Неужели и этимъ не утѣшатся наши дамы? Для успокоенія же взволнованныхъ благородныхъ чувствъ и возвышенныхъ помысловъ членовъ нашихъ ареопаговъ мы скажемъ только, что за каждую собаку, которую дер-

жать изъ прихоти, въ Берлинѣ платится ежегодно около 3 р. сер. Когда вносится пошлина, тогда дается и намордникъ, на которомъ значится, что подать за собаку внесена; если же собака безъ намордника или безъ надписи, что пошлина за нее внесена, то все равно, кому бы она ни принадлежала, хотя бы первому министру: она попадаетъ въ руки особыхъ дозоровъ, которые безъ церемоніи отводятъ ее въ особое помѣщеніе за городомъ, гдѣ ее кормятъ три дня (въ ожиданіи, не явится ли хозяинъ), а потомъ убиваютъ. За невнесение собачьей подати полагается штрафъ ололо 1 р. сер. Такимъ образомъ въ Берлинѣ укушеніе собаками и водобоязнъ совершенно неизвѣстны; кромѣ того сумма, собираемая за собакъ, такъ значительна, что на нее улучшены и постоянно улучшаются всѣ тротуары по берлинскимъ улицамъ, о которыхъ мы теперь и поговоримъ.

Улицы въ Берлинѣ прямыя и широкія, вымощены троякимъ образомъ: тротуары такимъ же булыжникомъ какъ и у насъ, только по самой срединѣ узкимъ плитнякомъ, по которому можно идти рядомъ не болѣе какъ двоимъ. Около тротуаровъ выложены булыжникомъ, на обѣихъ сторонахъ улицъ, довольно глубокія канавки, въ которыхъ постоянно протекаетъ вода изъ водопроводовъ. Самая улица, гдѣ ѣздятъ экипажи, съ боковъ выстлана такимъ же булыжни-

комъ, какъ и у насъ; середина же такими квадратными гладкими камнями, какъ въ Петербургѣ подъ аркой Главнаго Штаба. Эти квадраты я видѣлъ и въ другихъ нѣмецкихъ городахъ. На нѣкоторыхъ же берлинскихъ улицахъ, сверхъ этого троякаго рода мостовой, еще положены полоски плитняка по самой срединѣ улицы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ должны идти колеса экипажей, которыя катятся по нимъ почти такъ же легко, какъ по рельсамъ. Въ самыхъ мелочахъ видно, до какой степени развита здѣсь мысль и забота общества о всевозможныхъ удобствахъ. Берлинъ имѣетъ не большую, но нѣсколько разъ его обвивающую рѣку Шпре; хотя по ней проходитъ въ годъ болѣе 100,000 мелкихъ судовъ, но вода ея годится для пищи и питья; сверхъ того въ каждомъ домѣ есть свой колодезь, изъ котораго обыкновенно и берутъ воду для пищи и питья, такъ какъ она гораздо лучше, чѣмъ изъ рѣки Шпре. Но городское управленіе не удовольствовалось этимъ. Оно дало двумъ англійскимъ компаніямъ право провести воду въ Берлинъ за 25 верстъ, изъ Потсдама. Такимъ образомъ теперь Берлинъ, по *снабженію водой*, какъ говорятъ Берлинцы, первый городъ послѣ Нью-Йорка. На каждой улицѣ, почти на каждой 30 саженьяхъ стоятъ деревянные столбы, изъ которыхъ жители накачиваютъ себѣ воды, сколько хотятъ; во всѣ большіе дома вода проведена въ

самые верхіе этажи. Отъ этого изобилія воды Берлинцы не знаютъ, что такое пожары и что такое пыль въ городѣ. Улицы лѣтомъ поливаются ежечелвно, и Берлинцы представить не могутъ того наслажденія, которое испытываютъ жители, не только уѣздныхъ немощеныхъ, но и столичныхъ нашихъ городовъ, запыляющихся отъ пыли. Грязь въ Берлинѣ такъ же не возможна, какъ и пыль, потому что вся она стекаетъ съ улицъ въ канавки и оттуда въ овраги изъ рукавовъ Шпре. Сверхъ этихъ канавокъ подъ землей идутъ трубы для стока нечистотъ. Грязь и пыль въ Берлинѣ невозможны и потому, что въ скупаетъ одна компанія для удобренія полей. Сколько пользы излекли бы нѣмцы изъ того, что у насъ свозится за городъ и бросается въ Москву рѣку! Что могутъ найти на чистыхъ улицахъ Берлина компаніи для удобренія полей, я не могу понять. Дѣло другое на нашихъ улицахъ и площадяхъ, гдѣ можно сдѣлать парники.....

Архитектура берляскихъ зданій внутри города однообразная, какъ и во всѣхъ большихъ городахъ: сплошная масса домовъ, крытыхъ черепицей, не отличается ни громадностью, ни изысканствомъ. Но около Тиргартена, по всей улицѣ Викторіи, очень много прекрасныхъ зданій самой разнообразной архитектуры. Изъ общественныхъ зданій внутри города замѣчательнѣйшія: королевскій дворецъ, называемый

здѣсь замкомъ, дворецъ принца Прусскаго, университетъ, музей, опера и театръ. Всѣ эти зданія невольно обращаютъ на себя вниманіе своимъ изяществомъ. Университетъ сдѣланъ изъ дворца принца Генриха въ 1810 году, находится напротивъ дворца принца Прусскаго и на фронтонѣ его надпись: *Fridericus Guilelmus III Rex Universitati litterariae*, 1809. Такъ здѣсь тѣсна связь между наукою и властью. Мѣсто, гдѣ находится университетъ, есть самое живое и лучшее въ городѣ.

Лавки съ съѣстными припасами въ Берлинѣ—кондитерскія въ сравненіи съ нашими: наши за четверть версты легко узнать по запаху, а здѣсь вы не увидите ни крови, ни сала, ни костей, ни шкуръ, ни прочихъ нечистотъ, валяющихся на полу и полкахъ: мелкія съѣстные вещи лежатъ здѣсь подъ стеклянными колпаками, а крупныя покрываются кусками полотна; вы не увидите у продавцевъ ни грязнаго платья, ни сальныхъ рукъ; вообще весь простой народъ одѣвается здѣсь очень чисто и опрятно. Любовь къ чистотѣ и порядку проглядываетъ у нѣмцевъ во всемъ. Напр., я видѣлъ въ поляхъ свиней, которыя содержатся чище нашихъ лавочниковъ изъ мясныхъ и рыбныхъ рядовъ: ихъ здѣсь моютъ и чистятъ щетками. Въ Берлинѣ на улицахъ преспокойно *курятъ* большею частію дрянныя сигары; такъ мало прихоти позволяютъ себѣ строгіе нѣмцы.

Свобода курить на улицахъ приобретена ими съ 1848 года, когда, какъ выражаются нѣмцы, у нихъ прояснилось въ умѣ и они увидѣли, что нѣтъ никакой бѣды курить на улицахъ въ городѣ, гдѣ нѣтъ деревянныхъ зданій и бездна воды. Подумаешь, какъ тяжело достается всякій шагъ къ свободѣ! Въ извозничьихъ экипажахъ даже придѣланы шероховатые дощечки, о которыхъ можно зажигать фосфорныя спички. Освѣщаются улицы газомъ цѣлую ночь, не смотря на то, что почтенные и серьезные жители ложатся спать въ 11 часовъ, и послѣ этого времени весь городъ кажется мертвымъ. Лѣстницы въ домахъ освѣщаются только до 11 часовъ — такъ крѣпокъ этотъ обычай Берлинцевъ рано ложиться спать. Гуляка, засидѣвшійся въ веселой бесѣдѣ, возвращаясь домой долженъ имѣть при себѣ спички и карманный фонарь, иначе онъ рискуетъ упасть. Въ короткое время моего пребыванія я не успѣлъ узнать, есть ли въ Берлинѣ такіе же клубы, какъ у насъ, гдѣ почтенные сыны отечества просиживаютъ цѣлыя ночи за карточными столами; но узнать, что Берлинцы съ жадностью слѣдятъ за политикой и рѣчами въ Палатахъ и очень много *читаютъ*, какъ мужчины, такъ и женщины; въ карты играютъ только зимой и то рѣдко, прерывая игру разговорами, и играютъ только въ коммерческія игры. Читаются болѣе всего газеты, потомъ легкія книги, а

учеными людьми серьезныя. Чтенію газетъ способствуетъ участіе народа въ управленіи своими дѣлами. Каждый Нѣмецъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за ходомъ преній во Второй Палатѣ, служащихъ выраженіемъ его нуждъ и желаній. Самая либеральная и наиболѣе любимая народомъ газета есть ежедневная газета *Volkszeitung*, имѣющая болѣе 20,000 подписчиковъ и стоющая около 2 р. сер. въ годъ. Нѣмецкія книги въ Берлинѣ очень дешевы, вдвое, если не втрое, дешевле чѣмъ у насъ; этому способствуетъ дешевизна бумаги. Наборщики здѣсь также дешевы; мы говорили, что наборъ и печать листа средняго нѣмецкаго шрифта здѣсь обходится около 5 талеровъ; печатаніе русскихъ книгъ около 10 талеровъ за листъ, потому что наборщики русскихъ книгъ дороже, чѣмъ нѣмецкихъ. Здѣсь въ магазинахъ я видѣлъ довольно много русскихъ книгъ, напечатанныхъ въ Берлинѣ и Лондонѣ; первыя гораздо дешевле послѣднихъ, но и тѣ и другія гораздо дороже нѣмецкихъ. Чтеніе книгъ въ магазинахъ здѣсь также дешево: въ мѣсяцъ около 50 к. сер. Кромѣ чтенія Берлинцы имѣютъ много другихъ наслажденій и развлеченій. Въ Берлинѣ 6 театровъ, въ томъ числѣ 2 королевскихъ: *Schauspielhaus* и *Opernhaus*, Музей, загородное гулянье въ *Thiergarten*, звѣринецъ, множество увеселительныхъ мѣстъ для простаго народа и т. д. Скажу о томъ, что я видѣлъ.

Начну съ театровъ. *Оперный театр* находится въ лучшемъ мѣстѣ города, съ одной стороны противъ дворца принца-регента, съ другой противъ университета; онъ построенъ около 30 лѣтъ тому назадъ, имѣетъ надпись: *Fridericus Rex Apollini et Musis*. Видъ театра очень красивъ, внутренность соответствуетъ своему назначенію по изящной отдѣлкѣ, прекрасному освѣщенію и очень хорошему резонансу, но пространство между стульями очень узко, такъ что когда одинъ проходитъ, то цѣлый рядъ сидящихъ долженъ вставать, и вообще весь театръ кажется не больше нашего Михайловскаго театра; въ срединѣ между креслами проходу вовсе нѣтъ, а только съ боковъ. На такомъ театрѣ очень легко пѣть артистамъ, не такъ, какъ на нашей громадной московской сценѣ, гдѣ могутъ пѣть только сильные голоса, а не такіе, какъ голосъ г. Владиславлева. Здѣшніе оперные пѣвцы имѣютъ голоса и поютъ нисколько не лучше нашихъ, но здѣсь оркестръ превосходный: это собраніе артистовъ, а не чиновниковъ, играющихъ большею частію изъ-за жалованья, безъ всякаго призванія къ дѣлу; инструменты здѣшніе верхъ совершенства. Я видѣлъ нѣсколько оперъ: *Гугенотовъ* и *Волшебную Флейту*; декорации несравненно бѣднѣе нашихъ, костюмы также. Въ *Гугенотахъ* пѣла проѣзжая артистка Ланглау вмѣстѣ съ туземной примадонной Вичернъ: голосъ, пѣніе

и мнѣна первой несравненно лучше второй, но берлинская публика благодуствовала объѣмъ равно, и въ разговорѣ объ оперѣ съ восторгомъ отзывалась о своей. Это пристрастіе Берлинцевъ къ своему городу и вообще ко всему прусскому видно на каждомъ шагу, чего бы дѣло ни коснулось. Берлинцы имѣютъ у себя такъ много хорошаго, что по справедливости могутъ гдѣ гордиться, и гордятся: они гордятся своимъ правительствомъ, своей свободой, своей литературой, своей ученостью, своимъ общественнымъ духомъ и управленіемъ, своей промышленностью, своимъ чистымъ и здоровымъ Берлиномъ. Они сами порицаютъ свое дурное, напр. мошенничество своихъ промышленниковъ, не хвалятъ военной музыки, которая ежедневно раздается на площадяхъ при ученьяхъ солдатъ, не восхищаются воинскими упражненіями и мундирами, хотя эти послѣдніе получаютъ хорошее воспитаніе и обученіе дома и въ школахъ, не кичатся и не рисуются передъ мирными гражданами. живутъ съ ними въ ладу и вообще держатъ себя весьма скромно. Странно видѣть въ такихъ людяхъ пристрастіе къ своему и не совсѣмъ хорошему, какъ напр. предпочтеніе своей посредственной пѣвицы лучшей ичостранной. Впрочемъ этотъ недостатокъ или добродѣтель, назовите какъ хотите, принадлежитъ не менѣе Берлинцевъ и Парижанамъ и всѣмъ Англичанамъ, и его строго судить нельзя, какъ въ умной,

молодой и хорошенькой женщинѣ маленькое кокетство. Отвратительно желаніе нравиться и тщеславиться только въ старой или безобразной женщинѣ, не имѣющей ни какихъ достоинствъ. Въ театрахъ и собраніяхъ, гдѣ бываетъ хорошее общество, я не слыхалъ ни одного французскаго звука, хотя весьма многіе Нѣмцы знаютъ языки превосходно, а не какъ попугаи. Изъ-за одной этой черты народной гордости, можно простить маленькое тщеславіе какою нибудь оперною пѣвицею и т. под. Цѣна за мѣста въ оперѣ дѣлаетъ доступнымъ это наслажденіе для самыхъ небогатыхъ людей. Кресла всѣхъ рядовъ, называемыя здѣсь *Parquetplätze*, стоятъ по талеру. Когда прибѣгаетъ какая нибудь знаменитость, какъ Дженни Линдъ, Віардо и т. п., то прибавляется еще 10 зильбергрошей. Цѣна за прочія мѣста дешева соразмѣрно съ креслами. Мѣста въ ложахъ отдаются по одному, и цѣлыя ложи сообразно съ числомъ мѣстъ; въ бель-этажѣ, мѣсто въ ложѣ стоитъ 1 талеръ 10 грошей, во второмъ ряду ложъ 1 талеръ, въ третьемъ ряду и балконѣ 17 грошей; раекъ 15 и 10 грошей. Не мѣшало бы и другимъ театрамъ, доступнымъ только для богатыхъ людей, подумать о среднемъ классѣ народа. Театръ отъ дешевизны мѣстъ не будетъ въ убыткѣ. Въ Берлинѣ это очень хорошо понимаютъ. Оба раза, какъ я былъ въ оперѣ, не было ни одного свободнаго мѣста; жители Берлина

увѣряли меня, что такое стеченіе публики у нихъ бываетъ постоянно. Не мѣшало бы также взять въ примѣръ берлинскій театръ и въ томъ отношеніи, что здѣсь афиша стоитъ 1 грошъ, либретто оперы 5 грошей, храненіе одежды театральною прислугой 2 гроша. Считаю излишнимъ говорить о наемныхъ экипажахъ: выходя изъ театра, вы тотчасъ же находите 4-хъ-мѣстную просторную карету и за 8 грошей съ цѣлымъ семействомъ можете отправиться на край города; не то, что у насъ въ Москвѣ и Петербургѣ, гдѣ наслажденіе театромъ одному безсемейному человѣку обходится около 4 руб. сер., считая билетъ, афишу, либретто, храненіе одежды и извозчика. Но и здѣсь есть темныя пятна: это — продажа билетовъ. Если вы не успѣли купить билета до полудня, то рискуете вовсе не попасть въ театръ. Здѣсь существуютъ такіе же кулаки — скупщики билетовъ, какъ и у насъ въ Москвѣ и Петербургѣ, которые толпой, готовой васъ раздавить, вламываются въ кассу и скупаютъ всѣ остающіяся мѣста. У этихъ монополистовъ только и можно достать билетъ. Я каждый разъ платилъ комиссіонеру гостиницы 5 грошей лишнихъ, и за то имѣлъ всегда лучшія мѣста. Возвышеніе цѣны здѣсь незначительно; у насъ обыкновенно приходится платить одною третью и даже вдвое болѣе нормальной цѣны; но равно оскорбителенъ фактъ такой монополіи, противъ кото-

рой не могут придумать дѣйствительнаго средства. Въ оперѣ очень многіе силѣтъ съ книжками либретто, нѣкоторыя даже съ нотами, и внимательно слѣдятъ за пѣніемъ; аплодируютъ только тогда, когда кончается цѣлая сцена, а не тогда (какъ это дѣлается у насъ), когда продолжается пѣніе, какъ бы оно хорошо ни было. Нѣтъ такіхъ рукоплесканій, считаютъ неуваженіемъ къ себѣ и къ артисту. Забылъ сказать еще нѣсколько словъ о здѣшнихъ театральнхъ афишахъ. Это не наши кое-какъ намазанные безобразные клочки грязной бумаги, стоящіе одною 10 к. с. Нѣтъ, это цѣлый листъ хорошей бумаги, втрое сложенный и весь биткомъ испечатанный, болѣе похожій на номеръ газеты, чѣмъ на театральную афишу. Названіе его—Theater Zwischenakts-Zeitung. На первой страницѣ вы находите оглавленіе пьесы и имена всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, цѣны за мѣста и объявленіе о слѣдующемъ представленіи; сверхъ того конспектъ, на какомъ театрѣ и что давалось въ послѣднее время, каково было стеченіе публики и какъ довольна она осталась представленіемъ, а равно и всѣ театральныя новости: ангажементы, бракосочетанія и смерть артистовъ, или что либо относящееся до нхъ покровителей и т. д. На остальныхъ трехъ сторонахъ афиши частныя объявленія, такъ что она дѣйствительно можетъ служить занимательнымъ чтеніемъ во время

антрактовъ вмѣсто хожденія въ буфетъ и прилачиванія своей фizioноміи къ разнымъ графинамъ, бутылкамъ и рюжкамъ. Здѣсь весьма рѣдкіе выходятъ въ антрактахъ, и тѣ болѣею частію только проливаются по корридорамъ; цѣны въ здѣшнемъ буфетѣ очень умеренныя, напр. цѣлая бутылка ликеру около 15 грошей. Въ *Королевскомъ театрѣ* я видѣлъ двѣ комедіи. Этотъ театръ еще меньше *Оперы*, отдѣлка и декорации очень бѣдны; изъ артистовъ выдается одинъ только Гернъ, но и тотъ ниже нашего Жьвокини. Когда я рассказывалъ Берлинцамъ, что мы имѣемъ замѣчательные сценическіе таланты, то они съ любопытствомъ слушали, говорили, что въ нашемъ народѣ много *наивности*, но въ глазахъ видно было недовѣріе, что у насъ могутъ быть артисты, какихъ нѣтъ у нихъ. Мѣста въ Королевскомъ театрѣ 10-ю грошами дешевле *Оперы*. Замѣчательно, что ни въ театрѣ, ни около театра, не видно ни одного изъ членовъ полиціи, ни высшихъ, ни низшихъ, которые иногда въ другихъ театрахъ торчатъ на всѣхъ лѣстницахъ и у всѣхъ дверей; у подъѣздовъ ни одного жандарма, не слышно никакого крика, не слышно и брячанья пюрь и сабель: военные виѣ службы здѣсь носятъ штатское платье. Наружный видъ театра очень красивъ. Кромѣ двухъ королевскихъ театровъ, въ Берлинѣ 4 частныхъ театра; цѣна креселъ въ нихъ

отъ 15 до 10 грошей. Ни въ одномъ изъ этихъ театровъ я не былъ, потому и сказать о нихъ ничего не могу. Говорятъ, что на нихъ хорошо идутъ легкія представленія. Судя по королевскимъ, я не ожидалъ найти тамъ ничего особенно замѣчательнаго.

Берлинскій *Музей* уже описанъ однимъ изъ нашихъ путешественниковъ, сколько мнѣ помнится, въ *Моск. Вѣд.* Я былъ въ Музеѣ четыре раза и всякій разъ находилъ въ немъ толпы посѣтителей, богатыхъ и бѣдныхъ, мужчинъ и женщинъ, большею частію съ книжками въ рукахъ, рассматривающихъ картины и статуи. Особенно много всегда толпится народу около картинъ: тутъ вы видите даже простыхъ солдатъ. Въ отдѣленія медалей и моделей приходятъ особенно часто разнаго рода ремесленники изучать лучшіе образцы. Въ Музеѣ такъ много замѣчательнаго, что при поверхностномъ знакомствѣ съ нимъ нельзя рѣшиться что нибудь объ немъ сказать. Я имѣлъ хорошаго, живаго путеводителя, знающаго Музей какъ свои пять пальцевъ, но въ какіе нибудь восемь часовъ успѣлъ сдѣлать съ нимъ только самый поверхностный обзоръ. Здѣсь всѣ собранія картинъ, статуй, медалей, костюмовъ и другихъ принадлежностей разныхъ вѣковъ и народовъ разставлены въ хронологическомъ порядкѣ, что чрезвычайно удобно для изученія исторіи цивилизаціи вообще, и въ част-

ности для исторіи искусствъ. Изъ картинъ болѣе всѣхъ у меня въ памяти остались мадонна Рафаеля, нерукотворенный образъ Спасителя, фигура старика подъ № 1014, Бальтазара Деннера и племянница Мазарини, № 465 Петра Миньяра, и фрески Каульбаха, надъ большой лѣстницей Музея. Особенно удобно для публики въ берлинскомъ Музеѣ то, что въ каждой залѣ на стѣнахъ висятъ таблицы съ обозначеніемъ именъ произведеній и ихъ творцовъ. Вы подходите напр. къ картинѣ и видите на ней, положимъ, 10 №; идете къ стѣнѣ, видите таблицу за стекломъ, отыскиваете на ней 10 №, и находите коротенькое описаніе картины. Меня всегда удивляло, что въ нашихъ музеяхъ нѣтъ ничего подобнаго: доступъ по билетамъ, въ извѣстномъ костюмѣ, въ извѣстные дни; наконецъ вы попали въ музей, видите разныя вещи, но не знаете, что онѣ значать, не можете нигдѣ достать книжки, не видите надписей на вещахъ, ни таблицъ на стѣнахъ. По неволѣ вы должны обращаться къ какому нибудь безграмотному капельдинеру, который гордится, что ему вздумается и коверкаетъ названія. Мнѣ скажутъ, что и у насъ за билеты ничего не берутъ. Нѣтъ, не правда, берутъ и иногда очень дорого: берутъ время для того, чтобы ихъ выправить, для чего иногда нужно пріѣзжать съ одного конца города на другой, платить извозчику, лазить по высокимъ лѣстницамъ, кланять-

ся, расписываться, извиняться и т. д. Все это иногда стоит очень дорого и отвращает отъ частаго посѣщенія нашихъ музеевъ.

Загородное *гулянье* въ Берлинѣ мнѣ удалось видѣть въ самое блестящее для него время, именно 1-го мая (19-го апрѣля): это знаменитое берлинское Корсо въ Тиргартенѣ, огромномъ паркѣ вблизи самага Берлина, представляло живописное зрѣлище, въ которомъ богатство экипажей смѣшивалось съ пестротой туалетовъ. Но сами Берлинцы сознаются, что ихъ роскошь и тщеславіе ничто въ сравненіи съ нашими. Они не умѣютъ проживать все для удовлетворенія этихъ страстей и жить въ долгъ. Стеченіе публики было огромное; здѣсь каталась вся берлинская аристократія. Мнѣ указали принца-регента, прогуливавшагося верхомъ, супругу его въ коляскѣ и молодую чету, принца прусскаго съ супругой, дочерью англійской королевы. Нѣсколько разъ проѣзжала мимо меня королевская фамилія, и я хорошо разглядѣлъ лица; портреты даютъ невѣроятное понятіе о дочери англійской королевы: у нея золотистые волосы, очень блѣдное, миниатюрное и довольно круглое лицо, нисколько не напоминающее строгаго англійскаго типа. Среди гуляющаго народа королевская фамилія была, какъ среди своей семьи: не было ни жандармовъ, ни полиціймейстеровъ, ни разныхъ свитъ. Только по ливреямъ можно было узнавать королевскіе эки-

пажи. Мнѣ указывали министровъ и всю прусскую знать. За порядкомъ на берлинскомъ Корсо (*corso-fahrt*) наблюдаютъ штальмейстеры, совершенно частные люди, которые снимаютъ у города паркъ въ свое содержаніе. Я видѣлъ только двоихъ или троихъ полицейскихъ служителей, мирно проѣхавшихъ по Корсо и куда-то исчезнувшихъ.

Здѣшняя *полиція*, какъ я здѣсь слышалъ, гораздо хуже лондонской въ томъ отношеніи, что у нея не совершенно отнята судебная власть и возможность вмѣшиваться въ народную жизнь, а потому она здѣсь не пользуется любовью. Но всѣ единогласно увѣряли меня, что въ уваженіи ей нельзя отказать: составъ ея очень хорошъ, въ ней служатъ почтенные, образованные и честные люди; низшіе чины получаютъ по 15 р. сер. въ мѣсяцъ жалованья кромѣ казенной одежды, всѣ грамотны и потому ведутъ себя совершенно деликатно и безукоризненно. Да иначе и быть не можетъ: здѣсь народъ не выноситъ никакихъ оскорбленій. Я не имѣлъ никакого дѣла съ полиціей, видалъ только городскихъ служителей, расхаживающихъ взадъ и впередъ по улицѣ въ своихъ синихъ мундирахъ и каскахъ; одинъ изъ нихъ очень обязательно провелъ меня въ театръ; по судя по тому, что здѣсь спрашиваютъ паспортъ, на другой же или на третій день, я не могу похвалить здѣшней полиціи: кто подозрителенъ, тотъ непременно не увѣ-

ренъ въ своихъ достоинствахъ. Конечно, не для составленія же статистическихъ свѣдѣній такъ скоро спрашиваютъ паспорта, а для наблюденія за прїѣзжими. Въ Англіи совсѣмъ не спрашиваютъ паспортовъ, а между тѣмъ полиція все и всѣхъ знаетъ и не выпускаетъ изъ виду подозрительныхъ людей. Судя по наглымъ мошенничествамъ разныхъ берлинскихъ мастеровыхъ, особенно съ иностранцами, я заключаю, что мошенники не очень боятся полиціи, которая и здѣсь занимается разборомъ подобныхъ дѣлъ. Я жаловался одному Берлинцу, что все, что я ни заказывалъ себѣ дѣлать, дѣлали мнѣ дурно и недобросовѣстно. Берлинецъ отвѣчалъ мнѣ, что къ несчастію и съ ними такъ же часто поступаютъ, что можно жаловаться полиціи, но хлопотливо: хотя правосудіе у нихъ не подкупно и если эксперты обвиняютъ мошенника, то онъ подлежитъ или денежному штрафу, или заключенію въ тюрьму; но для этого надобно представить свидѣтелей, ходить на очныя ставки, отрываться отъ занятій и т. д. Э, э, подумалъ я, исторія намъ хорошо извѣстная! Если у меня украли сюртукъ и я поймалъ вора съ личнымъ, то для полученія долженъ представить свидѣтелей, что онъ мой и что дѣйствительно у меня украденъ. Я думаю, не только никто изъ русскихъ, наученныхъ своими домашними опытами, но и ни одинъ путешественникъ, занятый дѣлами, не пойдетъ жаловаться въ берлинскую по-

лицію на разныя мошенничества содержателей гостинниц и т. п., которые очень хорошо это понимают. Совѣтую путешественникамъ отъ содержателей гостинницъ требовать ежедневно счетъ, это вѣрнѣе и покойнѣе, какъ я узналъ по собственному опыту.— Здѣсь особенно прочна и дешева суконная одежда. Здѣшнія суконныя фабрики, какъ я слышалъ, отправляютъ сукна и готового платья во всю Европу ежегодно на 3,000000 талеровъ, но лучше покупать все готовое, чтобы не имѣть дѣла съ плутами портными.

Въ томъ же паркѣ, гдѣ гулянье, находится *Зоологическій садъ*, въ которомъ я былъ 2-го мая, въ день покаянія (Busstag), бывающій здѣсь разъ въ году и равняющійся большимъ праздникамъ. Толпы народа, большею частью пѣшкомъ, валили въ Thiergarten, и около 4,000 человекъ перебивало въ Зоологическомъ саду; плата за входъ 5 грошей. Родители съ дѣтьми расхаживали по парку съ книжками-описаніями парка, и читали естественную исторію въ лицахъ. Болѣе всего толпилось народу около львовъ и тигровъ и огромнаго ученаго слона. Надъ каждой клѣткой надпись на латинскомъ и нѣмецкомъ языкѣ. Интереснѣе всего видѣть гремучихъ змѣй и удавовъ, въ ихъ рѣшетчатыхъ клѣткахъ, спящихъ на тепломъ пескѣ или извивающихся по клѣткамъ и вокругъ столбовъ,

устроенныхъ надъ вазами съ водою. Довольно много обезьянъ въ огромной проволочной клеткѣ, гдѣ устроены разныя удобства для ихъ гимнастики.

Въ городѣ и паркѣ множество *увеселительныхъ мѣстъ для простаго народа*. Въ городскихъ трактирахъ я не бывалъ, въ паркѣ же видѣлъ ихъ очень много: подъ деревьями столы и стулья, вблизи цѣлое зданіе, въ которомъ находится всѣ съѣдобныя и питейныя припасы. За столами сидятъ большею частію цѣлыми семьями, мужчины и женщины, рѣдко по одиночкѣ, пьютъ кофе, пиво и т. д. курятъ, закусываютъ, разговариваютъ, читаютъ газеты. Тутъ, какъ я замѣтилъ, удовольствія гораздо живѣе, чѣмъ на *Corsofahrt*, на которомъ въ великолѣпныхъ экипажахъ и рѣдко видѣлъ улыбающееся лицо или слышалъ живой говоръ. Нѣмцы говорятъ, что это ихъ карнавалъ: бросаютъ цвѣты и возятъ съ собою цѣлые воза букетовъ (самые дорогие стоятъ по 5 талеровъ): но ни цвѣты, ни экипажи, ни прекрасная погода, не могутъ сдѣлать нѣмецкій скучный карнавалъ похожимъ на полный жизни итальянскій. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ паркѣ играетъ музыка.

Въ городскихъ трактирахъ (*Local*) читаются газеты, даются концерты и вечера, на которыхъ веселится низшій классъ народа. Берлинцы говорятъ, что съ увеличеніемъ этихъ увеселительныхъ мѣстъ, дѣтъ десять тому назадъ, увеличилось потребленіе пива

и очень уменьшилось потребление водки и пьянство. Но потребление пива можетъ увеличиваться только тамъ, гдѣ оно дешево, какъ напр. въ Берлинѣ, гдѣ кружка пива стоитъ 2 гроша. Здѣсь оно вытѣснило водку не смотря на то, что и эта бахусова влага не дорога: кварта водки (около нашего штофа) стоитъ 6 грошей; 1 фунтъ чистѣйшаго спирта 5 грошей. Что же за причина, что нѣмцы стали предпочитать слабѣйшее по дѣйствию пиво крѣпчайшей водкѣ? Другой причины нѣтъ, кромѣ развитія общественной жизни. Съ увеличеніемъ увеселительныхъ мѣстъ, чисто устроенныхъ и открывшихъ свои залы для музыки, пѣнія и танцевъ, народъ естественно устремился въ нихъ изъ грязныхъ и гадкихъ тавернъ и кабаковъ. Когда стали собираться не одни отъявленные пьяницы, но и порядочные люди съ своими семействами, тогда естественно оказалось постыднымъ и для пьяницъ напиваться при всѣхъ и быть предметомъ насмѣшекъ и презрѣнія. Записные пьяницы остались въ кабакахъ, а все порядочное нашло себѣ болѣе разумныя и изящныя наслажденія, чѣмъ водка. Теперь увеселительнымъ мѣстамъ въ Берлинѣ счету нѣтъ. На всѣхъ уличныхъ столбахъ приклеены объявленія, что въ такомъ-то мѣстѣ концертъ по 2 гроша за входъ, въ такомъ-то пѣніе, въ такомъ-то танцы, такъ что, можно сказать, простой берлинскій народъ живетъ гораздо веселѣе, чѣмъ

выстѣе классы. Я заходилъ въ разныя лучшія кофейныя и вездѣ встрѣчалъ гробовое молчаніе и уткнувшихъ носы въ газеты мужчинъ: между ними ни одной женщины. И на гуляньяхъ, и на улицахъ, и въ театрахъ, вездѣ нѣмецъ серьезень. Только женщины заявляютъ свою живость невѣроятнымъ любопытствомъ. Не только иностранки и иностранцы, но даже и туземки подвергаются ихъ безцеремонному обзору съ ногъ до головы. Сидя въ оперѣ, я видѣлъ, какому истязанію своихъ глазъ подвергли онѣ двоихъ русскихъ, особенно кажется потому, что на дамѣ была круглая соломенная шляпка съ загнутыми вверхъ полями, что очень ей было къ лицу. Здѣсь же такія шляпы носятъ съ опущенными внизъ крыльями, какъ факельщики, что еще болѣе безобразить и безъ того некрасивыя лица Берлинокъ. Въ берлинскомъ Музеѣ я видѣлъ русское и англійское семейства, съ которыхъ ходившія тамъ нѣмки, по видимому изъ хорошаго круга, рѣшительно не спускали глазъ. Но за то можно было истинно полюбоваться умѣньемъ Русскихъ и Англичанъ не обращать ни малѣйшаго вниманія на это любопытство. Кто немножко приглядѣлся къ манерамъ и любопытнымъ взглядамъ Нѣмокъ, тотъ легко отличить ихъ отъ женщинъ всѣхъ другихъ націй. Такого провинціально-русскаго любопытства я не предполагалъ въ большой столицѣ образованнѣйшаго государства. Что

же послѣ того удивляться, если на станціяхъ всё смотрятъ на Русскаго, какъ на бѣлаго медвѣдя, особенно потому, что большая часть нашихъ соотечественниковъ, привыкши къ сѣверному холоду, тепло одѣвается, на пр. въ шубы и теплые сапоги, тогда какъ Нѣмцы припрыгиваютъ въ однихъ байковыхъ пальто. Тутъ я по неволѣ вспомнилъ одного своего русскаго спутника, который не совѣтовалъ мнѣ никогда ѣздить въ вагонахъ третьяго класса: онъ говорилъ, что Нѣмцы, особенно Нѣмки, измучать своими разспросами о Сибири, Камчаткѣ, Петропавловской крѣпости, нашей жизни и т. д., — вопросами не совсемъ деликатными и, что всего досаднѣе, всегда остаются при своихъ старыхъ мнѣніяхъ. —

Берлинскія *гостинницы* для проѣзжающихъ раздѣляются на нѣсколько классовъ, какъ и во всѣхъ грутхъ городахъ. Лучшія гостинницы здѣсь Подъ Липами (*Unter den Linden*). Цѣны, въ сравненіи съ нашими, не дороги, объ удобствахъ и говорить нечего. Наши первоклассныя гостинницы чистотою бѣлья, стѣнъ, половъ и потолка, обиліемъ мебели и другими удобствами, на которые у насъ весьма мало обращается вниманія, не могутъ сравняться съ послѣдними здѣшними гостинницами. Хорошую комнату въ третьемъ этажѣ для одного мужчины, въ здѣшнихъ лучшихъ гостинницахъ можно имѣть за 25 грошей, да 15 грошей (около 50 к.) стоитъ обѣдъ за общимъ сто-

ломъ, состоящій изъ пяти вкусныхъ и сытныхъ блюдъ. Прислуга въ гостинницахъ раздѣлена на нѣсколько видовъ, и всякій имѣетъ свои занятія, не такъ, какъ у насъ въ лучшихъ гостинницахъ, гдѣ номерной лакей и чиститъ вамъ сапоги, и подаетъ вамъ кушанье, и прислуживаетъ вашей женѣ, если она не привезла съ собой горничной, и дѣлаетъ, однимъ словомъ, *все одина*. Здѣсь утромъ приходитъ къ вамъ дѣвушка убирать комнату и постель, ежедневно моетъ полъ и перемѣняетъ полотенце; домо-
вый служитель, въ родѣ нашего дворника, возьметъ вычистить ваше платье и сапоги, кѣльнеръ (нашъ номерной лакей) принесетъ вамъ завтракъ и обѣдъ, оберъ-кѣльнеръ принесетъ вамъ счетъ, коммисіонеръ возьметъ записать въ полицію и принесетъ вамъ паспортъ, достанетъ вамъ билетъ въ театръ, и исполнитъ всѣ порученія подобнаго рода за самую маленькую плату. Понадобилось вамъ справиться о мѣстѣ жительства какого нибудь нужнаго вамъ человека, вы звоните, и къ вамъ является *portier* (швейцаръ и привратникъ), который принесетъ вамъ адресную книгу всего города. Такія *адресныя книги* существуютъ во всѣхъ гостинницахъ и публичныхъ мѣстахъ. Тутъ вы найдете не только мѣстожительство каждаго жителя Берлина, но даже и въ какое время можно застать его дома. Какъ не вспомнить при этомъ нашей жизни! Предъ отъѣздомъ изъ Пе-

тербурга мнѣ нужно было справиться, не въ адресь-календаряхъ, которые у насъ составляютъ крайне небрежно и которыхъ почти вовсе нельзя нигдѣ найти, но въ простомъ нашемъ Россійскомъ Календарѣ, издаваемомъ Академіей Наукъ; спрашиваю въ гостинницѣ, нѣтъ; захожу въ знакомый книжный магазинъ, нѣтъ; захожу въ другой магазинъ, гдѣ абонируются на книги, спрашиваю календарь, нѣтъ; захожу въ третій книжный магазинъ — русскаго Календаря нѣтъ, подали нѣмецкій, а за русскимъ совѣтовали отправиться въ Академію Наукъ, гдѣ календарей можно получить сколько угодно; такимъ образомъ я немогъ найти простаго Календаря, не только что адреснаго. Для адресовъ въ Петербургѣ, правда, есть адресный столъ, но что стоитъ съ одного конца города отправиться на другой, чтобы узнать чье нибудь мѣстожителство? А въ Москвѣ нѣтъ и адреснаго стола: отыскивайте, какъ знаете. Кстати о нашихъ петербургскихъ магазинахъ: стыскивая Календарь, я желалъ также подписаться на недѣлю читать журналы, но нигдѣ не могъ подписаться: менѣе мѣсяца не принимаютъ подписки, тогда какъ въ Берлинѣ стоитъ поручить коммиссіонеру гостинницы, и онъ подпишется за васъ въ магазинѣ на книги хоть на одинъ день. Здѣсь не только продаются отдѣльные № текущихъ газетъ, но можно подписываться на нихъ даже на одну не-

дѣлю. За *Volkszeitung* я платилъ въ недѣлю 2 гроша.

Продолжаю о прислугѣ. Вся здѣшняя прислуга во фракахъ, очень чисто одѣта и съ серьезнымъ и важнымъ видомъ исполняетъ свои обязанности; въ лучшихъ гостинницахъ нѣсколько понимаетъ и говоритъ по-французски, чѣмъ она очень гордится, и получаетъ за это большее жалованье. Обыкновенно здѣсь кѣльнеры получаютъ по 10 талеровъ въ мѣсяцъ, дѣвушка 2 и 3 талера, домовые служители и швейцары не получаютъ ничего кромѣ пищи и квартиры: они довольствуются подарками гостей, такъ-называемыми *Trinkgeld*, простирающимися до 20 и болѣе талеровъ въ мѣсяцъ. Кѣльнеры и дѣвушки также получаютъ на чай. Проживъ въ Берлинѣ двѣ недѣли, я роздалъ прислугѣ около 1½ талера, чѣмъ всѣ были очень довольны.

Вообще *матерьяльная жизнь* въ Берлинѣ и удобна и недорого, на квартирахъ же она еще дешевле. За 15 талеровъ въ мѣсяцъ можно имѣть двѣ хорошо меблированныя комнаты съ прислугою, а еще за 15 талеровъ хорошій столъ въ любомъ *table d'hôte*. Цѣны жизненныхъ потребностей здѣсь нѣкоторыя дороже, другія дешевле нашихъ: телятина и говядина здѣсь не менѣе 5 грошей за фунтъ; 1 фунтъ плохого, обыкновенно употребляемаго расчетливыми нѣмцами, сахара 6 грошей, сливочное масло 12 грошей; 1 фунтъ бѣлаго хлѣба 2 гроша. Чернаго хлѣба я здѣсь не ви-

далъ; нашъ ситный здѣсь называется чернымъ и стоитъ 1 грошъ фунтъ. Бѣлые хлѣбы здѣсь пекутся крошечные и продаются по 2 пфеннинга, т. е. по 2 к. асс. Дрова въ Берлинѣ отъ 12 до 16 талеровъ кубическая сажень. О здѣшнихъ наемныхъ экипажахъ я уже говорилъ. Они такъ хороши, что своихъ лошадей держатъ только самые богатые люди. Считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о *городскихъ омнибусахъ и транспортахъ мебели*. Городскіе омнибусы, — это огромныя кареты, очень чисто и удобно отдѣланныя и содержимыя; везутъ такую карету двѣ здоровыя лошади нѣмецкою рысью. Цѣна внутри такихъ экипажей 3 гроша; на крышѣ кареты есть открытыя мѣста, гдѣ еще дешевле. Такія кареты ходятъ по разнымъ направленіямъ и всегда полны народомъ. Удивительно, почему у насъ въ Москвѣ вовсе не привилось подобное полезное учрежденіе, а въ Петербургѣ едва держится. Тихая ли ѣзда такихъ каретъ, неопрятный ли видъ, или столкновение съ другими людьми въ нихъ не нравится нашей публикѣ, рѣшить трудно. Или можетъ быть сами компаніи не довольствуются малыми барышами и закрываютъ свои заведенія? А можетъ быть, ихъ убиваютъ гадчайшіе наши Ваньки своей дешевой конкуренціей. Если бы у насъ были такіе извозищьи экипажи какъ здѣсь, то еще можно бы не нуждаться въ омнибусахъ. А то вѣдь наши дрожки по

нашимъ мостовымъ и въ нашемъ климатѣ, служатъ не столько для сохраненія нашихъ силъ и здоровья, сколько для испытанія ихъ крѣпости. Не менѣе замѣчательны здѣшніе *транспорты для перевозки мебели*. У насъ сложилась поговорка: три раза переѣхать съ одной квартиры на другую все равно, что одинъ разъ спастись отъ пожара. Здѣсь для перевозки мебели существуютъ такія огромныя телѣги съ насланнымъ въ нихъ поломъ, крышей сверху и шторами со всѣхъ сторонъ на случай дурной погоды, что на одной такой телѣгѣ можно перевезти средняго состоянія человѣку всю мебель изъ четырехъ комнатъ и все свое имущество, не подвергая ихъ ни малѣйшей порчѣ, тогда какъ у насъ мебель страдаетъ и отъ стягиванія ее веревками, и отъ тряски, и отъ переноски нѣжными руками носильщиковъ, которые обращаются съ ней безъ всякой церемоніи, и отъ дурной погоды. Жалю, что забылъ спросить, что стоитъ перевозка на такихъ телѣгахъ.

Берлинъ очень молодой городъ и притомъ очень ученый, можно сказать, даже центръ нѣмецкой учености. Берлинцы свой городъ называютъ германскими Афинами; даже здѣшнее нарѣчіе считается лучшимъ во всей Германіи. Въ лучшемъ обществѣ и на сценѣ, буква *e* предъ *i* выговаривается какъ *a*, напр. Freiheit говорятъ Fraihait, и т. д. Простона-

родѣ же букву *g* предъ гласной выговариваетъ какъ *i*, напр. вмѣсто *Gott* говорятъ *iôтъ*, вмѣсто *gut* — *iуть* или *ютъ*. Здѣсь такъ много *ученыхъ*, что слово докторъ обратилось во всеобщій титулъ. Какъ въ Польшѣ всякій шляхтичъ претендуетъ на титулъ потомка Пяста, въ Испаніи на титулъ дворянина, такъ здѣсь на титулъ доктора. Я встрѣтилъ въ своихъ знакомыхъ такую начитанность, такую разнообразную ученость и такую постоянную жажду знанія, что невольно былъ ими пораженъ, хотя я уже былъ приготовленъ ко всему этому. Не смотря на то, что въ гимназіяхъ у нихъ только съ недавняго времени начали учить порядочно новые языки, всѣ мои знакомые знаютъ по нѣскольку языковъ и знаютъ не такъ, какъ наше дворянство, а филологически. Мой русскій разговоръ и чтеніе съ однимъ изъ нихъ заинтересовали ихъ: имъ понравились звуки нашей рѣчи. Они представить не могли, чтобы на такомъ необработанномъ и трудномъ даже для произношенія, шипящемъ языкѣ, многія буквы котораго при произношеніи мы еще въ добавокъ ко всему глотаемъ не хуже Англичанъ, можно было легко и скоро выражать отвлеченныя понятія и писать совершенно разговорною рѣчью. И вотъ двое образованныхъ Нѣмцевъ рѣшились учиться по-русски и къ моему возвращенію дали мнѣ слово выучиться говорить по-русски. Труднолю-

біе ихъ не знаетъ границъ. Одинъ мой знакомецъ даетъ иной день восемь уроковъ. Въ единственный свободный день—воскресенье, онъ занимается съ своими дѣтьми англійскимъ и французскимъ языками. Здѣсь лучший учитель беретъ за урокъ 1 талеръ, а если ходить къ нему на домъ, то 20 грошей; учителя средней руки—15 и 10 грошей. Кто хочетъ учиться самъ или воспитывать дѣтей, тотъ пусть ѣдетъ въ Берлинъ: это, дѣйствительно, германскія Аѳины; но, какъ я слышалъ, наши соотечественники не любятъ долго жить въ серьезномъ Берлинѣ и спѣшатъ въ веселый Парижъ. Въ Берлинѣ около 400 т. жителей и около 40 церквей, изъ которыхъ нѣтъ ни одной особенно замѣчательной ни по своему богатству, ни по своей архитектурѣ.

П И С Ь М О VII.

Мюнхенъ, (30 апрѣля) 12-го мая.

Изъ Берлина мнѣ совѣтовали ѣхать не вдругъ, а съ отдыхомъ: ночевать въ Лейпцигѣ и пробыть нѣсколько сутокъ въ Нюрнбергѣ. О Лейпцигѣ я рѣшительно ничего не могу сказать, кромѣ того, что уже извѣстно вамъ: именно, что въ немъ бываетъ европейская книжная ярмарка и что здѣсь

центр издательской и книгопродавческой дѣятельности всей Европы. Въ настоящее время здѣсь издается довольно много русскихъ книгъ. Отъ Берлина до Лейпцига моими спутниками въ вагонѣ были два Пруссакъ, съ которыми вообще легко сойтись: они очень разговорчивы и любознательны. Разговоръ естественно завязывается вопросами, откуда и куда ѣдешь и съ какою цѣлью. Россія же такъ мало извѣстна въ частностяхъ, что есть чего послушать любознательнымъ сосѣдямъ. На этотъ разъ разговоръ завязался по поводу преній въ прусской Второй Палатѣ. Пруссаки съ восторгомъ говорили о нѣкоторыхъ изъ своихъ депутатовъ и спрашивали, есть ли у насъ что нибудь подобное хоть въ провинціальномъ управленіи, такъ какъ единственное средство узнать народныя нужды—имѣть ихъ представителей. Я рассказываю имъ наше сельское, уѣздное и губернское устройство. Потомъ разговоръ перешелъ на ту роль, которую Россія играла въ Венгерскую и Крымскую войны и на слѣдствія этихъ войнъ. Нѣмцы говорили, что послѣ Венгерской войны цѣлая Германія боялась Россіи, которая, по ихъ словамъ, съ начала своего существованія и доселѣ все расширяется въ своихъ предѣлахъ, не внося въ общеевропейскую жизнь ничего новаго, прогрессивнаго въ замѣнъ того, что она заимствовала отъ Европы. По ихъ словамъ, если бы Россіи дать усилиться,

то она наводнила бы всю Европу, какъ пѣкогда опустошали ее Гунны, не принесшіе съ собой ничего живаго, кромѣ крови новой породы, и безъ слѣда расплывшіеся въ римской цивилизаціи. По ихъ словамъ, у русскаго народа нѣтъ даже способностей къ изобрѣтеніямъ и открытіямъ, которыми не заявило себя ни одно славянское племя; Нѣмцы допускаютъ во всѣхъ нихъ только способность подражать. Сколько я ни доказывалъ, что безъ распространенія во всемъ народѣ, а не въ высшихъ только его слояхъ, грамотности ничего ждать отъ него нельзя, что простой народъ есть истинный, неистощимый родникъ русской жизни, и что съ освобожденіемъ его, Россія быстро двинется впередъ, — мои спутники стояли на своемъ и не много давали цѣны смысленности нашего народа, говоря, что у всѣхъ существъ низшаго развитія сильно развита хитрость, и что у всѣхъ Славянъ *недостатокъ общественнаго духа и воображенія*. Но сами Нѣмцы признавали, что, съ освобожденіемъ народа и распространеніемъ грамотности, Россія, конечно, много выиграетъ во всѣхъ отношеніяхъ, особенно при мирномъ характерѣ ея иностранной политики. Сила государства не въ громадности территоріи и войска, а въ хорошемъ управленіи, просвѣщеніи народа и развитіи его производительныхъ силъ: такъ заключили они свое преніе, представляя въ образецъ свою люби-

ную Пруссію. Они съ восторгомъ читали свои газеты, въ которыхъ напечатаны отчеты о послѣднихъ засѣданіяхъ Второй Палаты, и говорили, что ихъ парламентскія пренія такъ же свободны, какъ и въ Англіи. Съ желчью отзывались они объ австрійскомъ правительствѣ и прочихъ нѣмецкихъ государствахъ, напр. Баваріи, слѣдующихъ австрійской политикѣ. Я еще въ Берлинѣ слышалъ, что Вторая Палата поднесла своему правительству благодарственный адресъ за его дѣйствія по кассельскому вопросу, вопреки Австріи. Смерть Брука подала новый случай Пруссакамъ нападать на Австрію и въ разговорахъ и въ газетахъ. Особенно рѣзко нападаетъ на нее *Volkszeitung*, постоянно доказывающая гнилость ея государственнаго организма.

Изъ Лейпцига, саксонскаго города, до Гофъ, города Баварскаго, мнѣ пришлось сѣсть въ очень медленный поѣздъ, хотя онъ называется почтовымъ. Во всей Германіи нѣсколько различныхъ поѣздовъ: *Postzüge*, *Eilzüge* или *Schnellzüge*, *Güterzüge mit Personen-Beförderung*, *Personen-Züge* und *Güterzüge*. Всѣ они идутъ съ разной быстротой и потому случается, что выѣхавшій послѣ васъ поѣздъ обгонитъ васъ на дорогѣ. Скорѣе всего идутъ *Schnellzüge*. Баварскіе вагоны менѣе чисты и просторны, чѣмъ прусскіе, но все-таки гораздо удобнѣе нашихъ; здѣсь, какъ и въ Пруссіи, вагоны раздѣляются на 3 кунэ,

по 8 мѣстъ въ каждомъ, ходъ въ купэ съ обѣихъ сторонъ; платформъ между вагонами нѣтъ; диваны очень мягкіе съ маленькими подушками на верху для головы; надъ диванами сѣтки на толстыхъ мѣдныхъ крючьяхъ, на которыхъ можно класть весь ручной багажъ, такъ что нѣтъ нужды ничего пачкать въ пыли подъ скамьями. Нѣмцы ѣздятъ въ шляпахъ и ихъ преспокойно снимають и кладутъ на сѣтки вмѣстѣ съ своими дорожными шѣшками, а сами надѣваютъ или шапочки, или фуражки. Здѣсь также рѣшетчатая досочка на дверяхъ съ обѣихъ сторонъ для вентиляціи, закрывающіяся въ дурную и холодную погоду. Но вся баварская мебель не такъ нова и чиста, какъ прусская. Въ Пруссіи желѣзныя дороги принадлежать частной компаніи, въ Баваріи—правительству. Здѣсь, какъ и въ Пруссіи, есть особенныя купэ для кондукторовъ, для куренія табаку, и особенныя купэ для дамъ, которыя не желаютъ ѣхать въ обществѣ мужчинъ. Какъ бы хорошо было сдѣлать эти отдѣленія и у насъ, гдѣ такъ часто страдаютъ женщины отъ невѣжества мужчинъ. Я взялъ мѣсто отъ Гофа до Нюрнберга. Обыкновенная скорость Schnellzug-овъ около 40 верстъ въ часъ. Мѣстность отъ Гофа до Нюрнберга начала по немногу оживляться маленькими холмами; нѣсколько разъ попадалась на глаза извивающаяся рѣчка Майна, на которой стоитъ знаменитый Франк-

фуртъ и которую ловкому эквилибристу можно перепрыгнуть: такъ она узка. Спутники мои, Австріецъ и Баварецъ, нѣсколько разъ указывали мнѣ на нее со смѣхомъ. Они оказались такими же говорунами, какъ и прочіе Нѣмцы, и мы очень весело и непримѣтно проѣхали до Нюрнберга. Ихъ разказы были для меня очень занимательны. Австріецъ, по видимому негоціантъ, житель Вѣны, очень много ѣздилъ по Европѣ, нѣсколько разъ былъ въ Петербургѣ и даже въ Москвѣ на коронаціи. Онъ былъ въ восторгѣ отъ нашей оригинальной Москвы и великолѣпнаго Петербурга съ его громадными улицами, площадями и зданіями; особенно удивляло его то, что этотъ истинно-столичный городъ огромнаго сѣвернаго царства такъ пышно устроенъ на самой дурной почвѣ. Съ злою ироніей сравнивалъ онъ съ громаднымъ Петербургомъ уютный и чистый Берлинъ и не находилъ въ послѣднемъ почти ничего хорошаго. По его словамъ, Вѣна — это центръ наукъ, искусствъ, промышленности, изящнаго вкуса и роскоши. Опера и Университетъ въ Вѣнѣ, по его словамъ, лучшіе въ Европѣ, жизнь въ Вѣнѣ самая веселая, хотя не дешевле Петербурга. Сами Берлинцы сознавались, что въ Вѣнѣ жизнь веселѣе, чѣмъ въ Берлинѣ, и приписывали это южному климату и южной безопасности жителей. Много говорилъ Австріецъ о красотѣ, вкусѣ и легкомысліи венгерскихъ женщинъ и австрій-

скихъ дамъ, которыхъ и сравнивать нельзя съ скучными, расчетливыми, безвкусными и любопытными берлинскими. Сильно подбивалъ меня Австріецъ побывать въ Вѣнѣ и далъ мнѣ свой адресъ; по я немножко охладилъ его патріотическій жаръ, упомянувъ о шпіонствѣ и другихъ притѣсненіяхъ, которымъ подвергаются иностранцы по милости подозрительности австрійскаго правительства; я прибавилъ, что кажется оно и въ отношеніи къ своимъ подданнымъ не слишкомъ внимательно и либерально. Онъ соглашался со мною, и причину австрійскаго деспотизма указывалъ мнѣ въ католическомъ духовенствѣ, которое намѣренно искажаетъ понятія народа, чтобы доставить безпрекословное господство себѣ и своему покровителю-правительству. Процентъ протестантовъ слишкомъ малъ, чтобы имѣть значеніе. Въ Вѣнѣ на 600,000 католиковъ не болѣе 6,000 протестантовъ.

Около Кульмбаха начинается холмистая, довольно живописная мѣстность и вблизи залегаютъ огромные пласты шифру, которые тянутся на нѣсколько десятковъ верстъ и составляютъ неисощимое богатство страны. Самъ Кульбахъ лежитъ на склонѣ большаго холма и окруженъ зеленѣющими полями, почва которыхъ здѣсь разрыхлена и удобрена до послѣдней степени. Мнѣ никогда не удавалось видѣть такихъ густыхъ всходовъ разныхъ хлѣбовъ, играющихъ на здѣшнемъ ласковомъ солнцѣ разными переливами

зелени: такое разнообразіе тѣней и такое освѣщеніе поражаютъ жителя сѣвера. Въ Кульмбахѣ на самомъ верху горы старинный замокъ, обращенный теперь въ исправительную тюрьму для преступниковъ. Готическая архитектура домовъ представляетъ очень живописный видъ на зеленѣющемъ фонѣ окрестности. Верстахъ въ двухъ отъ Кульмбаха, на верху высокаго холма, виднѣется рыцарскій замокъ, угрюмо смотрящій на измѣнившуюся вокругъ него окрестность, на которой уже не слышно ни ржанія боевыхъ коней, ни трубъ, а вмѣсто этого мирно пашетъ крестьянинъ свою землю и свищетъ паровая машина. Въ Кульмбахѣ меня поразила дешевизна пици. Мы стояли здѣсь 45 минутъ и все подвижное населеніе вагоновъ высадилось и взапуски ѣло и пило. Я спросилъ своихъ спутниковъ о причинѣ дешевизны на этой станціи и узналъ, что здѣсь дѣлается лучшее пиво во всей Баваріи: отъ того здѣсь всегда много выходитъ народу выпить и закусить, такъ что становится выгоднымъ продавать все дешевле, чѣмъ на другихъ станціяхъ. Всеобщая же дешевизна на станціяхъ происходитъ отъ того, что онѣ платятъ очень дешевую арендную плату, въ Пруссіи — частной компаніи, въ Баваріи — правительству. Самая большая станція на баварскихъ желѣзныхъ дорогахъ есть Бамбергъ. Содержатель Бамбергской станціи ежегодно платитъ въ казну

1,000 гульденовъ (около 600 р. с.), а выручаетъ около 15,000 р. с.; маленькія же станціи въ родѣ Кульмбаха платять по 100 и по 200 гульденовъ въ годъ. Отсутствие откупной системы дѣлаетъ вообще жизнь дешевле нашей во всей Германіи, не смотря на то, что здѣсь жизненные припасы большею частью дороже нашихъ. Какимъ образомъ дешево брать на станціяхъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ, когда послѣдній яблочникъ, квасникъ и пирожникъ платитъ болѣе 10 р. с. въ мѣсяцъ; а Тверская станція, напр., берется на откупъ за 15,000 р. с. въ годъ? Какимъ образомъ дешево брать въ гостиницахъ нашихъ, когда надъ ними откупъ съ своимъ произволомъ! Мы еще въ Берлинѣ говорили, что Баварія самая дешевая страна во всей Германіи, но съ насмѣшкой прибавляли, что эта страна вмѣстѣ есть *нѣмецкая Барбарія*. Берлинцы и на политику Баваріи, и на ея просвѣщеніе, и литературу, даже на самый выговоръ, смотрятъ съ презрѣніемъ. Отъ Кульмбаха идетъ мѣстность болѣе холмистая; но темнота наступавшей теплой и ароматной южной ночи мѣшала наслаждаться видами.

8-го мая (26-го апрѣля), въ 12 часовъ ночи, поѣздъ привезъ насъ въ Нюрнбергъ. Около станціи желѣзной дороги стоятъ огромные крытые omnibuses, принадлежащіе различнымъ нюрнбергскимъ гостиницамъ. Каждый такой omnibusъ забираетъ своихъ

гостей съ ихъ пожитками. Очень бы хорошо было, если бы и у насъ на желѣзныя дороги гостинницы высылали свои экипажи. Пассажиры избавлялись бы отъ мученій съ извозчиками, а хозяева гостинницъ приобрѣтали бы себѣ лишннихъ гостей. Я сѣлъ въ карету, принадлежащую гостинницѣ Строуса. Плата очень умѣренная: 18 крейцеровъ (*) и съ вещами, а ѣзды сколо получаса. Нюрнбергъ одинъ изъ самыхъ старыхъ и оригинальныхъ городовъ Германіи; въ немъ совершенно сохранился средневѣковый характеръ—большихъ нѣмецкихъ городовъ съ готическою архитектурой зданій, начиная съ церквей и кончая бѣднѣйшими обывательскими домами. Наружныхъ стѣнъ домовъ уже не разрисовываютъ, но въ замѣнъ этого вездѣ башенки и балкончики. И вновь строящіеся зданія носятъ тотъ же характеръ: только за стѣнами города вы встрѣчаете дома современной архитектуры. Въ городѣ почти только 5 и 6-ти-этажныя длинныя, узкія и угловатыя зданія, крытыя черепицей. Въ Нюрнбергѣ около 56,000 жителей, въ томъ числѣ католиковъ не болѣе 6,000, остальные протестанты. Въ средніе вѣка до открытія Америки Нюрнбергъ и Аугсбургъ были главнѣйшими торговыми городами Германіи. Колумбъ и Васко-де-Гама

(*) Крейцеръ около нашей копѣйки серебр.; здѣсь болѣе всего въ ходу гульденъ, въ которыхъ по 60 крейцеровъ.

своими открытіями дали другое направленіе торговлѣ. Теперь Нюрнбергъ главное мѣсто баварской торговли и славится многими отраслями промышленности: машинами, химическими продуктами, свинцовыми приисками, спичками, красками, пряниками, хмѣлемъ и табакомъ; но главнѣйшая его профессія, приобретающая ему всеобщую извѣстность, это—издѣлія изъ *porzellan* и дѣтскія игрушки; выдѣлкой ихъ занимается болѣе 100,000 человекъ жителей города и его окрестностей. Дѣтскія игрушки отсюда рассылаются во всю Европу. Отдѣлка ихъ изящная и цѣна здѣсь очень недорогая.

Нюрнбергъ знаменитъ сверхъ того многими открытіями и историческими именами художниковъ и изобрѣтателей. Это родина живописца, скульптора, гравера, математика и архитектора Альбрехта Дюрера. Могила нѣкоторыхъ знаменитостей находится на здѣшнихъ кладбищахъ, а отъ Альбрехта Дюрера и до сихъ поръ сохранился его собственный домъ, 1528 г., хорошо поддерживаемый и уважаемый какъ святыня. Рѣдко, чтобы въ одномъ городѣ родилось столько знаменитыхъ людей. Здѣсь изобрѣтены часы, кларнетъ, латунь, духовое ружье, нарисованъ первый глобусъ, устроена первая астрон. обсерваторія. Городъ построенъ на нѣсколькихъ холмахъ; на самомъ высокомъ изъ нихъ находится замокъ или крѣпость, которая съ 1050 г. и до сихъ поръ слу-

жила временной резиденціей многихъ императоровъ и королей германскихъ. Очень замѣчательна въ этомъ замкѣ часовня мавританскаго стиля съ мраморными колоннами, присланными изъ Рима въ 11 вѣкѣ, и на дворѣ замка липа, посаженная около 700 лѣтъ тому назадъ. Внутри ея уже образовалось огромное дупло, которое сверху тщательно закрыто; выше его нѣтъ ни одного сучка, но молодые побѣги идутъ изъ нижнихъ частей огромнаго ствола дерева. Кругомъ липы стоятъ четыре большія фигуры вооруженныхъ герольдовъ. Изъ старыхъ залъ одна только пріемная сохранила прежній характеръ: остальные комнаты внутри всѣ передѣланы въ новѣйшемъ вкусѣ и раздѣляются на компаты короля и королевы. Видъ изъ нихъ на городъ и его окрестности великолѣпный. Кастелянша, провожающая васъ, безъ устали рассказываетъ легенды замка за какія нибудь 20 крейцеровъ. Изъ церквей я упомяну только о двухъ, замѣчательнѣйшихъ по древности и строгому готическому стилю: церкви Св. Лоренца и Св. Зебальда. Обѣ онѣ самой чистой готической архитектуры. Церковь Св. Лоренца начата постройкой въ 1274 году и кончена въ 1332 г. Вы входите подъ ея громадный сводъ, упирающійся на нѣсколько десятковъ тонкихъ колоннъ, въ два ряда, въ видѣ великановъ. Среди этой величественной громады, поднимающейся къ небу, человѣкъ кажетъ

ся ничтожнымъ существомъ. Въ одно время со мной осматривалъ церковь другой путешественникъ, и мы, стоя на двухъ концахъ церкви, казались другъ другу рѣшительно пигмеями между этихъ колоннъ. Для человѣка, никогда не видѣвшаго этой архитектуры, чрезвычайно интересно ее видѣть. Воображаю, какое впечатлѣніе производитъ она на такого зрителя, когда подъ этими сводами гремѣть величественныя звуки огромнаго органа. Въ церкви очень много интересныхъ картинъ и статуй старинныхъ мастеровъ. Великолѣпный видъ сообщаетъ храму живопись на стеклахъ оконъ алтаря: это подарокъ патриція Волькамера; на нихъ представлена исторія жизни Спасителя и разныхъ святыхъ, работы 10 столѣтія. При яркомъ освѣщеніи ночью церковь должна производить поразительное впечатлѣніе. Двѣ башни при церкви имѣютъ по 272 фута вышины и какъ двѣ стрѣлы разсѣкаютъ воздухъ, взвиваясь вверхъ. Церковь св. Зебальда есть другой лучшій памятникъ готическаго вкуса въ цѣлой Германіи. Во внутренности храма много скульптурной работы изъ дерева, много картинъ старинной франконской живописи, и замѣчательное по своей древности бронзовое распятіе большаго размѣра. Почти всѣ эти работы принадлежатъ здѣшнимъ художникамъ. Видно, что городъ не даромъ прожилъ свою жизнь и, по всей справедливости, дѣлаетъ честь своему отчеству.

10-го мая, уѣзжая изъ Нюрнберга, я позналъ всю прелесть безконечнаго разнообразія нѣмецкихъ денегъ. Прежде чѣмъ привыкнешь къ нимъ, неизбѣжно дѣлаешься жертвой обманщиковъ. Каждое государство Германіи имѣетъ свои деньги, а какъ нѣмецкимъ государствамъ счету нѣтъ, то и на изученіе ихъ денегъ требуется очень много времени. Впрочемъ, мало по малу присоединяются къ прусской денежной системѣ, какъ самой простой, и прусскій талеръ ходитъ во всей Германіи. Всѣ нѣмецкія серебряныя деньги очень плохаго серебра; а самыя мелкія, какъ напр. зильберъ-гроши и крейцеры, просто изъ какой-то композиціи, только цвѣтомъ немного похожей на серебро; собственно мѣдныхъ денегъ очень мало; да ихъ и не нужно, когда изъ композиціи есть крейцеры, т. е. наши копѣйки серебромъ, но величиной не болѣе нашего пятакка. Здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго затрудненія при размѣнѣ и золотыхъ, и серебряныхъ, и бумажныхъ крупныхъ денегъ на мелкія, и однѣхъ изъ нихъ на другія, но довольно трудно достать ассигнацій (Bank-note): совершенно наоборотъ тому, что въ послѣднее время было у насъ. Отъ чего бы и у насъ размѣнной монеты не дѣлать изъ самаго низкопробнаго серебра, или даже изъ композиціи по примѣру Нѣмцевъ? Здѣсь въ ходу золото и серебро, а бумажныя деньги приберегаются болѣе всего для пересылки по почтѣ. Наше золото въ Пруссіи теперь ходитъ: полу-

имперіаль за 5 талеровъ и $12\frac{1}{2}$ грошей, въ Баваріи за $9\frac{1}{2}$ гульденовъ. Года три тому назадъ курсъ былъ выше на 6 зильбергрошей.

П И С Ь М О VIII.

Рейхенгалль, 18-го (6-го) мая.

Вчера я добрался наконецъ до прекраснѣйшей страны, какую только могутъ себѣ представить: художникъ для пейзажей, поэтъ для вдохновеній и наконецъ больной для своего облегченія и излеченія, это—маленькій городокъ Баваріи Рейхенгалль, лежащій въ ущельѣ Альпъ. Но отсюда я долженъ прежде всего говорить вамъ о томъ, что я видѣлъ и слышалъ въ Мюнхенѣ.

Прежде всего на меня при самомъ вѣздѣ въ Мюнхенъ очень пріятно подѣйствовалъ *общій видъ города*. Не очень большіе дома, не тянущіеся къ небесамъ, не прижимающіеся плотно другъ къ другу, не похожіе на казармы и другъ на друга, какъ двѣ капли воды, но свободно раскинувшіеся на широкихъ улицахъ и огромныхъ площадяхъ съ палисадниками и цвѣтниками предъ окнами, съ садами позади домовъ и на самыхъ площадяхъ; дома самой разнообразной и изящной архитектуры, большею ча-

стію не болѣе трехъ этажей; только такъ называемый старый городъ похожъ на другіе нѣмецкіе города, новый же городъ смотритъ южнымъ—живымъ, веселымъ и граціознымъ современнымъ Европейцемъ. Такимъ мнѣ показался на первый разъ Мюнхенъ, и это впечатлѣніе не измѣнилось и послѣ. Мои спутники совѣтовали мнѣ остановиться въ гостинницѣ Маріенбадъ, которую они очень хвалили за дешевизну и удобства. Но Нѣмцу въ нѣмецкой землѣ все обходится дешевле, чѣмъ Русскому. Объ удобствахъ я не говорю ни слова; дѣйствительно здѣшнія удобства удовлетворяютъ самаго прихотливаго, избалованнаго русскаго барина. При гостинницѣ очень миленькій, тѣнистый садъ, внизу всевозможныя ванны отъ 24 к. с. и до 1 р. Комнаты чисты и богаты мебелью, на каждой постели по три мягчайшихъ и чистѣйшихъ матраца, чистѣйшее одѣяло и сверху жиденькая перина для одѣванья; о клопахъ, тараканахъ и блохахъ здѣсь можно совершенно позабыть; и цѣна по видимому не дорогая: 80 к. с. за двѣ хорошенькія комнатки въ бельэтажѣ, выходящія прямо въ садъ; а на дѣлѣ выходитъ не дешево: за прислугу надобно платить 36 к. с. въ день, за свѣчи 24 к., за воду для чаю 10 коп. сер., тоже, что на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ. Однимъ словомъ, не мытьемъ, такъ катаньемъ дешевая гостинница возьметъ съ васъ тоже, что дорогая.

Здѣсь меня очень утѣшилъ философъ-коммиссіонеръ, который провожалъ меня по Мюнхену; когда онъ рассказывалъ о здѣшней дешевизнѣ мебели и вообще всѣхъ вещей и всякаго труда, то я его остановилъ вопросомъ: отъ чего же все такъ дорого въ гостиницѣ? Онъ мнѣ на это отвѣчалъ, что гостиницы въ цѣломъ мірѣ одинаково жадны, и цѣны въ нихъ почти вездѣ одинаковы: что въ Россіи, что въ Китаѣ, что въ Парижѣ. Онъ предлагалъ мнѣ хорошую квартиру въ 2 комнаты со всѣми удобствами и прислугою за 9 р. с. въ мѣсяцъ. Нашихъ квартиръ въ столицахъ съ здѣшними и сравнивать нельзя. У насъ обыкновенно на квартирѣ нельзя найти ни чистоты, ни теплоты, ни сухости, ни порядочной пищи, мебели и прислуги; о ватерклозетахъ и постельномъ бѣльѣ у насъ и помину нѣтъ. *Столы* здѣсь въ *table d'hôte* вездѣ очень недорого, сытный обѣдъ изъ 5 блюдъ стоитъ 50 коп. сер., сюда ходятъ мужчины и женщины.

Первое, что мнѣ бросилось въ глаза тотъ часъ при выходѣ изъ гостиницы — это бронзовой обелискъ, стоящій на площади. Невольно я подошелъ посмотреть, что это за памятникъ, и что же я увидалъ? На одной сторонѣ надписано, что этотъ памятникъ воздвигнуть въ воспоминаніе о 36,000 Баварцевъ, павшихъ въ Русскую войну (1812 года), а на другой — что они умерли за освобожденіе отече-

чества. Надъ этой послѣдней надписью невольно задумается всякій Русскій: какимъ образомъ Россія до 1812 года дѣлала не свободной какую-то далекую Баварію, этого, я думаю, ни одинъ Русскій не рѣшить. Не скрывается ли развѣ тутъ какой нибудь другой смыслъ? Можетъ быть, хотѣли сказать, что послѣ этой войны, стоившей 36,000 солдатъ, Баварія наконецъ освободилась отъ ига Наполеона, и главной освободительницей ея, какъ и всей Германіи, была Россія? Можетъ быть, ясно выразить эту мысль мѣшали какія нибудь государственныя соображенія. Я обратился за объясненіемъ этой таинственной надписи къ Нѣмцамъ, и они мнѣ сказали, что эта надпись не совсѣмъ справедлива, вотъ и все, что я могъ узнать. Поставленъ памятникъ, кажется, въ 1834 году, при прошломъ королѣ Людовигѣ, какъ и всѣ замѣчательныя зданія въ Мюнхенѣ. О королѣ Людовигѣ говорятъ, что онъ былъ очень бережливъ и эта бережливость дала ему средства украсить Мюнхенъ множествомъ превосходныхъ зданій и памятниковъ. Замѣчательнѣйшія изъ зданій слѣдующія: дворецъ, театръ, глиптотека, пинакотекa, зданіе для выставки картинъ, неоконченное зданіе въ родѣ Пропилеевъ между глиптотекой и выставкой, придворная церковь, библіотека, университетъ, галлерей славы съ статуей Баваріи. Кромѣ этого множество другихъ зданій и памятниковъ слу-

жать памятниками царствованія Людовика. Но начну описывать свои впечатлѣнія по порядку.

Прежде всего мнѣ удалось быть 12 мая въ большомъ вокальномъ и инструментальномъ концертѣ, который давалъ придворный музыкантъ Фрейтагъ въ большомъ залѣ Одеона. Самъ концертистъ игралъ на флейтѣ и былъ осыпалъ рукоплесканіями; особенно хорошо былъ исполненъ имъ *Carneval von Venedig*; одинъ изъ участвующихъ очень хорошо сыгралъ *Nocturno* на рожкѣ и одинъ концертъ на скрипкѣ; 2 артиста и 2 артистки изъ театра спѣли 2 квартета. Всѣ они были осыпаны рукоплесканіями. Я не знатокъ музыки, но слыхавши довольно много музыки и пѣсней, начиная отъ звонкой и самородной пѣсни пахаря и завыванья уѣздныхъ и губернскихъ барышенъ подъ звуки разбитаго фортепьяно до восхитительныхъ звуковъ итальянской оперы, я невольно сравнивая вновь слышанное пѣніе и музыку, нахожу, что здѣшній блестящій концертъ стоитъ немного выше нашихъ, даваемыхъ какимъ нибудь бродячимъ артистомъ при содѣйствіи благодарныхъ любителей. Въ Берлинѣ меня тащили послушать пѣнія пѣвчихъ въ придворной церкви, бывающаго разъ въ годъ: въ день покаянія (*Busstag*). Берлинцы увѣряли меня, что подобнаго пѣнія не существуетъ въ цѣлой Европѣ. Я случайно слышалъ одинъ только разъ пѣніе Шереметевскихъ пѣвчихъ въ Петербургѣ и

очень бы желалъ, чтобы его послушали Нѣмцы: тогда бы они не рѣшились и говорить о своемъ. Что же говорить о пѣніи придворныхъ пѣвчихъ, которые извѣстны цѣлому образованному свѣту? Жаль, что обыкновенно очень трудно добраться ихъ послушать; надобно имѣть знакомыхъ, которые бы васъ провели въ капеллу; въ концерты же—для бѣдныхъ людей недоступная цѣна. По неволѣ опять обратишься къ расчётливымъ и благоразумнымъ Нѣмцамъ. У насъ искусства существуютъ какъ предметъ роскоши только для богатыхъ людей, у нихъ же они доступны для всего народа.

За входъ въ лучший концертъ въ Мюнхенѣ слѣдующія цѣны: кресло въ залѣ 1 гульденъ и 12 крейцеровъ, галлерей (по нашему хоры) 48 крейцеровъ. При этомъ, на объявленіи о концертѣ сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: тѣ категоріи, которыя доселѣ платили меньше, и теперь платятъ за входъ въ залу 48 крейцеровъ; для господъ студентовъ университета и воспитанниковъ академіи художествъ цѣна за входъ въ залу только 36 крейцеровъ. И тѣхъ и другихъ воспитанниковъ было очень много. Сверхъ такихъ концертовъ, даваемыхъ въ чью нибудь пользу, здѣшнее Филармоническое Общество почти ежедневно даетъ свои концерты по 30 крейцеровъ за входъ. Есть гдѣ развиться вкусу къ музыкѣ. Кромѣ того, въ Мюнхенѣ много кофейнь и

садовъ, въ которыхъ играетъ музыка; за входъ въ нихъ платится только 6 крейцеровъ. Въ нихъ идутъ зажиточные люди, мужчины и женщины, и пьютъ кофе, пиво, читаютъ газеты, разговариваютъ, играютъ на бильярдѣ. Плата за всѣ эти удовольствія необыкновенно дешева: бутылка (3 стакана) отличнаго пива, напр., стоитъ $3\frac{1}{2}$ к. с., большая чашка кофе 6 к. с., партія на бильярдѣ днемъ 3 к. с. и т. д. Въ карты здѣсь вовсе не играютъ лѣтомъ, а только зимою; замѣчательно, что здѣсь новая игра картъ въ лавкѣ стоитъ около 15 к. с. Когда вы выйдете въ хорошую погоду вечеромъ гулять по Мюнхену, то со всѣхъ сторонъ услышите музыку и говоръ многочисленныхъ собраний, несущійся изъ разныхъ кофейнь и трактировъ. Все это для жителя сѣвера, привыкшаго жить въ 4 стѣнахъ, кажется очень любопытнымъ. Я заходилъ въ разные трактиры, гдѣ собирается и простой и зажиточный народъ: въ хорошую погоду обыкновенно все садить на открытомъ воздухѣ подъ деревьями, за простыми широкими столами: мужчины, женщины и дѣти, и угощаются по состоянію. У простаго народа почти единственное угощеніе пиво, котораго выпивается громадное количество. Здѣсь есть одна пивоварня и распивочная, которая приносить въ годъ чистаго барыша около 10,000 р. с. кромѣ откупной суммы платимой въ казну. Въ эту пиво-

варню ходить всё начиная отъ министра и до послѣдняго солдата. Несмотря на громаднѣйшій приливъ и отливъ народа, здѣсь очень мало прислуги и все идетъ какъ по писанному. Пивовареніе здѣсь вообще всё на откупъ, но откупная сумма, платимая правительству за право пивоваренія, очень умеренная. Съ одного шеффеля солоду платится $\frac{1}{2}$ гульдена. Отъ того пиво поднялось въ цѣнѣ за бутылку противъ прежняго времени только на 1 коп. сер., чѣмъ Нѣмцы впрочемъ не очень довольны, но за то казна получаетъ отъ такого копѣечнаго налога сотни тысячъ гульденовъ. До сихъ поръ употребленіе водки я видѣлъ только въ частныхъ зажиточныхъ домахъ во время закуски. Подгулявъ, простонародье весело шумитъ, громко разговариваетъ о своихъ дѣлахъ, о дѣлахъ общественныхъ и государственныхъ, громко осуждаетъ или хвалитъ правительство и изъ всѣхъ силъ бранитъ Наполеона. Но ссоръ и дракъ съ откусываніемъ носовъ, съ выдергиваньемъ бородъ и синяками подъ глазами здѣсь не бываетъ: пиво производитъ легкое и веселое охмѣленіе, а грамотность и этотъ хмѣль удерживаетъ въ приличныхъ границахъ. Прѣзжая изъ Мюнхена въ Рейхенгалль, при перемѣнѣ почтовыхъ лошадей, я долженъ былъ войти для отдыха въ простую харчевню, гдѣ была толпа подгулявшихъ Нѣмцевъ, шумно засѣдавшихъ за столами. Со мною

вошла пассажирка-дама, и Нѣмцы пріутихли и сейчас же очистили цѣлый столъ. Я описываю то, что видѣлъ самъ.

Удалось мнѣ быть и въ Оперѣ, 13-го (1-го) мая. Давали *Жидовку*. И музыка и пѣніе хороши, но не больше. Костюмы и декорации верхъ бѣдности. Театръ одинъ изъ самыхъ большихъ въ Германіи, для 2,000 чел., проходъ между креслами такъ же тѣсень, какъ и въ Берлинѣ, за то цѣна еще дешевле берлинской. Мѣсто въ галлерей около самой сцены 1 гульденъ 12 крейцеровъ, кресло всѣхъ рядовъ 1 гульденъ; мѣсто въ райкѣ 12 крейцеровъ, храненіе одежды 6 крейцеровъ. Театръ былъ полонъ. Среди оперы въ одну изъ ложъ около сцены вошелъ во фракѣ лѣтъ сорока мужчина, брюнетъ, блѣдный и худощавый, съ болѣзненнымъ выраженіемъ лица. Мои сосѣди въ креслахъ привстали. Я спросилъ сосѣда: кто это? Король, былъ его отвѣтъ. Вслѣдъ за королемъ вошла королева въ бѣломъ платьѣ съ вѣнкомъ цвѣтовъ на головѣ. Лице ея очень красиво. Послѣ я видѣлъ ея портретъ въ королевскомъ дворцѣ, когда она еще была принцессой прусской; портретъ этотъ находится среди нѣсколькихъ десятковъ портретовъ, снятыхъ съ извѣстнѣйшихъ красавицъ царствованія короля Лудовика. Дѣйствительно, вы найдете тутъ такія лица, отъ которыхъ трудно оторваться, и которыя принадлежать женщ-

памъ всѣхъ званій. Нынѣшній кроль, говорятъ, страдаетъ ипохондріей. Въ театрѣ онъ побылъ не болѣе четверти часа, вдругъ всталъ, за нимъ встала и королева, и супруги вышли изъ ложи. Театръ рядомъ съ дворцомъ и соединенъ съ нимъ крытою галлереей, называемой зимнимъ садомъ. На фронтонѣ театра фрески, исполненныя по рисункамъ Шван-талера. Какая бездна здѣсь картинъ на стѣнахъ! Цѣлая крытая галлерей по одной сторонѣ королевскаго сада, служащая для прогулки, украшена фресками. Новая Пинаотека также украшена снаружи очень хорошими фресками, а старая статуями; нѣкоторые мастерскія художниковъ также снаружи расписаны фресками. Кромѣ этого театра, называемаго королевскимъ придворнымъ и народнымъ театромъ, есть еще собственно *народные* театры, гдѣ цѣна втрое дешевле; тутъ даются легкія, увеселительныя, волшебныя піесы, в девили и т. п. на просто-народномъ нарѣчій, собственно для простаго народа. Есть еще очень маленькій театръ въ самомъ королевскомъ дворцѣ, но я въ немъ не былъ.

Глиптотека, это совершенно афинское зданіе, не поражающее васъ громадностью, но восхищающее красотой. Что нужды, что оно не громадно: оно выстроено безъ увеличенія налоговъ и безъ расточенія государственныхъ доходовъ на прихоти; явилось оно тогда, когда почувствовалась въ немъ

потребность, именно тогда, когда въ каждой общинѣ заведена была школа. Здѣшняя Глиптотека, т. е. хранилище произведеній ваянія, заключаетъ въ себѣ очень много замѣчательнѣйшихъ статуй древнихъ ваятелей. Въ нѣсколькихъ залахъ, стѣны и потолоки украшены превосходною живописью Корнелиуса, знаменитаго баварскаго художника, бывшаго директоромъ всѣхъ музеевъ. Входи въ Глиптотеку открытъ ежедневно для всякаго до 12 часовъ дня безъ всякихъ билетовъ; ходятъ здѣсь въ шляпахъ, чтобы безъ всякой нужды не студить головы, въ колошахъ и всевозможныхъ костюмахъ, кому какъ удобнѣе. Полный каталогъ Глиптотеки стоитъ 1 гульд. 12 крейцеровъ. Всякій разъ вы встрѣтите тамъ множество посѣтителей изъ разныхъ сословій, и путешественниковъ изъ разныхъ странъ. Кстати я вспомнилъ одинъ случай: разъ поѣхало въ Петербургъ одно мое знакомое семейство на недѣлю (быть можетъ въ первый и въ послѣдній разъ), съ цѣлю послушать итальянскую оперу и посмотреть Эрмитажъ, и что же? Не имѣя знакомыхъ и не зная куда явиться за билетами въ Эрмитажъ, несчастные съ горемъ вернулись въ свою глушь, не видавши Эрмитажа.

Пинакотекъ (т. е. музеевъ, наполненныхъ картинами) въ Мюнхенѣ двѣ: Старая и Новая. Оба зданія не очень велики, но очень красивы снаружи;

старая Пинакотекa въ стилѣ римскихъ дворцовъ, новая въ стилѣ византійскомъ; обѣ не роскошны внутреннею отдѣлкой (гипсовые стѣны очень ловко отдѣланы подъ мраморъ, полы мраморные), но зато заключаютъ въ себѣ очень много превосходныхъ произведеній первыхъ мастеровъ. Въ новомъ музеѣ картины художниковъ послѣдняго столѣтія; между ними самое видное мѣсто занимаютъ Потопъ—Шорна, и Разрушеніе Іерусалима—Каульбаха; цѣлая зала съ пейзажами Греціи и пр. Въ старой Пинакотекѣ 2 Мадонны Рафаэля, одна въ послѣдней большой залѣ, принадлежащая молодымъ лѣтамъ художника, и другая въ одной изъ боковыхъ залъ, показавшаяся мнѣ гораздо лучше первой; большая картина, во весь ростъ стоящая Мадонна, Перуджино, учителя Рафаэля, вліяніе идеала котораго отразилось на всѣхъ Мадоннахъ Рафаэля; около 8 картинъ съ дѣтскими группами, Мурилльо, верхъ совершенства! Нельзя оторваться отъ этихъ живыхъ и граціозныхъ образовъ: вы видите цѣлыя сцены изъ жизни дѣтей и совершенно забываете, что это картина, а не изящная дѣйствительность. Довольно много картинъ Гольбейна (въ которыхъ особенно хороши лица Мадонны), Рубенса, Рембрандта и другихъ первоклассныхъ художниковъ. Въ эти галереи надобно ходить каждый день по крайней мѣрѣ мѣсяцъ, чтобы хорошо съ ними познакомиться. Каталогъ стоитъ 1 гуль-

день 12 крейцеровъ. Это довольно большая книга съ краткою исторіей каждой картины; продается какъ и въ другихъ музеяхъ, при входѣ въ галереи.

Мюнхенскій университетъ основанъ въ 1472 году въ Ингольштатѣ, потомъ въ 1800 году переведенъ въ Ландсгутъ, и наконецъ въ 1826 г. въ Мюнхенъ; онъ составляетъ одно изъ самыхъ красивыхъ зданій итальянскаго новѣйшаго стиля. Величиною онъ не болѣе Берлинскаго Университета, но еще красивѣе. Вся площадь, на которой онъ стоитъ, окружена зданіями того же стиля; напротивъ самаго университета находится женскій институтъ для дочерей дворянъ, и духовная семинарія. На самой площади бьютъ два прекрасныхъ фонтана. Замѣчательно, что главная зала университета, назначенная для большихъ собраній съ рѣчами какъ нарочно лишена исполнителями плановъ Гертнера своей необходимѣйшей принадлежности, именно: резонанса. Поэтому въ ней собраній съ рѣчами и не бываетъ, а для этого служатъ другія малыя залы. Въ университетѣ библіотека съ 200,000 томовъ; студентовъ до 1,500. Всѣ они раздѣляются на нѣсколько обществъ земляковъ (Landmannschaft, Verbindungen), изъ которыхъ каждое имѣетъ своего цвѣта фуражку и ленту черезъ плечо, носимую подъ сертукомъ. Другой формы студенты не имѣютъ. Въ

Мюнхенъ пять такихъ обществъ; я видѣлъ фуражки красныя, синія, зеленныя, желтыя. Но есть студенты, не носящіе и этихъ знаковъ отличія: это большею частію иностранцы, которыхъ здѣсь довольно много изъ разныхъ странъ. Есть даже и русскіе подданные изъ остзейскихъ губерній. Двоихъ я видѣлъ самъ, ходя по заламъ королевскаго дворца. Студенты, не носящіе никакого цвѣта, называются «обскурантами». Какое громадное различіе отъ нашихъ родныхъ обскурантовъ; у насъ они напротивъ держатся за форму, какъ за якорь спасенія. Въ женскомъ институтѣ обучаются только дочери богатыхъ дворянъ съ платою по 400 гульденовъ въ годъ, значить болѣе 200 руб. сер. Къ сожалѣнію и здѣсь этотъ институтъ, какъ заведеніе закрытое, имѣетъ, какъ говорятъ, всѣ недостатки подобнаго рода заведеній: таже безцѣльность преподаванія множества предметовъ и таже безхарактерность нравственнаго воспитанія. Вѣрно такова уже участь отдѣляющихся отъ народа классовъ во всемъ мірѣ. Для дочерей простаго класса народа не только въ каждомъ городѣ, въ каждой деревенской общинѣ есть дешевыя или даровыя школы.

Недалеко отъ университета, на той же лучшей улицѣ города (Ludwigsstrasse) находится *Королевская Библиотека*, выстроенная тоже по планамъ Гертнера, въ византійско-флорентинскомъ стилѣ. Въ ней

залъ для книгъ и одна для чтенія; роскоши никакой, но книги можетъ читать здѣсь и брать на домъ всякій, кто хочетъ. Въ залѣ для чтенія сидятъ въ шляпахъ; столы и стулья самые дешевые и простые, никакихъ вычуръ и прихотей. Библіотека основана еще между 1550 и 1579 годами герцогомъ Альбрехтомъ V, и постепенно увеличиваясь, теперь имѣетъ 800,000 томовъ; послѣ Парижской и Петербургской она считается богатѣйшею въ Европѣ. Въ ней однихъ манускриптовъ до 22,000. Сокровищница библіотеки (Simeliensaal) заключаетъ въ себѣ древнѣйшія литературныя произведенія съ картинами и въ богатыхъ переплетахъ, отдѣланныя золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями; тутъ есть Евангеліе 870 года, миниатюрный очень древній Коранъ и пр. Надобно замѣтить, что эти драгоценныя сокровища хранятся въ самыхъ простыхъ шкафахъ, выкрашенныхъ масляною краскою. Тутъ же, между прочимъ, находится первая книга, отпечатанная въ Гуттенберговой типографіи. Плата за трудъ помощнику библіотекаря, показывающему библіотеку, 24 крейц. Служащіе при дворцахъ, театрахъ, библіотекахъ и т. п. общественныхъ зданіяхъ здѣсь не имѣютъ ни чиновъ, ни знаковъ отличія и получаютъ весьма умеренное жалованье, но за то, что они показываютъ ввѣренныя ихъ храненію зданія, имъ предоставлено право брать за труды маленькое вознагра-

гражденіе, которое при многочисленности посѣтителей доставляетъ имъ хорошій и истинно безгрѣшный доходъ. Вы платите за трудъ ни кому не кланяясь и не одоляясь, и расстаются съ своимъ чичероне, если онъ не успѣетъ вамъ надоѣсть своей болтовней, очень довольные другъ другомъ.

Противъ королевскаго дворца и сада, въ прежней картинной галлерей, находится *Музей* (Vereinig-te Sammlungen) королевскихъ коллекцій, купленныхъ большею частию королемъ Людвигомъ, въ 7 залахъ богато наполненныхъ. Тутъ въ 1-й залъ коллекція древностей египетскихъ, греческихъ, римскихъ, этрусскихъ, въ родѣ берлинскихъ этнографическихъ отдѣленій въ Музеѣ, а въ срединѣ модель дома Саллюстія. Во 2-й залъ замѣчательны модели храмовъ Весты въ Тиволи и въ Римѣ, модель триумфальной арки Тита и храма Фортуны. Въ 3-й залъ китайская коллекція и триумфальная арка Константина въ Римѣ. Въ 5-й залъ огромная и превосходная модель Пантеона въ Римѣ. Сверхъ того есть множество и другихъ замѣчательныхъ вещей и моделей. Въ берлинскомъ музеѣ я также видѣлъ множество моделей замѣчательнѣйшихъ зданій, между прочимъ и нашего Исаіевскаго собора. Эти модели дають о зданіи гораздо болѣе понятія, чѣмъ всевозможныя его изображенія и описанія. При входѣ въ музей стоитъ простой неокрашенный письменный

столъ, съ конторкой на верху, въ которой за стекломъ два гусиныхъ почти до конца исписанныхъ пера и локонъ свѣтлорусыхъ волосъ—все это принадлежало нѣкогда Шиллеру. Нѣмцы всѣхъ сословій, не исключая и военныхъ, съ благоговѣньемъ смотрятъ на своихъ ученыхъ, художниковъ и писателей; не то что въ другихъ странахъ, гдѣ ихъ или боятся, или ненавидятъ, или даже вовсе не понимаютъ, за чѣмъ они существуютъ, и совсѣмъ ими не занимаются, считая только то время не потеряннымъ, которое проводится въ ѣдѣ, питьѣ, въ картежной игрѣ, въ наживѣ, въ разговорахъ о производствахъ и текущихъ сплетняхъ, о лошадяхъ, собакахъ, и тому подобныхъ предметахъ. Каталогъ этого Музея стоитъ, кажется, 30 крейцъ.

Чрезвычайно интересно-посмотрѣть недалеко отъ Глинтотеки находящуюся королевскую мастерскую *живописи на стеклѣ* (Glasmalerei). Тутъ вы увидите замѣчательнѣйшія произведенія живописи, точно переданныя на стеклѣ. Я думаю, ни одинъ богатый человѣкъ не выйдетъ изъ этой мастерской, не купивши нѣсколько картинъ, тѣмъ болѣе, что цѣна за нихъ очень умѣренная: отъ 30 и до 300 гульденовъ. Въ Старой и Новой Пинакотекѣ продаются также очень не дорого копіи со всѣхъ замѣчательнѣйшихъ картинъ: ихъ же видите вы и въ гравюрахъ, продающихся въ картинныхъ магазинахъ. Миѣ

кажется, не дурно было бы, если бы и у насъ фотографы, живописцы и издатели гравюръ послѣдовали этому примѣру, а то мы не знаемъ, какія сокровища хранятся не только въ частныхъ рукахъ, но и въ самомъ Эрмитажѣ.

Въ Мюнхенѣ 2 дворца: большой и старый собственно королевскій и новый дворецъ бывшаго короля Людвига, украсившаго Мюнхенъ столькими превосходными зданіями и въ 1848 году отказавшагося отъ престола. Этотъ послѣдній выстроенъ по образцу Виндзорскаго, и обсаженный деревьями представляетъ очень красивый видъ тихаго комфортабельнаго жилища частнаго человѣка.

Большой королевскій дворецъ, называемый здѣсь резиденціей короля, огромное зданіе различныхъ архитектуръ. Старый дворецъ занимаетъ средину зданія; онъ выстроенъ между 1600 и 1616 годами. Онъ имѣетъ 4 двора, на одномъ изъ которыхъ очень красивенькій фонтанъ, льющій свою воду изъ Медузинуой головы и очень хорошенькій гротъ, украшенный бронзовыми статуями съ аркадами, расписанными древними фресками. Внутри стараго дворца я не былъ. Новая резиденція построена между 1826 и 1835 г. королемъ Лудовикомъ, по планамъ Кленца, выходитъ на площадь Максимилиана, имѣетъ фасадъ похожій на дворецъ Питти во Флоренціи. Въ верхнемъ этажѣ комнаты короля и королевы, въ ниж-

немъ 5 залъ Нибелунговъ, украшенные превосходными фресками Юлія Шнорре. Входъ въ нихъ такъ же, какъ и въ другія галлерей, безъ билетовъ ежедневно, но акуратно въ 3¹/₂ ч. по полудни. Иначе вы найдете двери ихъ запертыми.

Другая новая пристройка къ старому дворцу выходитъ въ садъ, выстроена между 1832 и 1842 г. по планамъ Кленца въ стилѣ Палладіума. Она называется Festsaalbau. Тутъ всѣ парадныя залы; нѣкоторыя украшены превосходными фресками, а одна 40 портретами современныхъ королю Лудовику красавицъ. Въ тронной залѣ 12 колоссальныхъ бронзовыхъ статуй королей, золоченныхъ чрезъ огонь, вылитыхъ по рисункамъ Шванталера. Въ бальной залѣ на хорахъ большія статуи изъ *parieg mächè*, Нюренбергскаго издѣлія, поддерживающія потолокъ. Зала баталій, съ картинами, написанными лучшими художниками, наводитъ самое тяжелое чувство: сколько тратится человѣческихъ жизней на человѣческой бойнѣ иногда изъ-за одного оскорбленнаго самолюбія, и сколько тратится генія, чтобы хорошо нарисовать человѣческое мясо въ разныхъ видахъ, солдатскіе мундиры разныхъ родовъ, дымъ пороха и блескъ разныхъ смертоносныхъ орудій. Нѣсколько посѣтителей сидѣли на диванахъ, пока съ свиной физиономіей капелланъ, искривя ротъ, во все свое охрипелое горло объяснялъ значеніе каждой картины. Смѣш-

нѣе этой фигуры, съ необыкновеннымъ сознаиѣмъ важности своей профессіи, я еще до сихъ поръ не видалъ.

Въ придворной капеллѣ византийско-римскаго стиля, имѣющей много превосходныхъ картинъ, можно съ удовольствіемъ послушать хорошей духовной музыки и пѣнія. Военную музыку, какъ и въ Берлинѣ, мнѣ посчастливилось слушать ежедневно, не выходя изъ квартиры: и тамъ и здѣсь ученья и парады производились ежедневно вблизи меня. Воинственный азартъ обуялъ миро-и-пиво-любивыхъ нѣмцевъ по милости Наполеона. Впрочемъ здѣсь народъ не слишкомъ жаждетъ до подобныхъ зрѣлищъ, онъ уже выросъ выше ихъ.

Дворцовый садъ съ двухъ сторонъ окруженъ крытыми аркадами, образующими прямой уголъ; длина ихъ 2,300 футовъ. Стѣны аркадъ украшены прекрасными фресками Каульбаха, Корнелиуса, Ротмана и другихъ. Въ верхнемъ этажѣ находится Музей (*Vereinigte Sammlungen*), о которомъ я уже говорилъ. Подъ аркадами постоянное движеніе гуляющихъ, особенно въ дождливую погоду, и во время прогулки можно насмотрѣться прекраснѣйшихъ произведеній живописи и ваянія. Вообще Мюнхень пѣтеть безчисленное количество такихъ произведеній и въ церквахъ, и въ музеяхъ, и въ дворцахъ и въ мастерскихъ художниковъ, и на площадяхъ и

такъ далѣе. Это преддверіе Италіи. А сколькими великими именами ученыхъ и художниковъ можетъ гордиться Баварія, это легко узнать всякому: стоитъ только съѣздить за полчаса отъ города на кладбище, лучшее во всей Германіи, посмотрѣть памятники, и въ *Галлерей Слѣвы*, построенную въ 1843 году, въ верстѣ отъ города, на холмѣ. Последнее зданіе, чисто-дорическаго стиля, выстроено по планамъ Кленца; оно имѣетъ 230 футовъ длины и 60 высоты. На фронтисписѣ четыре статуи, изображающія четыре народа Баваріи, на фризѣ около ста мраморныхъ рельефовъ, всѣ по рисункамъ Шванталера. Внутренность галлерей украшена фресками и болѣе чѣмъ 70 мраморныхъ бюстовъ Баварцевъ, прославившихъ себя и свое отечество. Бюсты уставлены въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ XV столѣтія. Баваріи есть чѣмъ гордиться! Немногія другія государства могутъ представить столько и такихъ знаменитыхъ именъ, хотя и выставляются почти вездѣ статуи, большею частію, генераловъ. Галлерей Слѣвы здѣсь совершенно справедливо носить свое названіе и служить предметомъ гордости для стараго, — подражанія для молодого поколѣнія. Ничто не можетъ доставить столько прочной и полезной славы отечеству, какъ наука и искусство. Эта слава не оставляетъ послѣ себя опустошенныхъ полей, деревень и городовъ, плачущихъ семействъ,

калѣкъ и труповъ. Передъ Галлереей стоитъ бронзовая статуя *Баварии*, — величайшій бронзовый колоссъ. Она отлита по моделямъ Шванталера Стигльмайеромъ и Миллеромъ; металлъ для нея большею частью полученъ изъ турецкихъ пушекъ, потопленныхъ при Наваринскомъ сраженіи и вытщенныхъ съ согласія султана греческими водолазами. Всѣ размѣры этой колоссальной фигуры верхъ совершенства; вышины до короны, которую она держитъ поднятою рукой, 65 футовъ, вѣсъ статуи 2,300 квинталовъ. Лѣстница, въ 48 ступеней и 23 фута ширины, ведетъ къ гранитному пьедесталу (30 футовъ вышины); оттуда другая очень удобная чугунная лѣстница внутри статуи, имѣющая болѣе 100 ступеней, приводитъ въ самую голову статуи, въ которой можетъ помѣститься человѣкъ десять. Изъ головы статуи открывается превосходная панорама города и окрестностей до самыхъ Тирольскихъ Альповъ. Лѣтомъ металлъ нагрѣвается такъ сильно, что нечего и думать взбираться въ голову статуи, въ ней бываетъ до $+ 40^{\circ}$ Р. Не совѣтую и въ другое время года взбираться въ нее людямъ, склоннымъ къ головокруженію и съ слабыми мускулами ногъ. Лѣстница винтомъ очень крутая и ступеньки такъ малы, что у васъ подкашиваются ноги и кружится голова. За вами идетъ проводникъ съ фонаремъ, но онъ не можетъ предохранить васъ отъ

дурноты и обморока. У меня цѣлыя сутки болѣли ноги отъ этого путешествія. На лугу предъ этой статуей бываетъ осенью огромное народное гулянье со всѣми увеселеніями. Вблизи домъ для стрѣльбы въ цѣль; онъ же и ресторація.

Въ Мюнхенѣ много загородныхъ гуляньевъ съ прекраснымъ мѣстоположеніемъ и замѣчательными памятниками.

Недалеко отъ моей квартиры былъ небольшой двухъ-этажный домикъ, въ которомъ жила здѣсь нѣкогда знаменитая *Долла-Монтесс*. Имя этой личности здѣсь долго останется на языкѣ каждаго, и стоитъ только упомянуть о ней, чтобы услышать цѣлые потоки рѣчей. Безсмертнымъ это имя осталось уже по тому, что съ ея водворенія въ Мюнхенѣ начали здѣсь на улицахъ курить табакъ: этою первою либеральною реформой жители обязаны ей. Я спрашивалъ, чѣмъ она заслужила народную любовь? Мнѣ отвѣчали, что до тѣхъ поръ къ ней не питали жители никакихъ непріязненныхъ чувствъ, пока она не вздумала играть роли *M-me Pompadour*, т. е. вмѣшиваться въ государственныя дѣла, смѣнять министровъ и т. д. Тогда ей было около 28 лѣтъ отъ роду; красота осталась въ памяти у всѣхъ. Много слышалъ я интересныхъ разсказовъ и о революціи 1848 года: какъ собравшійся на площади народъ просилъ свободныхъ учрежденій, палатъ предста-

вителей, суда присяжныхъ, свободы тисненія и т. д.; какъ вывели-было противъ него по распоряженію военнаго министра пушки; какъ пользующійся народною любовью братъ короля выѣхалъ къ народу и своимъ честнымъ словомъ обѣщалъ исполненіе его желаній; какъ разѣхались пушки, сопровождаемыя народнымъ смѣхомъ и какъ разошелся довольный благороднымъ обѣщаніемъ народъ. Такимъ образомъ, не было пролито ни одной капли крови и дана народу конституція, которою и доселѣ онъ очень доволенъ. Народное образованіе подготовило народъ къ умѣнью управлять самому своими дѣлами, понимать цѣли государственной жизни и выбирать для нея средства. Баварцы гордятся своимъ законодательствомъ, уравнивающимъ всѣхъ передъ закономъ и своимъ неподкупнымъ правосудіемъ. Здѣсь, какъ и въ Пруссіи, нѣтъ дѣленія на касты, другъ друга ненавидящія; хотя здѣсь есть разныя сословія, и дворяне, и духовенство, и купцы, и крестьяне, но всѣ онѣ крѣпко связаны общественнымъ духомъ и общими интересами. Здѣсь, также какъ и въ Пруссіи, не любятъ полицію, хотя и немогутъ сказать о ней ничего дурнаго; но здѣсь, какъ и тамъ, она основана на ложныхъ началахъ: ей дано слишкомъ много власти вмѣшиваться въ чужія дѣла и несовершенно отдѣлена отъ нее судебная власть. Низшіе полицейскіе служители, какъ и въ Пруссіи, набираются

изъ лучшихъ отставныхъ солдатъ или изъ горожанъ, и получаютъ по 1 гульд. въ день содержанія. Здѣсь мнѣ рассказывали случай съ однимъ русскимъ путешественникомъ: онъ заказалъ портному платье; тотъ укралъ много матеріи и сдѣлалъ платье не такой длины и ширины, какъ было условлено. Путешественникъ обратился къ полиціи; та призвала другаго портнаго, спросила подъ присягой, добросовѣстно ли сдѣлано платье; экспертъ сказалъ, сколько украдено и воръ портной долженъ былъ заплатить за всю испорченную матерію, штрафъ въ полицію и сверхъ того ему было объявлено, что, по закону, если онъ попадется второй разъ, то его мастерская будетъ закрыта, а самъ онъ оштрафованъ или деньгами или заключеніемъ въ тюрьму. Я думаю, что нашему соотечественнику довольно было возни; вѣроятно, надобно было нѣсколько разъ являться для очныхъ ставокъ, но за то онъ добился удовлетворенія: идея права и правосудія не затоптана ногами. Все здѣшнее полицейское разбирательство — словесное. О томъ, чтобы чиновнику можно было дать взятку, здѣсь и понятія не имѣютъ. Какія, подумаешь, блаженные страны! Газеты здѣшнія какъ разъ провозгласятъ на всю Германію о всякой безчестной продѣлкѣ. Здѣсь цензуры нѣтъ, газеты печатаются подъ отвѣтственностью редактора, а книги прежде выхода представляются въ полицію для разсмотрѣнія, нѣтъ ли чего нибудь оскор-

бительнаго лично противъ особы короля. Министры же и все правительство здѣсь отвѣтственные, и особыхъ судовъ для нихъ нѣтъ, кромѣ общихъ для всего народа. И гражданскій, и уголовный судъ (судъ присяжныхъ) здѣсь гласный и словесный. Гласное и словесное судопроизводство здѣсь существуетъ уже очень давно, но судъ присяжныхъ (Geschwornen Gericht) только съ революціи 1848 года. Здѣсь всякій живетъ совершенно спокойно подъ защитой законовъ и общественнаго мнѣнія, и не боится ни за свою личность, ни за свою собственность.

Въ одномъ Мюнхенѣ выходитъ около 24-хъ газетъ: между ними есть указатели того, что можно видѣть и слышать въ Мюнхенѣ каждый день, есть и иллюстрированныя каррикатурныя изданія. Здѣсь въ большомъ ходу, какъ и во всей Германіи, Allgemeine Zeitung, ежедневная газета, выходящая въ Аугсбургѣ и стоящая вдвое дешевле нашихъ ежедневныхъ газетъ. Каррикатурныя листки всѣ наполнены карриатурами на Лудовика Наполеона, котораго считаютъ самымъ заклятымъ врагомъ Нѣмцевъ. Франція не даетъ имъ покойно уснуть ни одной ночи. Нѣмцы боятся господства Франціи надъ Германіей. Второстепенныя государства жмутся другъ къ другу и къ Австріи, и не терпятъ Пруссіи, которая, по ихъ словамъ, добивается тоже господства надъ всею Германіей. Баварцы, напр., говорятъ, что они презираютъ

внутреннюю австрійскую политику, но не могут не держаться Австріи во внѣшней политикѣ, такъ какъ она совпадаетъ съ ихъ интересами, именно съ охраненіемъ ихъ отъ господства Франціи и Пруссіи. Такимъ образомъ Баварія, окруженная съ трехъ сторонъ Австріей, Саксонія и Виртембергъ слѣдуютъ по необходимости австрійской политикѣ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что они готовы были взяться за оружіе, еслибы Наполеонъ изъ Италіи шагнулъ далѣе. Германія, состоящей изъ нѣсколькихъ десятковъ государствъ, непріятно имѣть такого сильного и своенравнаго сосѣда. Нѣмцы съ ненавистью отзываются о политикѣ Пальмерстона и Росселя, которымъ льститъ Франція, и трепещутъ за свою свободу, пока будетъ держаться союзъ между Англіей и Франціей.

Въ Мюнхенѣ есть *Литературное Общество*, которое имѣетъ свой собственный кабинетъ для чтенія въ одной изъ залъ Одеона. Тутъ выписываются газеты: англійскія, французскія, итальянскія и даже русскія. Если какой нибудь членъ представитъ иностранца, то онъ два дня ходитъ читать въ этотъ кабинетъ даромъ, если же нѣтъ, — то платитъ за каждыя сутки по 8 крейцеровъ. Тутъ цѣлая бездна нѣмецкихъ газетъ и вы съ утра до ночи найдете десятки серьезныхъ Нѣмцевъ, углубившихся въ газеты и молча сидящихъ въ шляпахъ, колошахъ и

пальто во всевозможныхъ позахъ. Въ залѣ безъ всякихъ украшеній стоятъ простые крашенные столы съ такими же стульями. Газеты висятъ по стѣнамъ въ папкахъ: подходите и берите любую. Если вы аккуратны, какъ Нѣмцы, то конечно взятую газету опять приведете въ порядокъ и повѣстите на прежнее мѣсто; если же нѣтъ, то вашу небрежность исправить кассиръ или женщина, иногда заступающая его мѣсто: другой прислуги я здѣсь не видалъ. Все здѣсь удивительно просто, не роскошно, не многосложно, за то дешево и доступно каждому. Плата за чтеніе газетъ въ мѣсяць 65 к. с., 6 мѣсяцовъ 1 р. 60 к. с. (я перевожу баварскіе деньги на наши). Иностранныхъ газетъ здѣсь выписывается по 2, 3 и по 4 разныхъ изданій, не болѣе; по за то нѣмецкихъ болѣе 70 изданій.

Вѣроятно, вамъ интересно знать, какъ и какія наши газеты здѣсь получаютъ. Здѣсь получаютъ: *Инвалида*, *Свѣ. Пчела* и *Journal de St.-Péterbourg*, почему-то считающіеся здѣсь полуофициальными органами нашего правительства. 1-го мая нашего стиля я читалъ наши послѣднія газеты отъ 14-го апрѣля. Значитъ онѣ идутъ сюда болѣе 2 недѣль. Получаются онѣ здѣсь не такъ, какъ мы въ Россіи получаемъ иностранныя газеты, т. е. не какъ письма ежедневно, чрезъ почту, а какъ тюки товаровъ, чрезъ книгопродавцевъ, одинъ разъ въ 10 и болѣе

дней. Иногда впрочемъ получаютъ и скорѣе съ курьерами, прїѣзжающими въ посольство, на имя котораго онѣ выписываются. Изъ посольства онѣ тотчасъ же сдаются въ кабинетъ для чтенія, и по прочтеніи уже навсегда отдаются въ посольство. Въ Берлинѣ я вовсе нигдѣ не видалъ и не слыхалъ, чтобы какой нибудь кабинетъ для чтенія выписывалъ русскія газеты. Мой знакомецъ, профессоръ русскаго языка въ военной академіи, очень сѣтовалъ на то, что негдѣ доставать русскихъ газетъ и журналовъ, чтобы слѣдить за движеніемъ русской литературы и жизни, и этому обстоятельству приписывалъ множество ложныхъ мнѣній о Россіи, разсѣянныхъ по всей Европѣ, и нежеланіе иностранцевъ знакомиться съ нашимъ языкомъ. Для чего учиться языку, когда на немъ нельзя ни читать, ни слышать ничего живаго, современнаго. Въ Берлинѣ русскій языкъ начинаетъ появляться только на вывѣскахъ разныхъ магазиновъ, гдѣ онъ ужасно исковерканъ, нѣкоторыя буквы поставлены вверхъ ногами, другія задомъ напередъ; кромѣ этихъ аферистовъ никто не хочетъ его знать, не смотря на близость сношеній и родство двухъ сосѣднихъ государствъ. Я слышалъ, что для полученія нашихъ газетъ за границей нѣтъ почтовой конвенціи между Россіей и иностранными государствами. Не знаю, на сколько это справедливо, но я думаю, что кромѣ иностранцевъ всякому Русскому

пріятно было бы читать свои газеты за границей. Въ нынѣшнемъ году Россія соединится съ Пруссіей желѣзной дорогой. Неужели и тогда наши газеты пойдутъ по ней въ видѣ грузовъ?

Почтовая корреспонденція съ недавняго времени единообразно устроена во всей Германіи; здѣсь доставка писемъ, газетъ и посылокъ очень дешева, отъ чего почтовое управленіе никакъ не въ убыткѣ; а число газетъ, писемъ и посылокъ годъ отъ году увеличивается. Письмо въ одинъ лотъ вѣсомъ, на 10 миль разстоянія, стоитъ только около 3 к. с., на 20 миль около 6 к. с., далѣе 20 миль по всей Германіи около 9 к. с. Письмо тяжелѣе 4 лотовъ отправляется, какъ посылка. Почтальонамъ, доставляющимъ письма на домъ, ничего не платится. За письмо въ 1 лотъ отсюда въ Россію платится около 20 к. с.

Въ Берлинѣ при нашемъ посольствѣ своя *церковь* довольно помѣстительная; въ воскресенье я видѣлъ въ ней около 10 человекъ богомольцевъ, въ томъ числѣ какого-то господина весьма не прилично загнувшаго голову назадъ и разставившаго свои ноги среди церкви, какъ будто бы онъ находился у себя въ залѣ и принималъ какихъ нибудь жалкихъ просителей. Эта поза хотя была очень живописна, но до того отвратительна, что я тотчасъ же вышелъ изъ церкви; къ сожалѣнію не могъ узнать объ имени

ея автора. Въ Мюнхенѣ греческая церковь, обращенная изъ католической для Грековъ, въ большомъ количествѣ устремившихся въ здѣшній университетъ, со времени возшествія на греческій престолъ баварскаго принца, есть вмѣстѣ и русская церковь. Драгоценныя сосуды въ ней пожертвованы Императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Живопись греческая; службу по воскресеньямъ и праздникамъ отправляетъ греческій архимандритъ.

Въ заключеніе объ Мюнхенѣ считаю нужнымъ сказать, что онъ лежитъ на плоскости высочайшей въ цѣлой Европѣ, около 1,600 футъ надъ поверхностью моря. По этому климатъ въ немъ самый переменчивый изъ всѣхъ Европейскихъ городовъ, не исключая и Петербурга. Этому обстоятельству способствуетъ и близость Альпійскихъ горъ, начинающихся отъ него менѣе чѣмъ въ 60 верстахъ; но что всего хуже здѣсь, такъ это вода. Въ хорошія гостиницы и богатые дома вода проведена изъ окрестностей города кажется за 10 верстъ. Здѣшняя же и рѣчная и колодезная вода имѣютъ ствратительный солодковый вкусъ отъ избытка солей. Холера здѣсь всякій разъ свирѣпствовала сильнѣе, чѣмъ въ другихъ Нѣмецкихъ городахъ.

П И С Ъ М О ІХ.

Мѣсяцъ въ Рейхенгаллѣ.

Пишу изъ [Рейхенгалля, маленькаго Баварскаго городка, который, какъ микрокосмъ цѣлаго государства, представляетъ довольно много любопытнаго.

Начну съ исторіи этого городка. Прежде всего надобно сказать, что въ Германіи каждый городъ, городокъ, мѣстечко, почти каждый холмикъ имѣетъ свою исторію, живущую не въ однихъ преданіяхъ, но и въ литературѣ. О такомъ крошечномъ городкѣ, какъ Рейхенгалль, написаны двѣ очень хорошія и подробныя монографіи, и обѣ продаются въ книжной лавкѣ въ Рейхенгаллѣ по 50 коп. сер. въ прѣкрасномъ переплетѣ. Въ этихъ двухъ книжкахъ описана не только исторія города, но даже всякая тропинка, ведущая на какую нибудь прогулку вокругъ города. Иностранецъ, пріѣзжающій въ Германію, сейчасъ знакомится съ мѣстностію изъ книгъ. Но какъ познакомится онъ, пріѣхавъ въ Россію, съ избранною имъ мѣстностію, не исключая столицъ? У насъ нѣтъ не только отдѣльных описаній нашихъ городовъ, но нѣтъ даже и общаго путеводителя по Россіи, нѣтъ въ продажѣ каталоговъ нашихъ хранилищъ и древностей, наукъ и искусствъ, каковы

напр. Оружейная Палата и пр. И приходится иностранцу знакомиться съ Россіей по иностранному путеводителю (Guide, Wegweiser) какого нибудь Бедекера или Грибена. Но я увлекся въ сторону. Подробная исторія Рейхенгалля не интересна для русскихъ читателей, и потому я расскажу ее въ нѣсколькихъ строкахъ. Но прежде надобно сказать, гдѣ онъ находится.

Рейхенгалль лежитъ подъ 30 град. вост. дол. и подъ 47 сѣверн. шир., прямо на югъ отъ Мюнхена, въ 100 верстахъ; возвышеніе его надъ уровнемъ моря 1,407 парижскихъ футовъ: значитъ, онъ болѣе чѣмъ на 150 фут. ниже Мюнхена. Лежитъ онъ въ долинѣ, образуемой Альпами: ширина долины около 4 верстъ: съ трехъ сторонъ городъ окруженъ горами, имѣющими до 6,500 фут. вышины, и только съ одной восточной стороны тянется до самаго Зальцбурга (14 верстъ) открытая прелестная долина со всѣмъ разнообразіемъ горныхъ видовъ и холмистой мѣстности. На западъ, пересѣкая городъ, идетъ привосходная шоссейная дорога, которая чрезъ ущелья, долины и горы ведетъ въ Тироль и Италію, слѣдовательно служить путемъ сообщенія для Австріи. По этой дорогѣ чрезъ городъ проходитъ болѣе 100,000 австрійскихъ обозныхъ подводъ въ 2, 3, 4, 5 и 6 лошадей, везущихъ вино и разныя другія произведенія. Въ прошедшую войну чрезъ городъ

прошло въ Италію болѣе 40,000 войскъ, и болѣе 2,000 раненыхъ здѣсь дневало и ночевало. Жители ничего не взяли за ихъ содержаніе; да и взять нечего съ такого бѣднаго правительства, кромѣ какагонибудь ордена, и дѣйствительно: за это городскому бургомистру и секретарю даны были австрійскіе ордена. Въ двухъ верстахъ отъ Рейхенгалля начинаются австрійскія горныя владѣнія.

Основаніе города относится ко временамъ древности. Созвучіе греческаго слова *αλς* — соль, съ именемъ *Ναλ*, которое носитъ большая часть нѣмецкихъ соловарей, указываетъ на греческое происхожденіе. Хорошо извѣстно, что послѣ Друза, пасынка Августа, завоевавшего Норикъ, здѣшніе солончаки были обрабатываемы Римлянами. При императорѣ Адріанѣ, здѣсь основана была Юавія, нынѣшній Зальцбургъ, и въ немъ устроена очень выгодная торговля солью; до самаго своего изгнанія, т. е. до 472 г. по Р.Х., Римляне имѣли здѣсь своихъ *comites salinarum*, при источникахъ *salitoges* и вокругъ ихъ таможи и наравлы. Во времена переселенія народовъ цвѣтущая Юавія была разрушена, вся Норика опустошена и соляные источники запустѣли. Наконецъ въ исходѣ 7-го столѣтія ученый монахъ Рупертъ дѣлается зальцбургскимъ епископомъ и возстановляетъ рейхенгальскіе ключи, принадлежавшіе къ его епархіи. Преемники его слѣдуютъ его примѣру. Здѣсь жилъ

Карль Великій около 800 года, когда сдѣлалъ зальцбургскаго епископа Арно архіепископомъ и апостольскимъ викаріемъ во всей Германіи. Съ этого времени судьба Рейхенгалля до 15-го столѣтія тѣсно связана съ судьбою Зальцбурга и его самовластныхъ архіепископовъ, своего рода панъ. До 16-го столѣтія этотъ городокъ былъ подверженъ всевозможнымъ несчастіямъ: деспотизму архіепископовъ, междоусобнымъ войнамъ герцоговъ баварскихъ, австрійскихъ и архіепископовъ зальцбургскихъ, злѣйшихъ своихъ враговъ, грабежу разбойничавшихъ рыцарей, пожарамъ, наводненіямъ, мору и т. д. Съ 16-го столѣтія онъ дѣлается баварскимъ городомъ. Его соляные ключи болѣе всего обращаютъ на него правительственное вниманіе. Начиная отъ Максимилиана 1-го и кончая королемъ Людовикомъ, всѣ властители что нибудь сдѣлали въ пользу этихъ родниковъ и города, а слѣдовательно и въ свою собственную пользу.

Теперь рейхенгальскіе соляные ключи доставляютъ казнѣ ежегодно до 600,000 гульденовъ чистаго дохода. Всѣхъ источниковъ 20, но только 4 изъ нихъ содержатъ отъ 20 до 24 проц. соли и сейчасъ поднимаются въ солонварни для выпариванія соли; остальные, содержащіе меньше процентовъ, идутъ въ градирные дома для выпариванія воды посредствомъ дароваго тепла: солнца и вѣтра, и потомъ уже воз-

вращаются въ солонварни для вывариванія соли посредствомъ искусственнаго тепла. Рейхенгальскіе соляныя источники возникаютъ въ одной изъ самыхъ ближайшихъ горъ, именно около 100 саж. отъ города. Надъ ними построено огромное зданіе съ подземными ходами, прикрывающими русла этихъ благодѣтельныхъ ручейковъ, сосредоточивающими ихъ въ подземныхъ резервуарахъ, и ограждающими отъ другихъ ручейковъ съ прѣсной водой, рядомъ съ ними бѣгущихъ. Чрезвычайно любопытно видѣть всѣ эти подземныя сооруженія, галереи которыхъ проведены въ самую гору (Schlossberg).

Всѣ здѣшнія горы состоятъ изъ плотнаго известняка (углекислая известь), годнаго и для постройки домовъ, и для шоссе. Здѣсь такое изобиліе крупнаго хряща и въ горахъ и въ долинахъ, что стоитъ только копнуть лопатой, и вы его получите столько, сколько хотите; поэтому всѣ здѣшніе дома построены не изъ кирпича, а изъ горнаго камня (Kalkstein), и всѣ здѣшнія не только дороги, но и тропинки усыпаны и убиты хрящемъ; слѣдовательно, грязь почти вовсе не существуетъ. Въ самомъ Мюнхенѣ нѣкоторыя улицы тоже усыпаны и убиты крупнымъ пескомъ: другой мостовой совсѣмъ нѣтъ.

Мѣстоположеніе Рейхенгалля одно изъ лучшихъ въ цѣлой Европѣ. Это прелестнѣйшая, совершенно

ровная долина; все, что способно придать ей красоту и разнообразіе, все въ ней есть: и превосходно обработанныя и засѣяныя поля, и тучныя луга, бурно-бѣгущіе горныя ручьи, окаймленные густымъ кустарникомъ и сосновымъ лѣсомъ, и тѣнистыя аллеи по берегу ручья, и змѣеобразно извивающіяся дорожки, и чистенькій городокъ, спрятавшійся въ одномъ уголкѣ этой долины: все это окаймляется безконечными грядами горъ, которыя начинаются маленькими холмиками и постепенно возвышаются до 6,500 ф. На одной высокой горѣ стоятъ двѣ пастушьи хижины, на другой крестъ. По направленію къ западу, между горами тянется длинное ущелье, упирающееся въ глетчеры, т. е. горы, покрытыя вѣчными снѣгами. Начиная съ самой долины и восходя до самыхъ макушекъ горъ, здѣсь столько очаровательнѣйшихъ прогулокъ и видовъ, что всѣхъ ихъ и не перечесть. Рѣдко соединяется столько красотъ природы на такомъ маленькомъ клочкѣ. Жителю сѣвера нельзя найти лучшаго мѣста для лѣтняго житья. Здѣсь не такъ жарко, какъ въ Италіи: выѣзжая отсюда съ разнѣженной кожей на зиму домой, сѣверный житель легко подвергается простудѣ. Только въ началѣ нынѣшняго лѣта во всей западной Европѣ произошла революція въ атмосферѣ. Представьте себѣ, что въ Рейхенгаллѣ отъ 9-го мая до 29-го лилъ ностоянный дождь, ревѣлъ холодный вѣтеръ и на горахъ

15-го мая выпалъ снѣгъ. Мѣстные жители не запо-
мнятъ такого лѣта, которое, какъ видно изъ газетъ,
не лучше и во всей западной Европѣ. За холодами
послѣдовали туманы, дожди не перестали, а только
сдѣлались порѣже. Термометръ 15-го мая показы-
валъ только 5 град. тепла и не возвышался болѣе
20 град. тепла на солнцѣ, болѣею же частію по-
казывалъ только 10 град. тепла въ тѣни. Такое
начало лѣта сильно мѣшало не одному мнѣ, но и
всѣмъ сюда собравшимся, наслаждаться природою и
пользоваться соляными ваннами.

Здѣсь лѣчатся соляными ваннами очень давно,
болѣею частію здѣшніе окрестные жители, лѣтнее
посѣщеніе которыхъ доставляетъ городу довольно
порядочный доходъ. Главная составная часть здѣш-
нихъ источниковъ поваренная соль. По разлѣженію
мюнхенскаго профессора Бюхнера, въ 1,000 частяхъ
воды содержится поваренной соли 224,363, наша-
тыря 0,025, хлористой магнезіи 1,802, бромистой
магнезіи 0,030, сѣрнокислаго натра 2,000, сѣрно-
кислаго кали 0,612, сѣрнокислой извести 4,165,
углекислой извести 0,010, углекислой магнезіи толь-
ко слѣды, окиси желѣза и глинозема 0,008, орга-
ническихъ веществъ только слѣды, и свободная уголь-
ная кислота. Поэтому сюда пріѣзжаютъ съ самыми
разнообразными болѣзнями, особенно же, говорятъ,
здѣшнія ванны, воздухъ и вода помогаютъ чахоточ-

пыть. Жители почтительно раскланиваются съ каждымъ прїѣзжимъ, который проживаетъ часть своихъ денегъ въ ихъ миниатюрномъ городкѣ съ 3,000 населенія. Около 10 лѣтъ тому назадъ, частнымъ человекомъ устроено очень хорошее лѣчебное заведеніе (Kurhaus), съ комнатами для житья, съ ваннами для лѣченія и садомъ для прогулокъ, и даже съ раздражающей душу музыкой изъ мѣстныхъ горожанъ (*). Кромѣ ваннъ, здѣсь въ заведеніи пьютъ сладкую сыворотку изъ молока альпійскихъ козъ и свѣжевыжатые соки (Kräutersäfte) изъ нѣкоторыхъ, на горахъ растущихъ, травъ, каковы: *veronica beccabunga*, *sisymbrium nasturtium*, *menyanthes trifoliata*, *herba et rad. taraxaci*, *tussilago farfara*. По разложенію профессора Либиха, въ нихъ кромѣ другихъ составныхъ частей, есть іодъ. Здѣшній аптекарь приготовляетъ и разсылаетъ ихъ не только по всей Германіи, но даже и въ нашу Ригу. Говорятъ, что эти соки полезны въ страданіяхъ живота и груди.

(*) Очень жаль, что здѣсь не устроено врачебной гимнастики, которая при этомъ лѣченіи была бы лучшимъ вспомогательнымъ, а можетъ быть и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ. Впрочемъ врачъ заведенія, докторъ Либихъ, сынъ знаменитаго профессора, по моему совѣту, внушенному мнѣ собственнымъ опытомъ, который я добылъ въ заведеніи доктора Редиха, въ Москвѣ, нынѣшнимъ же лѣтомъ хочетъ ввести здѣсь гимнастику.

Сверхъ того, соленая вода источниковъ (Soole), особенно одного самого соленого: Edelquelle, идетъ и для внутренняго употребленія. Въ ванну обыкновенно вливаютъ такой воды сначала 5 масъ (около 10 ф. соли) и доходятъ до 50; внутрь же отъ 1 до 3 столовыхъ ложекъ на стаканъ воды. Для людей, страдающихъ зппорами, говорятъ, полезно внутреннее лѣченіе, но оно не легко переносится. Страдающимъ грудью совѣтуютъ какъ можно чаще ходить и сидѣть около градирныхъ домовъ, гдѣ испаряется соленая вода; говорятъ, что вдыханіе этихъ испареній очень полезно. Во время моего здѣсь пребыванія, я видѣлъ людей съ самыми разнообразными болѣзнями, и почти всѣ они сидѣли здѣсь, вытянувъ носы и съ жадностію вдыхая этотъ воздухъ. Мой острякъ-пріятель раздѣлялъ ихъ всѣхъ на два разряда, однихъ, самыхъ блѣдныхъ и худыхъ, онъ называлъ смертями; другихъ, толстыхъ и жирныхъ—жертвами, на томъ основаніи, что хозяева здѣшнихъ гостинницъ вѣроятно получаютъ отъ нихъ гораздо больше пользы, чѣмъ они отъ вдыханія сырыхъ и холодныхъ соляныхъ паровъ. Въ прошломъ году здѣсь перебивало всѣхъ лѣчащихся, какъ говорятъ, около 1,000 человекъ. Жизнь здѣсь очень дешева. Въ самомъ отдаленномъ уголкѣ Россіи, въ какихъ нибудь самарскихъ или саратовскихъ степяхъ на кумысѣ нельзя жить такъ дешево, (не говорю уже—такъ удобно,)

какъ здѣсь. Здѣсь маленькую чистую комнатку можно имѣть за 5 руб. въ мѣсяцъ, конечно съ мебелью и постельнымъ бѣльемъ, да прислугу за 1 р. сер. въ мѣсяцъ. Столъ можно получать или въ гостиницахъ, или въ самомъ лечебномъ заведеніи. На 50 к. можно быть сытымъ одному человѣку цѣлый день. Я нанималъ двѣ чистыхъ комнаты противъ самаго лечебнаго заведенія съ прислугой и платилъ 15 руб. въ мѣсяцъ. Меня удивляла здѣшняя необыкновенная дешевизна пищи. Представьте себѣ, что за жареной свин., безъ говядины, съ однимъ бульономъ и жареной картошкой и крупами, я платилъ 6 коп. сер., за порцію жареной телятины или голубей 15 коп. сер., за стейкъ сливочъ 3 коп. сер., за порцію жареной серны 24 коп. сер. Не думайте, чтобы это были какія нибудь выдуманные порции. Фаршъ и голубей мнѣ приносили съ такою же охотою, что съ одной порціи я былъ совершенно сытъ. Ружья превосходнаго нива. въ два охотничьи мѣсяца стаяла 5¹ коп. сер. Не забудьте, что здѣсь вода, телятина, индейка, ячень, овощи и рыба не дороже нашихъ, а говядина дороже. Звѣрь, такъ сказать посредственная стоитъ 1 ф. 14 к., медвѣдь 12 ф., индейчатая мука (*) одна

(*) Мука и фарш свин. въ здѣшней мѣрѣ.

массель (*) 11 крейц., ржаная 7 крейцеровъ (**); шеффель ячменю 11 гульд., овса 7 гульд., метценъ картофелю стоитъ 1 гульденъ 12 крейцеровъ. Между тѣмъ бѣлые хлѣбцы, продаваемые по 1 к. сер., не много менѣе нашихъ трехъ-копѣчныхъ, такъ что у меня на бѣлый хлѣбъ здѣсь выходило денегъ вдвое менѣе, чѣмъ въ Россіи. Пеклеванный, или по здѣшнему черныи, хлѣбъ, изъ ржаной муки (***), на 6 к. сер. приносятъ такой длины, что вдвоемъ нельзя съѣсть въ два дня. (Въ Берлинѣ и Мюнхенѣ черные хлѣбы такъ же безобразно длинны, какъ и здѣсь.) Гдѣ же секретъ такой дешевизны здѣсь, гдѣ предметы первой потребности дороги, и дороговизны у насъ, гдѣ эти предметы дешевле? Отсутствіе стѣснительныхъ для жизни и промышленности

(*) Массель около 3 фун., 16 масселей составляютъ метценъ, 6 метценовъ составляютъ шеффель.

(**) 1 шеффель пшеницы стоитъ 18 гульденовъ, рожь 16 гульденовъ.

(***) Здѣшнія рожь, ни въ зернѣ, ни въ мукѣ, не похожа на нашу. Зерна мельче, а мука несравненно бѣлѣе, потому что ее очень мелко мелютъ. Нашего мякинного крестьянскаго хлѣба здѣсь не станетъ ѣсть ни одинъ крестьянинъ. Жаль только, что вкусъ чернаго хлѣба во всей Германіи слишкомъ прѣсенъ и пекутъ его такой крутой, что надобно имѣть очень здоровыя челюсти, чтобы его жевать. Нѣмцы развариваютъ его въ водѣ съ саломъ, что у нихъ называется вассеръ-супомъ.

порядковъ и т. д. Здѣсь податей и повинностей не мало, а между тѣмъ всюду видно довольство и нигдѣ не видно нищеты, равно какъ нигдѣ не видно и роскоши. Мой хозяинъ, Bürger, платитъ ежегодно около 20 р. сер. различныхъ податей, а между тѣмъ вся его промышленность состоитъ только въ огородничествѣ. Податей здѣсь четыре рода; 1) подать съ домовъ и земли берется смотря по величинѣ дома, количеству и качеству комнатъ, отапливаются онѣ или нѣтъ, отдаются въ наймы или нѣтъ и т. д.; съ земли берется также по ея количеству, качеству и т. д.; 2) подать съ ремесла; 3) подать съ доходовъ по $\frac{1}{2}$ гульдена съ каждаго 100 гульденовъ дохода; 4) подать съ капитала по $1\frac{1}{2}$ гульд. съ каждаго 100 гульденовъ. Такимъ образомъ здѣсь всѣ уравнилены въ принесеніи жертвъ для отечества, нѣтъ привилегированныхъ классовъ, не платящихъ податей и бѣдный платитъ мало, а богатый много. Здѣсь никто не ускользаетъ отъ податей, и нѣтъ никакихъ привилегій и исключеній. За то, платя эти пошлины, всякій можетъ заниматься, чѣмъ ему угодно: хотите вы курить вино, варить пиво, продавать табакъ, печь хлѣбъ и т. д.: заплатите пошлину, и дѣлайте что угодно. Отъ того-то и дешевизна всѣхъ издѣлій, и доброкачественность ихъ. Не удивительно, что кружка пива стоитъ $3\frac{1}{2}$ крейцера, когда только $\frac{1}{2}$ гульдена съ шеф-

фея платится за право варить пиво и еще нѣсколько пфениговъ въ пользу города. Не удивительно, что штофъ водки стоитъ около 15 к. сер., штофъ спирту около 40 к. сер., когда кромѣ обыкновенной ремесленной подати ничего не платится за право винокурения. Земледѣіе здѣсь находится въ слѣдующемъ положеніи: на 1 *таверк* высѣвается отъ 1 до 2 метценовъ ($\frac{1}{8}$ шеффеля), родится въ горахъ, гдѣ земля хуже, самъ-6, въ долинахъ самъ-8, 9, 10. Система полей плодоперемѣнная. *Tagwerk* земли (около нашей десятины) стоитъ отъ 600 до 1,200 гульденовъ. Работнику съ двумя лошадьми платятъ въ день 2 гульдена 42 крейцера; пѣшему работнику въ сѣнокосъ даютъ 24 крейцера и пищу; за легкія работы, какъ на примѣръ, полоть, 12 крейцеровъ. Любопытно, что плотнику и каменщику платятъ 45 крейцеровъ въ день, завтракъ и обѣдъ съ водкой на 3 крейцера и пива на 7 крейцеровъ. Видите, какой почетъ этимъ господамъ!

Отъ маленькаго отдаленнаго городка, конечно, нельзя ожидать, чтобы въ немъ была очень развита промышленность, если нѣтъ какихъ нибудь особенныхъ благоприятныхъ обстоятельствъ; но здѣсь можно найти всѣ предметы первыхъ потребностей. Есть даже книжная лавка, въ которой можно найти довольно нѣмецкихъ книгъ, а при городскомъ магис-

тратѣ выписывается, насчетъ города, очень много нѣмецкихъ газетъ, за чтеніе которыхъ платится самая ничтожная сумма. Предметовъ роскоши искать здѣсь бесполезно: Нѣмцы вообще не терпятъ роскоши, да по правдѣ сказать, и мало имѣютъ вкуса, а въ маленькомъ городкѣ роскоши и подавно искать нечего. Здѣсь я немогу найти порядочнаго варенья даже за 70 к. с. фунтъ, а между тѣмъ всевозможныхъ плодовъ не оберешься и сахаръ дешевле нашего. Не очень-то разлакомитесь здѣсь и другими сластями. Представьте себѣ, что даже въ торты кондиторы кладутъ анисъ, и можете судить о прочихъ лакомствахъ нѣмецкаго издѣлія.

Довольство матеріальное и нравственное здѣсь видно повсюду. Войдите въ любую избу крестьянина: вы увидите чистоту, порядокъ, обиліе посуды, мѣдной, желѣзной и деревянной; простую, но опрятную мебель, чистыя постели; домъ глядитъ дѣйствительно домоу, а не грязной и гнилой лачугой; здѣсь всѣ дома крестьянскіе изъ горнаго известняка, рѣдко въ одинъ, а большею частію въ 2—3 этажа; пристройки для скота большею частію деревянные съ каменными столбами. Скотъ крупный, получаетъ отличное сѣно зимой и подножный кормъ лѣтомъ. Здѣсь траву косятъ два раза (теперь уже оканчивается первый сѣнокосъ), и потомъ пускаютъ скотъ; а осенью на откармливаніе и приплодъ пускаютъ

его въ горы, гдѣ онъ гуляетъ, пока выпадетъ снѣгъ; тогда берутъ его на дворъ, гдѣ помѣщеніе для него не хуже нашихъ избъ. Любо-дорого смотрѣть на здѣшняго крестьянина, работаетъ ли онъ въ полѣ, или идетъ отъ обѣдни въ праздникъ, сидитъ ли за кружкой пива гдѣ нибудь въ саду, или гуляетъ по улицѣ. Одѣтъ онъ на работѣ въ грубый холстъ и сукно (однако же не менѣе 1 р. сер. за аршинъ); башмаки или сапоги его съ деревянными подошвами, но нигдѣ не видно ни дыръ, ни заплатъ, ни лохмотьевъ. Посмотрите же на него въ праздникъ, какъ онъ вырядится въ сюртукъ или камзолъ тонкаго сукна, длинные сапоги, въ пуховую круглую шляпу съ разными цвѣтами, въ шолковый или суконный жилетъ, изъ кармана котораго виситъ цѣпочка отъ часовъ; въ рукахъ зонтикъ на всякій случай. Повѣрите ли вы, что это идетъ простой баварскій мужикъ, а между тѣмъ я жилъ на такой улицѣ, гдѣ мимо моихъ оконъ въ разныхъ видахъ и церемоніяхъ проходили ихъ цѣлыя сотни въ одно время. Ъстъ здѣшній крестьянинъ, утромъ въ 6 часовъ, молочный супъ съ чернымъ (т. е. по нашему ситнымъ) хлѣбомъ; за обѣдомъ лапша, по праздникамъ съ говядиной; когда много работы, то въ 3 часа пиво и какое нибудь сдобное печенье; вечеромъ вассеръ-супъ, т. е. черный хлѣбъ, сваренный съ саломъ. Лица у народа румяныя и здоровыя. Кресть-

ляпки здѣшнія носятъ круглыя мужскія соломенные шляпы на головахъ и разные другіе уморительные головные уборы, напоминающіе нашъ Торжокъ, и ожерелья на шеяхъ, иногда очень дорогія. Обыкновенно онѣ даже и на работахъ одѣты въ ситецъ; по праздникамъ же въ шелковыя платья или по крайней мѣрѣ передники. Посмотрѣли бы вы, въ какихъ экипажахъ и на какихъ лошадяхъ ѣздятъ здѣшніе крестьяне, и вы подумали бы, что это помѣщики; да они дѣйствительно и есть помѣщики, потому что владѣютъ частной земельной собственностью, независимой ни отъ барина, ни отъ общины. Крѣпостнаго сословія здѣсь никогда не было, была только обязательная работа, но и та въ началѣ нынѣшняго столѣтія выкуплена деньгами. И такъ, баварскій крестьянинъ ѣздитъ въ двухмѣстной рессорной колясочкѣ съ верхомъ. Самъ онъ и кучеръ, самъ и баринъ, лошадь рослая, сытая, запряженная въ дышло; дугъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ, но есть хомуты, впрочемъ несравненно легче нашихъ мужицкихъ. Въ такихъ легкихъ экипажахъ и съ такой легкой упряжью, какъ здѣсь, можно ѣздить только по здѣшнимъ дорогамъ: здѣсь всюду шоссе, и понятія не имѣютъ о невылазныхъ грязяхъ и ухабахъ, въ которыхъ выматываютъ свои души и люди и животныя. Шоссе въ Германіи начались ужъ болѣе 200 лѣтъ тому назадъ (устройствомъ ихъ

занимаются гражданскіе, а не военные инженеры). Невольно мысль переносилась къ роднымъ страднымъ полямъ, курнымъ избамъ съ мякиннымъ хлѣбомъ, и къ базарнымъ днямъ, на которыхъ нерѣдко продается послѣдняя корова и пропивается послѣдняя копѣйка. Выраженіе лицъ у здѣшняго народа бодрое, не робкое, рѣчь и манеры довольно грубыя, какъ у большинства нѣмцевъ; но это не мѣшаетъ имъ быть хорошими и счастливыми людьми и любить свое отечество.

Довольство самими собою и существующимъ порядкомъ у людей болѣе образованныхъ доходитъ до непріятнаго самодовольства, выражается не менѣе грубо, какъ и у простаго народа, съ тѣмъ только различіемъ, что это самодовольство не хочетъ знать несчастій другихъ. Меня сильно оттолкнули отъ себя Нѣмцы своею затаенною завистью къ Россіи въ предчувствіи будущаго ея значенія, ненавистью къ славянскимъ племенамъ: мысль о соединеніи послѣднихъ и во снѣ не даетъ имъ покою; ругательствами, которыя они расточаютъ Итальянцамъ, будто бы годнымъ только для поборовъ и побоевъ. Наскучила мнѣ ихъ постоянная зависть къ Франціи, которой они страшно боятся, и неуваженіе къ Англіи, которую они считаютъ, какъ иныя наши помѣщики, державой торгашей, маклаковъ, думающихъ только о себѣ, какъ будто сами Нѣмцы и иныя наши помѣ-

щики—рыцари безкорыстія. Надоѣло мнѣ нѣмецкое хвастовство всѣмъ своимъ: у нихъ все лучше, чѣмъ у другихъ народовъ, не исключая Англіи и Франціи. Не забудьте, что это говорятъ очень образованные люди. Въ устахъ ихъ это уже не патріотизмъ, а китаизмъ.

Правда, у нихъ есть много и хорошаго, чѣмъ они могутъ гордиться. Здѣсь общинное управленіе не стѣсняетъ членовъ общины въ ихъ самостоятельности, но только оберегаетъ отъ бѣдъ. Здѣсь напр. никто не можетъ жениться безъ свидѣтельства общины, что онъ въ состояніи содержать свою будущую жену и дѣтей; чиновника гарантируетъ жалованье, врача—практика, работника—хорошее здоровье и поведеніе и т. д. И если уже послѣ этихъ гарантій новому семейству случится впасть въ нищету, то община беретъ его на свое попеченіе: сама платитъ за обученіе его дѣтей, за лѣченіе его болѣзней, за исправленіе духовныхъ требъ и т. д. Вотъ хорошее средство противъ бѣдности. Во всякой общинѣ есть школа, дома для сиротъ, престарѣлыхъ больныхъ и увѣчныхъ. Нельзя не похвалить этой попечительности о своихъ собратахъ. Жаль только, что нѣтъ даже въ городахъ домовъ для подкидышей. Говорятъ, что подобные грѣхи здѣсь случаются очень рѣдко, что нравственность очень строга и вліяніе духовенства очень сильно. Всему этому можно по-

вѣрить; но съ другой стороны нельзя же не принять въ расчетъ, что представленіе свидѣтельствъ для вступленія въ бракъ и трудность разводовъ способствуютъ безбрачной жизни между молодыми людьми. Куда исчезаютъ незаконно родившіяся дѣти при здѣшнихъ строгостяхъ, сказать не могу, но знаю по своимъ наблюденіямъ въ уѣздныхъ городахъ и деревняхъ Россіи, что число незаконнорожденныхъ дѣтей увеличивается соразмѣрно съ строгостями вышеприведенныхъ условій. Большая часть ихъ тамъ, гдѣ нѣтъ домовъ для нихъ, исчезаетъ неизвѣстно куда. Чѣмъ легче условія браковъ, тѣмъ чище народная нравственность. Сами Нѣмцы съ завистью говорятъ, что въ Рейнскомъ округѣ Баваріи введенъ кодексъ Наполеона, и слѣд. гражданскій бракъ. Насильно милымъ быть нельзя.

Противъ произвола здѣсь существуетъ хорошее судоустройство и судопроизводство. Въ Рейхенгаллѣ присутственныхъ мѣстъ всего два: ландгерихтъ и магистратъ. Въ ландгерихтѣ всего 3 чиновника: судья и два ассессора, въ магистратѣ одинъ чиновникъ: секретарь, и семь членовъ изъ горожанъ по выбору. Прабавьте еще судебного врача, вотъ вамъ и все городское чиновничье управленіе. Есть, правда, здѣсь одинъ гражданскій инженеръ, есть одинъ комендантъ, почтмейстеръ и сборщикъ податей, есть 4 офицера

и 50 гарнизонныхъ солдатъ, но всѣ эти лица существуя не въ каждомъ маленькомъ городѣ.

Взглянемъ же на все рейхенгальское управленіе. Собственно управляется городъ однимъ магистратомъ; это и хозяйственное, и административное, и судебное мѣсто для такъ-называемыхъ полицейскихъ проступковъ. Члены его служатъ по выборамъ; ихъ служба считается почетною; не знаю, для чего имъ дается: бургомистру 100 гульденовъ, а членамъ по 40 гульденовъ въ годъ, вѣроятно на канцелярскіе расходы. Законникомъ въ магистратѣ секретарь, который долженъ быть непременно кончившій курсъ въ университетѣ и опытный юристъ; его утверждаетъ правительство, отъ котораго онъ получаетъ 600 гульденовъ въ годъ. Городское хозяйство и управленіе здѣсь пользуется довольно большою самостоятельностью: только значительныя городскія смѣты представляются на предварительное утвержденіе высшаго нечальства, которое для всего государства находится въ 8 окружающихъ городахъ, потому что вся Баварія раздѣлена на 8 округовъ. Всѣ же постройки и дѣла незначительныя рѣшаетъ самъ магистратъ; канцеляріи въ немъ никакой нѣтъ кромѣ наемныхъ писарей, когда есть дѣло; но дѣла много быть не можетъ, потому что все судопроизводство здѣсь словесное и большая часть дѣлъ рѣшается тотчасъ же, не переходя ни въ какія другія инстан-

ціи. При магистратѣ хранятся пожарныя инструменты. Лошадей и рабочихъ людей для тушенія пожаровъ нанимають, а не держать особыхъ чиновъ пожарной команды. Сверхъ того, каждый горожанинъ обязанъ являться на пожаръ, кто съ бочкой воды, кто съ ведромъ, кто съ багромъ и т. д. При магистратѣ, въ случаѣ нужды, нанимаются писаря, но обыкновенно находится одинъ или двое размыслныхъ; они же и полицейскіе служители: вотъ и весь его штатъ. Получають такіе служители около одного гульдена въ день; лѣтомъ пожарныя бочки служатъ для поливанія улицъ отъ пыли.

Ландгерихтъ есть судебное мѣсто для города и его округа; весь его округъ имѣетъ около 6,000 жителей. Всѣ три члана ландгерихта должны быть опытные юристы, кончившіе курсъ въ университетѣ. Да и нельзя имъ быть не опытными, когда отъ 6 до 8 лѣтъ каждый изъ нихъ по окончаніи курса потретъ лямку, служа безъ жалованья при какомъ нибудь ландгерихтѣ въ качествѣ практиканта, и держитъ практическій экзаменъ. И при здѣшнемъ маленькомъ ландгерихтѣ есть двое практикантовъ, которые исправляютъ должность писарей и получаютъ отъ судьи по 15—20 гульденовъ въ мѣсяцъ, какъ писаря, но не какъ практиканты, значить, только за черную работу, а практикуются они сами для себя въ надеждѣ получить впослѣдствіи мѣсто ассес-

сора или судьи. Судья получает здѣсь 1,200 гульденовъ въ годъ, кромѣ разъѣздныхъ денегъ; ассес-соры по 800 гульденовъ; въ большихъ городахъ, гдѣ больше дѣла, больше и жалованья. Здѣсь же всѣхъ дѣлъ, которыя не кончаются словеснымъ обра-зомъ, около 150 въ годъ. Какъ скоро чиновникъ утвержденъ королемъ, онъ уже имѣетъ право на пенсію въ случаѣ болѣзни, лишающей его возмож-ности служить. Здѣсь также есть разряды пенсій, начиная отъ $\frac{1}{2}$ и до цѣлаго годичнаго оклада. Отъ личнаго усмотрѣнія короля зависитъ прибавить пен-сіи по заслугамъ чиновника, но не по количеству лѣтъ. Судопроизводство въ здѣшнемъ ландгерихтѣ словесное, но не публичное; письменность вся заклю-чается въ писаніи протоколовъ со словъ подсуди-мыхъ, или въ вытребованіи отъ нихъ письменныхъ отвѣтовъ, если ихъ нѣтъ на лицо въ городѣ, а находятся они гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Но въ каждомъ изъ 8 округовъ Баваріи есть, сверхъ того, для простыхъ процессовъ высшій ландгерихтъ; для процессовъ уголовныхъ судъ присяжныхъ; и въ томъ и другомъ судопроизводство словесное и публичное. Словесное судопроизводство здѣсь существуетъ из-древле, но судъ присяжныхъ только съ революціи 1848 года, которая внесла болѣе свободныя учреж-денія въ народную и государственную жизнь. При ландгерихтѣ паходятся для посылокъ два служителя;

они же и полицейскіе служители по дѣламъ, относящимся къ ландгерихту, напр. они обязаны звать въ судъ, арестовать и караулить арестованнаго въ арестантской и д. т. (острога здѣсь нѣтъ, но важные преступники препровождаются въ другіе города, гдѣ есть разнаго рода тюрьмы). Такіе служители получаютъ около 30 гульденовъ въ мѣсяцъ. При ландгерихтѣ состоитъ судебный врачъ, по нашему и городской и уѣздный. Онъ получаетъ жалованья 600 гульденовъ въ годъ и на 6,000 тысячъ жителей всего округа производитъ около 5 вскрытій мертвыхъ тѣлъ. Здѣсь судьи люди образованные и понимаютъ, что не всегда нужно вскрытіе мертваго тѣла, не такъ, какъ иные наши градоначальники, которые предписываютъ вскрывать и утопленниковъ и сгорѣвшихъ, хотя бы они утонули предъ вашими глазами, хотя бы и не было никакого подозрѣнія въ насильственной смерти. Забыть не могу, какъ одинъ господинъ велѣлъ вскрыть сгорѣвшаго, вмѣстѣ съ избой мальчика, и не понимаю, какъ ухитрился врачъ вскрыть обуглившійся трупъ. Есть и инспекторы врачебныхъ управъ, которые требуютъ вскрытія тѣлъ совсѣмъ сгнившихъ; какъ будто не знаютъ заранѣе, что врачъ ничего въ такомъ трупѣ не найдетъ, кромѣ невѣроятнаго зловонія, могущаго ему самому причинить совершенно напрасную смерть.

Трусливое и замазанное невѣжество обыкновенно старается очистить свою совѣсть на бумагѣ.

Особеннаго казначейства здѣсь нѣтъ, но жалованье немногочисленные здѣшніе чиновники получаютъ каждый изъ того мѣста, гдѣ онъ служитъ; подати же съ народа сдаются сборщиками въ извѣстные большіе города, гдѣ есть для того особенныя казначейства, не имѣющія впрочемъ такого множества штата подьячихъ, какъ уѣздное казначейство.

Почта здѣшняя содержится частнымъ человекомъ, который по контракту съ казною держитъ лошадей для почтоваго, казеннаго и частнаго, разгона. Почтовые экипажи казенные состоятъ въ его же вѣдѣніи. За ѣзду на почтовыхъ съ частныхъ людей (Extrapost) онъ получаетъ слѣдующіе прогонныя деньги: за двѣ лошади съ экипажемъ (закрытая рессорная коляска), за каждый почтовый часъ. т. е. за $\frac{1}{2}$, нѣмецкой мили, значить за наши $3\frac{1}{2}$ версты, платится вмѣстѣ съ деньгами на водку 48 крейцеровъ, значить по нашему счету, около 6 к. сер. на каждую версту, за каждую лошадь. При здѣшнихъ небольшихъ пространствахъ эта такса нечувствительна, особенно потому, что хороши почтовые экипажи и лошади, и вы никогда не имѣете нужды ждать по нѣскольку часовъ и даже сутокъ почтовыхъ лошадей: они всегда на лицо къ вашимъ услу-

гамъ, и что назначено для васъ, того не можетъ взять не только казенная почта, но и самъ король. Скоро желѣзныя дороги совершенно вытѣснятъ почтовыхъ лошадей. Возмите карту желѣзныхъ дорогъ и посмотрите, какъ покрыта ими вся Европа, точно паутиной. Скоро и здѣшній городокъ соединится съ своимъ сосѣдомъ Траунштейномъ, до котораго уже проведена желѣзная дорога, и съ другой стороны съ Зальцбургомъ, до котораго изъ Мюнхена и Вѣны въ одно время къ концу нынѣшняго лѣта кончатся желѣзныя дороги (*).

Содержатель почты есть вмѣстѣ и почтмейстеръ; за извѣстный условный съ правительствомъ процентъ, онъ принимаетъ и отправляетъ корреспонденцію. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ она очень велика и доставляетъ много доходу, есть особенные экспедиторы для почтовой корреспонденціи, а гдѣ этого нѣтъ, тамъ расчетливые Нѣмцы умѣютъ въ одномъ лицѣ соединить всѣ должности, и не смотря на то, что многіе здѣшніе почтмейстеры не чиновники, а простые мѣщане, неслыханное дѣло, чтобы пропало простое письмо. Съ дороги изъ Динабурга, въ Россіи, я послалъ два письма къ вамъ и одно къ знакомымъ; послѣднее пропало—это я уже положительно

(*) Онѣ уже окончены и открыты.

знаю (*); но дошли ли до васъ два первыхъ, не знаю. На дняхъ я получилъ двѣ брошюры изъ Берлина; обѣ онѣ были перевязаны узенькой полоской бумаги, на которой стоялъ мой адресъ, и онѣ не выпали изъ этой узкой перевязки и дошли ко мнѣ какъ письмо, за ту же цѣну, что платять за 1 лотъ письма, хотя вѣсу въ нихъ не менѣе 5 лотовъ (здѣсь за посылку съ фунта берется тоже, что за каждый лотъ съ письма); мнѣ принесли посылку безъ всякихъ предварительныхъ объявленій, безъ всякой платы почтальону, безъ всякихъ засвидѣтельствований полиціи для ея полученія и безъ всякихъ росписокъ въ книгахъ. Говорять, что также легко получается и денежная посылка, если она не застрахована; если же застрахована, то надобно росписываться и приносить удостовѣреніе въ своей личности. За страхованіе денегъ здѣсь берутъ очень

(*) Оказалось, что оно не пропало, а пришло чрезъ 2 мѣсяца послѣ своего отправленія и шесть недѣлями позже двухъ писемъ, послѣ него посланныхъ. Такіе случаи у насъ нерѣдкость. Подобный же случай былъ со мною года два тому назадъ, въ томъ же самомъ городѣ, какъ и въ настоящее время, именно въ Тамбовѣ. Мои знакомые перемѣнили квартиру; почтальонъ, не нашедши ихъ на старой квартирѣ, не захотѣлъ отыскивать ихъ на новой и носилъ въ своей сумкѣ письмо болѣе мѣсяца, пока, идя мимо оконъ, не былъ ими остановленъ и спрошенъ, нѣтъ ли въ немъ писемъ.

незначительный процентъ. Впрочемъ, здѣсь по почтѣ почти вовсе не отправляютъ денегъ, а если и отправляютъ, то не застраховываютъ, потому что несмысленно дѣло, чтобы на почтѣ что нибудь пропало. Обыкновенно же переводятъ на банкировъ, потому что почти вездѣ есть банкиры, которые только и занимаются переводомъ денегъ изъ одного мѣста въ другое и размѣномъ бумажныхъ денегъ на звонкую монету, и на оборотъ. Здѣсь я получилъ страховое письмо изъ Россіи и долженъ былъ въ немъ подписаться. Мои знакомые, долго не получая отъ меня писемъ, вообразили, что я имъ не пишу, или что мои письма пропадаютъ за границей, а не въ Динабургѣ, откуда я имъ писалъ; они удивили меня своимъ застрахованнымъ письмомъ. Вообще здѣсь почтовая корреспонденція очень дешева; жаль только, что пересылка газетъ еще не дешева: за пересылку политическихъ берутъ 25 процентовъ, не политическихъ 20. Это еще довольно дорого.

Въ городѣ, какъ уже сказано, есть гарнизонъ: около 50 человекъ и 4 офицера. И тѣ и другіе не обременяютъ жителей постоями, а живутъ первые въ казармахъ, вторые на своихъ квартирахъ, нанимаемыхъ изъ собственного кармана. Солдаты здѣшніе одѣты въ хорошее синее сукно, которое, какъ и рабочее у крестьянъ, стоитъ не болѣе 1 р. сер. аршинъ; жалованье получаютъ, смотря по роду ору-

жія, отъ 6 и до 10 крейцеровъ въ день; но изъ этого жалованья вычитается по 4 крейцера въ день на содержаніе. Ъдятъ они супъ, мясо и зелень; хлѣбъ здѣшній инымъ показался бы у насъ булѣй. Я уже писалъ въ прошломъ письмѣ, что служба ихъ здѣсь, въ чемъ только можно, разумно облегчена, такъ напр. ружья ихъ очень легкія, и держатся, даже во время самаго короткаго перехода и на караулѣ, не прямо на плечѣ, а висятъ на ремнѣ, точно такъ, какъ носятъ ихъ охотники; казармы ихъ очень чисты и снабжены возможными удобствами: мебелью, кроватями и т. д. Срокъ службы здѣсь только 3 года, послѣ чего солдаты идутъ въ безсрочный отпускъ, изъ котораго по первому требованію возвращаются опять на службу, но уже только въ резервъ, и по минованіи нужды опять расходятся по домамъ. Солдаты ведутъ себя чрезвычайно скромно, но не робко, и такъ же спокойно курятъ сигары на улицахъ, какъ и офицеры; проходя мимо казармъ, я всегда видѣлъ нѣсколькихъ солдатъ, сидящихъ съ книгами въ рукахъ. Нѣкоторые изъ нихъ носятъ острую французскую бороду, другіе нѣтъ; точно такъ же и офицеры. Эти послѣдніе внѣ службы носятъ гражданское платье; жалованье получаютъ: лейтенантъ 300 р. с., капитанъ около 500 р. с., полковникъ около 1,500 р. с.; сверхъ того различные другіе оклады: на квартиры,

лошадей и т. д.; военный врач получает жалованье смотря по чину (лейтенанта, капитана и т. д.), въ которомъ онъ числится. Военные не пользуются здѣсь такимъ отвращеніемъ народа какъ въ другихъ странахъ, потому что не держатъ себя какъ привилегированная каста. Всего войска въ Баваріи считается около 140,000. Для народоселенія въ 4,500,000 д. это слишкомъ много. Нѣмцы, съ гордостью указывая на свои маленькія арміи, думаютъ разбить всю Францію вмѣстѣ съ Наполеономъ, въ пухъ и прахъ.

Соловарни Рейхенгалля управляются чиновниками, которыхъ всѣхъ около 10 человѣкъ. Старшій изъ нихъ получаетъ около 1,000 р. сер., прочіе около 500 руб. Я не описываю этого управленія, потому что оно составляетъ исключеніе и не принадлежитъ городу; это своего рода *regnum in regno*.

Гражданскій инженеръ, онъ же и архитекторъ, замѣняетъ нѣсколькихъ нашихъ инженеровъ разныхъ вѣдомствъ, потому что онъ завѣдываетъ и дорогами, и рѣками, и строеніями, получая около 500 р. сер. Сколько я ни проѣзжалъ по германскимъ желѣзнымъ дорогамъ, ни на одной станціи, ни на казенной, ни на компанейской, не встрѣчалъ я ни одного инженера, въ гордой праздности расхаживающаго, загнувъ руки назадъ, по платформамъ. Здѣсь на станціи бѣгаютъ одни только кондукторы,

принимая и отпуская грузы и пассажировъ, и суетятся экспедиторы, выдающіе и принимающіе билеты, багажи и почтовую корреспонденцію.

Оберъ-контролеръ, который завѣдываетъ таможенною пограничною стражей, получаетъ около 600 р. сер., также не принадлежитъ городу.

Противъ невѣжества нигдѣ такихъ сильныхъ мѣръ не принимается, какъ въ Германіи. Въ Баваріи есть особое министерство духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, которое дѣйствительно старается о просвѣщеніи, а не о потемнѣніи народа. Первое условіе для его просвѣщенія есть литература. Здѣсь всякій можетъ писать и печатать, что угодно, но если что-либо положительно и очевидно оскорбительное для религіи и существующаго порядка, или для чьей-либо личной чести явится въ газетахъ, то отвѣчаетъ редакторъ; если же издана отдѣльная книга, то отвѣчаетъ типографія, гдѣ книга напечатана, и самъ авторъ, деньгами или заключеніемъ въ тюрьму (конечно, не въ секретную какую нибудь, потому что здѣсь такихъ тюремъ не существуетъ, а въ общую для всѣхъ преступниковъ, только съ строгимъ дѣленіемъ на разряды преступленій). Когда книга отпечатана, то она до выпуска въ продажу должна быть предъявлена правительству и разсматривается особымъ чиновникомъ. Но большею частію еще до представленія въ это чистилище, книга поступаетъ въ

продажу, потому что здѣсь не было примѣровъ, чтобы отпечатанная книга была запрещена. Этотъ родъ цензуры служить только чѣмъ-то предостерегающимъ, но на самомъ дѣлѣ никто о немъ не думаетъ и всѣ излагаютъ свободно свои мысли. Да и что можно сказать дурнаго и вреднаго о правительствѣ, которое живетъ не для себя, а для народа, и объ религіи, которая здѣсь служить лучшимъ проводникомъ просвѣщенія. И правительствомъ и духовенствомъ здѣсь всѣ отъ мала до велика довольны, а философскія мысли во всей Германіи издавна проповѣдывались свободно, даже и послѣ того, какъ одинъ древній Майнцскій архіепископъ выдумалъ цензуру. Нѣмецкій монахъ выдумалъ порохъ и цензуру; кажется и пиво выдумалъ монахъ. Литература здѣсь не сосредоточивается вся въ журналахъ, какъ у насъ, но непрерывно производитъ на свѣтъ новыя книги и брошюры. Здѣсь всѣ грамотны, слѣд. читателей бездна, и всякая книга легко идетъ съ рукъ. Книги по этому продаются необыкновенно дешево: втрое и вчетверо дешевле нашихъ. Есть и еще причина этого безчисленнаго множества выходящихъ книгъ: въ журналахъ и газетахъ здѣсь очень плохо платятъ за статьи; напр, за цѣлую повѣсть, листа въ три печатныхъ, здѣсь даютъ 20—30 гульденовъ. Только иностраннымъ корреспондентамъ хорошо платятъ. За небольшія ученыя статьи въ газетахъ ни-

чего не платятъ. Газеты здѣшнія почти вовсе не имѣютъ беллетристическаго отдѣла, а только руководящія статьи редакціи и иностранныя извѣстія.

Другое средство для просвѣщенія народа—школы; онѣ здѣсь находятся въ каждой общинѣ и составляютъ предметъ живѣйшей заботливости правительства, духовенства и самаго народа; я не встрѣчалъ во всей Германіи ни одного безграмотнаго человѣка, ни мужчины, ни женщины. Въ здѣшнемъ городѣ пятая часть всѣхъ жителей учится въ школахъ, именно: въ Elementarschule, состоящей изъ трехъ классовъ, около 200 мальчиковъ; въ школѣ для дѣвочекъ около 100 дѣвочекъ; въ воскресные классы ходятъ около 100 мальчиковъ и дѣвочекъ. Въ эти воскресные классы ходятъ тѣ, которые кончили курсъ въ элементарной школѣ; ходятъ они не только по воскресеньямъ, но и во всѣ праздники, на 1—2 часа; половину этого времени занимается съ ними обыкновенный учитель репетиціей выученнаго ими въ школѣ; другую половину времени занимается священникъ повтореніемъ закона Божія. Въ эти классы ходятъ мальчики и дѣвочки до 16 лѣтъ, и удивительно, что здѣшніе крестьяне и горожане образованнѣе многихъ нашихъ дворянъ, не говоря уже о чиновникахъ и купцахъ. Сверхъ того, здѣсь есть такъ-называемое Kinder-Bewahranstalt—заведеніе для крошечныхъ дѣтей отъ 3 и до 6 лѣтъ. Здѣсь около

100 дѣтей играютъ, поютъ, учатся кое-какимъ работамъ, плестъ, вязать и т. д., считать до 100, выучиваютъ короткія молитвы, а старшія даже начинаютъ писать и читать. Но главнѣйшая польза этого заведенія та, что дѣти отъ 7 ч. утра до 11, и съ 1 часу до 4 по полудни, находятся подъ надзоромъ хорошихъ женщинъ и не мѣшаютъ своимъ родителямъ работать, не требуютъ за собой домашняго присмотра и не болтаются безъ всякаго занятія дома, или не шатаются по улицамъ. Наши зрѣлища мученія кошекъ, собакъ, козловъ, или взаимныя драки съ разбитіемъ носовъ, съ самыми площадными ругательствами, заимствованными у взрослыхъ, извѣстны всякому. Съ освобожденіемъ крестьянъ, вѣроятно, и у насъ въ каждой общинѣ явится школа. Я былъ въ здѣшнемъ Kinder-Bewahranstalt и былъ окруженъ цѣлыми толпами крошекъ, которыя жали мнѣ руки. Жаль, что при здѣшнемъ заведеніи нѣтъ сада; Kindergärten теперь распространяются по всей Германіи. О нихъ у насъ было говорено въ *Журналъ для Воспитанія*. Дай Богъ, чтобы эти благотѣльные заведенія принялись на нашей почвѣ. Они у насъ лѣтомъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, необходимы. Зимой такое Kinderbewahranstalt, даже безъ саду, для крошечныхъ дѣтей едва ли возможно при нашихъ вьюгахъ, снѣгахъ и холодахъ; но въ школы здѣшнія дѣти въ горахъ ходятъ за нѣсколько верстъ въ самую дурную погоду,

— Есть еще здѣсь дѣвичій пансіонъ для богатыхъ людей; главныя воспитательницы монахини; но въ него поступаютъ не одни здѣшніе дѣти, и притомъ всѣ эти пансіоны въ цѣломъ мірѣ похожи другъ на друга какъ двѣ капли воды: таже внѣшность безъ содержанія, таже безцѣльность изученія громаднаго количества предметовъ. За обязательное образованіе каждаго ребенка платятъ родители въ недѣлю 6 крейцеровъ, бѣднѣйшіе по 3 крейцера, съ самыхъ бѣдныхъ ничего не берутъ, но платитъ община. И такъ каждый ребенокъ платитъ въ мѣсяць около 20 коп. сср. на наши деньги, значитъ около 2 р. 40 к. с. въ годъ.

Учителя получаютъ слѣдующее содержаніе: старшій учитель 800 гульденовъ въ годъ, младшій 700 и помощникъ учителей 250. Это содержаніе при здѣшней дешевизнѣ очень значительно. Сверхъ того они имѣютъ еще посторонніе доходы слѣдующаго рода: эти учителя воспитываются не въ обыкновенныхъ гимназіяхъ, а въ особенныхъ учительскихъ семинаріяхъ, гдѣ въ числѣ предметовъ преподаванія одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаютъ музыка и пѣніе, съ тѣмъ, чтобы эти учителя, получивъ мѣста, могли быть органистами церквей, регентами церковныхъ хоровъ, и учили дѣтей музыкѣ и пѣнію. Такимъ образомъ здѣшній старшій учитель получаетъ еще за должность органиста около 200 гульденовъ,

младшій же за должность регента пѣвческаго хора почти столько же. Точно также и въ другихъ мѣстахъ. Пѣніе здѣсь въ школахъ составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ обученія. Мнѣ удалось быть здѣсь въ началѣ мая на школьномъ праздникѣ верстахъ въ 3 отъ города, среди прелестнѣйшихъ долинъ между горъ, куда ученики шли каждый съ знаменемъ, лучшіе съ лентами чрезъ плечо и съ звуками музыки, составленной изъ прежнихъ учениковъ той же школы. Послѣ различныхъ игръ съ своими учителями, между которыми болѣе всѣхъ отличались любовью къ дѣтямъ два священника-коадъюторы, дѣти хорошо пропѣли по нотамъ нѣсколько приспособленныхъ къ празднику кантатъ. У многихъ изъ нихъ были матери и другіе родственники, которые съ умиленіемъ слушали это пѣніе. На этомъ праздникѣ самымъ почетнымъ лицомъ былъ мѣстный деканъ-священникъ.

Здѣсь въ городѣ одинъ деканъ и два священника-коадъюторы (помощники). Деканъ получаетъ 900 гульденовъ въ годъ отъ правительства и сверхъ того пользуется доходами отъ города и окрестныхъ деревень. Доходы эти точно опредѣлены таксой, что съ кого и за что слѣдуетъ брать за исполненіе различныхъ требъ. Къ сожалѣнію, я не могъ достать этой таксы, но слышалъ, что она очень не обременительна; напр. за погребеніе назначено около 50 к. с.,

за вѣчаніе около 1 р. сер.: съ богатаго больше, съ бѣднаго меньше. Кoadъюторы никакого жалованья не получаютъ, но пользуются отъ декана квартирой, столомъ и отъ него получаютъ около 100 гульденовъ въ годъ; да еще перепадаютъ имъ кое-какіе доходы отъ различныхъ церемоніальныхъ обрядовъ. Такимъ образомъ эти ученые коадъюторы, кончившіе курсъ въ университетѣ, существуютъ по нѣскольку лѣтъ, пока откроется свободный приходъ. Деревенскіе священники также получаютъ отъ казны жалованье; самый меньшій окладъ 500 гульденовъ. Нѣкоторые деревенскіе священники живутъ лучше городскихъ, нанимаютъ или покупаютъ собственную землю, держатъ работниковъ и получаютъ большія выгоды. Духовенство здѣсь пользуется большимъ почетомъ, который оно заслуживаетъ своимъ образованіемъ, безкорыстіемъ, трезвостью и дѣятельною заботою объ образованіи своихъ прихожанъ; по всему этому оно имѣетъ на народъ огромное вліяніе. Здѣшній простой народъ знаетъ догматы вѣры лучше иныхъ нашихъ дворянъ. Здѣсь каждый знаетъ, во что онъ вѣруетъ; народъ съ благоговѣніемъ идетъ въ торжественныхъ церемоніяхъ и весь, начиная съ дѣвочекъ и мальчиковъ, и кончая стариками, громко читаетъ молитвы. Проживъ цѣлый мѣсяцъ, я видѣлъ здѣсь много уличныхъ церемоній, на которыхъ бывалъ весь городъ и его окрестности, напр. на праздникѣ:

Corpus Dei (Fronleichnamsfest). На всѣхъ такихъ процессіяхъ дѣти обоого пола идутъ впереди въ праздничныхъ и бѣлыхъ платьяхъ съ вѣнками на головахъ: при погребеніяхъ же просто несутъ хоругви одни мальчики. Хозяева моей квартиры: старикъ со старухой, сынъ и дочь и три служанки, каждый день, передъ обѣдомъ и ужиномъ и послѣ, хоромъ читаютъ молитвы; съ субботы же на воскресенье молятся особенно долго всѣ вмѣстѣ. Хозяйская дочь, по моему желанію, принесла мнѣ всѣ свои духовныя книги, по которымъ они молятся, и совѣтовала мнѣ почитать, говоря, что я тутъ найду много назидательнаго. Я пересмотрѣлъ всѣ и немало удивился ихъ дешевизнѣ, чистотѣ бумаги, красотѣ шрифта и переплета, а главное, удобоприложимости въ жизни и простотѣ изложенія духовныхъ бесѣдъ, на пр. объ опрятности, трезвости, бережливости. Золотообрѣзанный молитвенникъ въ сафьянномъ переплетѣ, листовъ въ 10, стоитъ около 50 коп. сер.; маленькіе же и простые 5, 10 и 15 к. сер. Въ этихъ книгахъ я нашелъ картинки, изображающія патроновъ всѣхъ членовъ хозяйскаго семейства, которыхъ они очень чтятъ. Здѣсь на всѣхъ поляхъ вы встрѣчаете очень часто навѣсцы, сдѣланные просто, но со вкусомъ, усаженные деревьями и цвѣтами, подъ которыми поставлены различныя образа, иногда во весь ростъ большею частію Спасителя и Божіей Матери, и во

все лѣто украшаемые живыми цвѣтами. Сверхъ того, здѣсь большое число часовень. Такихъ образовъ около города на поляхъ я помню не менѣе десяти въ разныхъ мѣстахъ, и около домовъ, и среди открытаго поля. Ни одинъ мужчина и ни одна женщина не пройдетъ мимо ихъ, не перекрестившись и не прошептавъ молитвы. Когда слышенъ въ церквахъ молитвенный звонъ, то рабочіе на поляхъ снимаютъ шляпы и читаютъ молитвы. Вообще здѣшній народъ очень набоженъ, и притомъ сознательнѣе, умомъ и сердцемъ вмѣстѣ. О трезвости замѣчу, что съ тѣхъ поръ, какъ я живу въ Германіи, мнѣ еще одинъ только разъ удалось видѣть одного пьянаго человѣка: это былъ мой извозчикъ, который возилъ меня на дняхъ въ Зальцбургъ и былъ пьянъ, какъ нашъ мастеровой. Честностью и опрятностью также могутъ похвалиться здѣшніе жители. Одно только непріятно нашему брату, привыкшему къ безпорядку во всемъ: это педантичскій порядокъ Нѣмцевъ и неуваженіе къ вашему порядку. Убирая вашу комнату, непременно перетрогаютъ и передвигаютъ всѣ ваши вещи, все уставляютъ по своему, и такъ до безконечности, сколько вы тутъ ни толкуйте. Еще непріятна нѣмецкая страсть—любопытство пересмотрѣть всѣ ваши вещи. Конечно ею отличаются женщины, которыя могли бы быть отличными членами тайной полиціи.

Въ городѣ, кромѣ врача судебного и военнаго,

есть еще вольнопрактикующій. Здѣсь въ каждомъ городѣ положено извѣстное количество вольнопрактикующихъ врачей, и за тѣмъ вы не имѣете права пріѣхать практиковать въ чужой городъ. За визитъ врачу здѣсь обыкновенно платятъ, даже самые небогатые крестьяне, по $\frac{1}{2}$ гульдена, значить, около 30 к. с.; богатые по цѣлому гульдену, но платятъ непременно всѣ; за самыхъ бѣдныхъ людей платитъ община, такъ что здѣшніе врачи не могутъ завидовать нашимъ, которымъ одни платятъ, а другіе нѣтъ, да еще изъясняютъ разныя странныя претензіи, какъ напр. губернскіе промотавшіеся аристократы и аристократки. Здѣсь въ глазахъ общины врачъ лице чрезвычайно почетное, а не чиновникъ и не лонг-лакей. Врачи по окончаніи лѣченія посылаютъ счетъ. Вольно-практикующій врачъ завѣдываетъ городской больницей, которую содержитъ самъ городъ и въ распоряженіе которой казна не вмѣшивается. Правительство содержитъ свои больницы въ большихъ городахъ, а общины свои собственные. Очень хорошо было бы, если бъ и у насъ городскія уѣздныя и губернскія больницы отдали въ полное распоряженіе городскихъ думъ по хозяйственной части. Этимъ бы оказали больнымъ величайшее благодѣяніе избавивъ ихъ отъ вліянія Приказовъ и Совѣтовъ.

Есть въ городѣ и аптека. Начиная съ Кёнигсберга во всѣхъ городахъ я заходилъ въ аптеки, вездѣ

смотрѣлъ таксу, бралъ лѣкарства, простыя и сложныя, по рецептамъ, и вездѣ находилъ лѣченіе несравненно дешевле нашего и доступнѣе для всего народа. Здѣсь можно лѣчиться всякому, у насъ же только достаточному человѣку. У насъ микстура изъ 1 драхмы нашатыря, 1 грана рвотнаго камня, 1 драхмы сока лакрицы и 6 унцій воды стоитъ не менѣе 25 к. с., тогда какъ самому аптекарю и съ посудой и съ укупоркой она стоитъ не болѣе 3 к. с. У насъ ведро воды въ аптекѣ стоитъ не менѣе 2 руб. сер. Я нарочно взялъ баварскую аптечную таксу въ здѣшней аптекѣ; аптекарь для сравненія далъ мнѣ еще австрійскую таксу, которая весьма немного отличается отъ баварской. Я не буду утомлять читателей цѣнами различныхъ лѣкарствъ, понятныхъ только врачамъ и аптекарямъ; но я непременно соберу таксы всѣхъ государствъ, чрезъ которыя я пройду, и потомъ сдѣлаю изъ этого общій выводъ, который постараюсь доставить въ одинъ изъ спеціальныхъ медицинскихъ журналовъ. Такса, какъ сказано въ королевскомъ указѣ, при ней напечатанномъ, мѣняется каждые два года, потому что нѣкоторые лѣкарства выводятся, а другія вводятся въ употребленіе, и цѣны на лѣкарства тоже мѣняются. Ревизію аптекъ здѣсь производитъ судебный врачъ одинъ разъ въ годъ, и сверхъ того, одинъ разъ въ пять лѣтъ особенная коммиссія, со-

стоящая изъ химика и двухъ врачей, ревизуетъ аптеки во всемъ королевствѣ. Здѣсь система подарковъ ревизорамъ и властямъ вовсе неизвѣстна.

Бъ числу благотѣлительнѣйшихъ въ городѣ учрежденій надобно отнести сберегательную кассу, устроенную для дѣтей, служителей, учениковъ, ремесленниковъ, подмастерьевъ и вообще рабочихъ. Вклады въ нее принимаются отъ $\frac{1}{2}$ гульдена до 300 гульденовъ; проценты выдаются разъ въ годъ, по $2\frac{1}{2}$.

Для удобства пріѣзжающихъ сюда на воды лечиться, въ той гостинницѣ, гдѣ они больше всего останавливаются, ставится ящикъ для писемъ. У насъ же и въ стѣлицахъ ни въ одной гостинницѣ нѣтъ ящика для писемъ; а между тѣмъ это было бы удобно и для публики, и для почтоваго управленія. Уже одна выставка ящиковъ на улицахъ была хорошею мѣрою, такъ какъ прежде и того не было, и надобно было съ одного конца горада нести простое письмо на другой конецъ. Но въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и доселѣ не существуетъ ни одного ящика для писемъ на улицахъ, да и получаютъ письма иногда чрезвычайно неисправно. Замѣчательно, что здѣсь вовсе нѣтъ названія городской почты: въ одинъ и тотъ же ящикъ опускаются письма, адресованныя и за границу, и живущимъ въ томъ же городѣ, и франкированные (т. е. съ

почтовыми марками), и не франкированные. Разница въ томъ, что на письмѣ въ томъ же городѣ вы наклеиваете марку въ 3 крейцера, равно какъ и въ другія мѣста не далѣе 10 миль, а на письмѣ за границу—марку въ 20 крейцеровъ. Если въ письмѣ окажется вѣсу болѣе, то доплачиваетъ получающій. Здѣсь письмо въ городахъ доходитъ по назначенію чрезъ каждые два часа, потому что чрезъ каждые два часа вынимаются ящики и переносятся въ почтамтъ. Марки здѣшнія такъ хорошо прилипаютъ къ бумагѣ, что ихъ самому ловкому плуту отпечатать невозможно, а у насъ отстаютъ весьма легко.

Во всей Германіи, которую я проѣхалъ, и въ городахъ и деревняхъ, на всѣхъ улицахъ и перекресткахъ пропасть предувѣдомленій (Warnungen) разнаго рода. Одно, напр., говорить, чтобы по такому-то мѣсту не ѣздили въ экипажахъ и не гоняли скотъ; другое, чтобы не ѣздили скоро по такому-то мосту; третье, чтобы не дѣлали нечистоты; четвертое, чтобы не входили на дворъ нищіе, шарманщики и фокусники; пятое, чтобы не мяти травы, не рвали цвѣтовъ; шестое, что эта дорога ведетъ туда-то; седьмое, что тутъ въ такіе-то часы, дни и мѣсяцы на полѣ производится стрѣльба въ цѣль, и т. д. до безконечности. Здѣсь уже дѣйствительно незнаніемъ мѣстныхъ постановленій отговариваться нельзя, при всеобщей грамотности народа. Въ такомъ

маленькомъ городкѣ, какъ Рейхенгалль, подобныхъ объявленій я насчитывалъ нѣсколько десятковъ. Въ большихъ городахъ, сверхъ того, всѣ столбы заклеены разнаго рода объявленіями о театрахъ, концертахъ и т. п.; на воротахъ и окнахъ домовъ по нашему же выставляются объявленія, но только печатныя, объ отдачѣ квартиръ. Въ такомъ маленькомъ городкѣ, какъ Рейхенгалль, 12 гостинницъ, очень чисто устроенныхъ со всѣмъ необходимымъ постельнымъ бѣльемъ. У насъ и прислугу и постель пужно возить съ собой, по обычаю восточныхъ народовъ, а здѣсь всюду можно путешествовать съ однимъ дорожнымъ мѣшкомъ.

Здѣшнія удовольствія у высшей публики лѣтомъ состоятъ въ прогулкахъ пѣшкомъ и въ экипажахъ. Биржевыхъ извозчиковъ здѣсь нѣтъ, потому что очень малъ городъ, но множество лошадей съ маленькими и большими колясками держатъ хозяева гостинницъ; этихъ лошадей всегда можно брать за цѣну, определенную таксой, которую ежегодно выдаетъ мѣстный магистратъ. Такимъ образомъ, никакая произвольная прижимка невозможна; такса эта довольно высока, и отъ того и лошади и экипажи держатся очень хорошіе. Здѣсь ѣзда въ часъ стоитъ около 50 к. сер.; на цѣлый день коляска въ одну лошадь около 2 р. сер., въ двѣ лошади около 3 руб. сер.

Хорошей музыки я здѣсь не слыхалъ. Мѣстные граждане играютъ, какъ доморощенные артисты, на трубахъ, не лучше нашихъ плохихъ полковыхъ оркестровъ. Впрочемъ, и тѣмъ какая-то графиня-нѣмка, здѣсь лѣжившаяся, подарила знамя, ею вышитое. Таковъ ужъ нѣмецкій патріотизмъ, не знающій ни въ чемъ мѣры. Пѣнія хорошаго я также здѣсь не слыхалъ, кромѣ пѣнія мальчиковъ и раза два какихъ-то запоздалыхъ гулякъ. Я ожидалъ найти гораздо болѣе музыки и пѣнія у нѣмцевъ, славящихся своею любовію къ тому и другому. Здѣсь играютъ и въ карты, только не въ наши игры и не съ нашимъ азартомъ. Здѣсь болѣе двухъ гульденовъ не проигрываютъ. Карты здѣсь стоятъ: порядочныя 10 коп. колода, хорошія 30 коп. Я не хочу обогащать богатаго картежнаго репертуара нашего общества указаніемъ здѣшнихъ игръ. Разсчитливые и любящіе чтеніе нѣмцы пришли бы въ ужасъ отъ нашихъ, такъ называемыхъ коммерческихъ игръ, въ которыя проигрываются сотни и тысячи рублей, и цѣлыя ночи на пролетъ. У нѣмцевъ много предметовъ для занятія гораздо занимательнѣе, чѣмъ карты. Главный конекъ ихъ разговоровъ: иностранныя и внутреннія государственныя дѣла и литература.

Простой народъ, во время праздниковъ, гуляетъ, пьетъ пиво и безпрестанно, въ будни и праздники, куритъ свою коротенькую трубочку съ сквернѣй-

шимъ табакомъ, которую онъ не оставляетъ даже идя и въ церковь, и возвращаясь оттуда домой. Ни хороводовъ, ни пѣсенъ я здѣсь не видалъ и не слыжалъ. Нѣмцы слишкомъ угрюмы и тяжелы для пѣсенъ и плясокъ. Довольно того, что посидать или у себя у воротъ и въ саду, или въ какомъ нибудь локалѣ—цѣлымъ семействомъ, за кружками пива, закусывая хлѣбомъ, да и расходится домой. Водку здѣсь пьютъ до того мало, не смотря на ея дешевизну, что въ цѣломъ городѣ нѣтъ ни одного винокура (Brantweinbrenner), тогда какъ пивоваровъ шесть человѣкъ. Водку привозятъ изъ другихъ городовъ и торгуютъ ею какъ товаромъ, кто хочетъ. Доброту ея поддерживаетъ одна только конкуренція.

Считаю нужнымъ сказать еще нѣсколько словъ о любезномъ Рейхенгаллѣ, и пора съ нимъ проститься. Еще передо мной стоитъ старый Зальцбургъ съ его очаровательными видами. Здѣсь такое обиліе серебра, мелкаго и крупнаго, что не знаешь, куда его дѣвать. Оно такъ же надоѣдаетъ, какъ у насъ мѣдь, прорывающая карманы. Радъ бы взять нашихъ кредитныхъ бумажекъ (Banknoten), но здѣсь ихъ вовсе не видать, не то что въ Австріи (въ Зальцбургѣ), гдѣ ихъ цѣлыя кучи; но объ этомъ рѣчь впереди. Только въ Мюнхенѣ мнѣ принесли однажды красненькую бумажку въ 5 гульденовъ, и за тѣмъ баварскихъ бумажекъ я нигдѣ не видалъ.

Серебро болѣе всего въ ходу; но здѣшнія бумажки принимаются во всей Германіи, потому что финансы Баваріи, какъ небо отъ земли, отстоятъ отъ финансовъ Австріи; но при размѣнѣ баварскихъ бумажекъ въ другихъ странахъ все-таки теряется нѣсколько копѣекъ; внутри же государства въ нихъ не имѣютъ нужды, потому что въ каждомъ городѣ есть банкиръ, на имя котораго берутся и переводятся векселя. Курсъ золота измѣнчивѣе, и потому серебро въ почетѣ. Здѣшнее мелкое серебро собственно не серебро, а только размѣнная монета (Scheidemünze), сдѣланная изъ какой-то композиціи; но съ нимъ просто благодать: можно разсчитываться въ каждой копѣйкѣ, даже въ каждой полушкѣ, представителями которыхъ служатъ крейцеры и фенингги, послѣдніе уже совершенно мѣдные деньги. Нѣмцы съ изумленіемъ смотрѣли на наши новые пятаки серебромъ, которые я имъ показывалъ, и глубокомысленно взвѣшивали ихъ на рукѣ, вѣроятно соображая, въ какомъ количествѣ они могутъ прорвать карманы. Ихъ размѣнная мелкая монета, въ 1, 3 и 6 крейцеровъ, очень мелка и легка, крейцеръ не болѣе нашего серебрянаго пяточка, чистое серебро начинается съ $\frac{1}{2}$ гульдена, поболѣе нашего четвертака. Чисто серебряная монета, гульдены и талеры, всѣхъ государствъ Германіи дѣлаются одинаковой доброты и вѣсу, и ходятъ по всей Германіи; бумажки же только

тѣхъ государствъ не теряютъ своего значенія, финансы которыхъ не разстроены, и народное и государственное хозяйство не находятся въ положеніи промотавшагося, полуграмотнаго и пи на что неспособнаго помѣщика. Наше золото здѣсь ходитъ съ потерей: полунимперіаль берется за 9¹/₂ гульденовъ, значить за 5 руб. 3 коп. Впрочемъ, теперь я живу въ такой странѣ, гдѣ русскаго золота почти не видали, и сношеній съ Россіей не имѣютъ, а слѣдовательно и не могутъ скоро и выгодно сбывать наши деньги. Не знаю, что будетъ во Франціи, въ которой живетъ много Русскихъ и которая ведетъ значительную торговлю въ Россіей. При переводѣ туда нашихъ денегъ, при моемъ отъѣздѣ изъ Россіи, терялось почти 10 проц.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что кромѣ малочисленности чиновниковъ въ Баваріи замѣчательно все ея устройство—на гражданскій, а не на военный ладъ, какъ устроена Пруссія. Гдѣ только можно посадить гражданскаго чиновника, вездѣ предпочитаютъ его военному (*), хотя здѣсь, какъ уже сказано выше, военные не составляютъ плотно, неприступно и гордо замкнутой въ себѣ привилегированной касты, держатъ себя весьма скромно, и

(*) Напр., здѣсь таможенная стража есть учрежденіе чисто гражданское.

получаютъ образованіе большею частію въ тѣхъ же гимназіяхъ и университетахъ, въ какихъ и гражданскіе чиновники. Здѣсь очень мало особенныхъ спеціальныхъ военныхъ школъ, и о нихъ очень мало пишутъ и говорятъ, тогда какъ университеты, гимназіи, семинаріи и элементарныя школы у всѣхъ на умѣ и на языкѣ.

П И С Ь М О Х .

Поездка въ Зальцбургъ.

Проѣзжая Германію, я вездѣ слышалъ о Зальцбургѣ, что это одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ въ цѣломъ мірѣ и лучшее во всей Германіи. Живя въ Рейхенгаллѣ, въ 14 верстахъ отъ Зальцбурга, я рѣшился непремѣнно побывать въ немъ. И такъ, въ одинъ вечеръ, когда погода прояснилась, я попросилъ свою хозяйку прислать мнѣ на слѣдующій день утромъ наемный экипажъ. Въ назначенный срокъ, ровно въ 9 часовъ утра, къ моей квартирѣ подъѣхала легкая крытая рессорная колясочка въ одну лошадь, запряженную, по здѣшнему, безъ дуги. Кучеръ приземистый, коренастый мужикъ, очень похожій на Санхо-Пансу, лошадь по статямъ своимъ очень похожая на Россинанта. Чтобы нескучно было ѣхать,

я упросилъ пріятеля ѣхать вмѣстѣ со мной. Дорога — превосходное шоссе съ очаровательнѣйшими видами вокругъ; но подобныя виды гораздо понятнѣе и пріятнѣе видѣть, чѣмъ читать ихъ описанія, а потому я никогда не распространяюсь о нихъ. Почти на половинѣ дороги растетъ нѣсколько вѣковъ огромное грушевое дерево, о которомъ народная легенда говоритъ, что тутъ будетъ у Нѣмцевъ кровавая и громадная битва, съ кѣмъ — неизвѣстно, и что на выручку Нѣмцевъ явится императоръ Карлъ Великій съ своими рыцарями, которые будтобы живутъ вблизи этого мѣста, въ горѣ Untersberg. Вообще въ горахъ здѣсь очень много различныхъ сказокъ. Народная фантазія населила горы живыми существами и духами. При постоянномъ колебаніи старыхъ началъ, на которыхъ доселѣ основывалось положеніе Европы, Нѣмцы ждутъ неизбежной и громадной войны, изъ которой Европа должна выйти въ новомъ видѣ, и кто знаетъ, можетъ быть народныя фантазіи отчасти и оправдаются. Верстахъ въ 8 отъ Рейхенгалля находится австрійская таможня; по обѣимъ сторонамъ дороги стоятъ доски съ предувѣдомленіями (*Wagpungen*), чтобы ничего не провозили запрещеннаго къ привозу и не оплаченнаго пошлиной. Я уже говорилъ, что эти *варнунгенъ* здѣсь на каждомъ шагу, и незнаніемъ мѣстныхъ законовъ отговариваться дѣйствительно нельзя, потому что весь народъ грамо-

тень. Къ величайшему своему благополучію, я взялъ съ собой паспортъ; мнѣ и въ голову не приходило спросить кого нибудь, нужно ли брать его съ собой, потому что я ѣхалъ въ Зальцбургъ на нѣсколько часовъ, а по истеченіи сутокъ самое подозрительное правительство можетъ высылать безпаспортныхъ путешественниковъ. Да и кто рискнетъ ѣхать на житье въ такое государство, какъ Австрія, безъ паспорта? Мой пріятель совѣтовалъ мнѣ быть очень осторожнымъ въ Зальцбургѣ. Мой паспортъ держали въ таможнѣ около 10 минутъ и еще спросили, изъ какого я города, который будтобы очень неразборчиво написанъ. Послѣ того тщательно осмотрѣли нашъ маленькій экипажъ. Около самаго Зальцбурга какая-то старая Нѣмка собираетъ шоссейныя деньги, кажется 18 крейцеровъ за каждую лошадь, и выдаетъ билеты на проѣздъ. Мой извозчикъ съ ожесточеніемъ бросилъ ей австрійскій налогъ.

По совѣту знакомыхъ, я проѣхалъ чрезъ Зальцбургъ прямо въ загородный садъ, верстахъ въ трехъ отъ города, называемый Hellbrunn. Туда ведетъ аллея, какой я еще никогда не видывалъ. Представьте себѣ вѣковые вязы, буки, клены, каштаны и дубы, сросшіеся верхушками и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно не пропускающіе солнечныхъ лучей. Иные буки и дубы имѣютъ отъ роду болѣе 400 лѣтъ. Въ промежуткахъ между деревьями то и дѣло мелькаютъ оча-

ровательнѣйшіе виды горныхъ мѣстностей. Hellbrunn — источникъ, вытекающій изъ подошвы горъ, и совершенно справедливо носить свое названіе: свѣтлѣ этой воды я еще не видывалъ, это настоящій горный кристаллъ. Бѣжитъ онъ въ наклонной долинѣ, по мелко песчаному грунту до самаго Зальцбурга. Искусству легко было пристать къ такому бойкому и обильному ключу и сдѣлать изъ его воды и бассейны, и каскады, и разные сюрпризы. Въ горахъ почти у каждаго крестьянина есть фонтанъ въ огородѣ и непрерывный токъ воды около дома: все это отводится очень легко и дешево отъ горныхъ потоковъ. Есть въ этомъ саду довольно порядочныя статуи, бесѣдки и гроты изъ горнаго камня, но сюрпризы похожи на нѣмецкую помаду, дѣлаемую изъ сала съ гвоздичнымъ масломъ, и на торты съ анисомъ. Последній нашъ садовникъ сдѣлалъ бы изъ такого чуднаго ручья, при такомъ обиліи камня, дѣйствительно сюрпризы, а не кукольную комедію. Не говорю о нашихъ публичныхъ садахъ, гдѣ почти все дѣлается искусство и ничего природа. Здѣсь же вся окружающая мѣстность сама по себѣ есть сюрпризъ. Вода въ прудахъ, наполняемыхъ изъ этого ручья, такъ чиста, что видна вся рыба, которая въ нихъ живетъ, и самое дно прудовъ: бросьте хоть иголку, и ту будетъ видно. Къ моему товарищу, вѣроятно отъ близости воды, возвратился пароксизмъ дыха-

радки, которою онъ страдалъ, и мы должны были искать мѣста, гдѣ бы отдохнуть. Намъ указали подъ неприкосновенной тѣнью каштановъ, за большимъ каменнымъ домомъ, нѣсколько простыхъ столовъ со скамейками, на которыхъ сидѣли мужчины и женщины, и прохладжались пивомъ, закусывая его чернымъ хлѣбомъ. Тутъ же усѣлись и мы: я спросилъ себѣ кружку пива, за которую заплатилъ вдвое дороже, чѣмъ въ Баваріи. Таковы были мои первые шаги на австрійской землѣ. Пословица говоритъ: по передней можно судить о гостиницѣ, по лакею о баринѣ. Я забылъ еще сказать, что меня здѣсь поразила фигура одного офицера, съ такою гордостью и самодовольствомъ взираваго на всю остальную публику, что невольно приходилось припоминать и сравнивать многое. Въ такихъ думахъ мы доѣхали до Зальцбурга, по той же аллеѣ. Общій видъ на городъ отсюда, и со стороны Рейхенгалля, очень мраченъ; эту мрачность болѣе всего придаетъ ему древняя крѣпость, стоящая на высокой горѣ, среди самаго города. Всѣ крѣпости вообще здѣсь невольно напоминаютъ господство грубой силы и произвола, особенно съ такими ужасными воспоминаніями, какъ крѣпость Зальцбургская. Городскія зданія красивы только издали, а когда подъѣдешь поближе, то видишь грязные и сырые дома отъ 4 до 8 этажей, въ видѣ длинныхъ и узкихъ фабрикъ. Среди города

мчится бурная и мутная горная рѣка Зальцбахъ. По обѣ ея стороны находятся, какъ сказано въ путеводителяхъ, зданія, напоминающія Венецію, а на самомъ дѣлѣ это грязныя и сырыя, очень высокія зданія, на галлереяхъ, окнахъ и крышахъ которыхъ сушится мокрое бѣлье. На правой сторонѣ рѣки, дома имѣютъ только три стѣны; заднюю же замѣняетъ имъ каменная гора, въ которую они врѣзываются. Такая экономическая постройка здѣсь въ модѣ у всѣхъ горныхъ жителей. Кругомъ всего города идутъ амфитеатромъ горы, представляющія самые разнообразныя виды: нѣкоторыя покрыты густыми лѣсами и катятъ съ плечъ своихъ ручьи; другія—вѣчными снѣгами, третьи стоятъ, обнаживъ свои каменные нѣдра.

Приѣхавъ въ городъ, мы остановились у рекомендованной гостиницы: Drei Ailirten (*). Зазвенѣлъ привратникъ, и къ намъ на встрѣчу вылетѣли нѣсколько лакеевъ и самъ хозяинъ, очень чисто одѣтые во фраки. Но такъ какъ со мной ничего не было, кромѣ дождеваго англійскаго зонтика и нѣмецкой дорожной сумки, то всей этой свитѣ приходилось идти съ пустыми руками. Ихъ сильно огорчило то, что мы приѣхали такъ налегкѣ и не богато одѣтые—знакъ,

(*) Въ этой гостиницѣ было осенью свиданіе австрійскаго императора съ баварскимъ королемъ.

что будетъ плохая пожива. Всѣ здѣшнія кушанья почти вдвое дороже баварскихъ, хотя составъ и способъ приготовленія совершенно одни и тѣ же. За то противъ самой гостинницы находится домъ, въ которомъ родился Моцартъ, съ крупною надписью по фасаду всего дома: *Mozartsgeburtshaus*. Вотъ какъ Нѣмцы уважаютъ своихъ полезныхъ гражданъ!

Послѣ обѣда мой товарищъ остался отдохнуть, а я съ комиссіонеромъ отправился осматривать городъ. Прежде всего меня поразили вонючія и грязныя лавки и погребя; крестьянскія лошади, попадавшіяся и за городомъ и въ городѣ, большею частію влячи, сами ихъ хозяева покрыты лохмотьями. Все это вблизи съ Баваріей представляетъ очень рѣзкій контрастъ. Улицы въ городѣ, какъ и вообще во всѣхъ старинныхъ городахъ, кривыя и очень узкія; зданія не отличаются архитектурой одно отъ другаго; 5-ти, 6-ти и 7-ми-этажные дома плохо выкрашены снаружи, съ неизбѣжными жалюзи, и крыты черепицей и гонтомъ, (Я забылъ сказать, что здѣсь, и въ деревняхъ, и въ городахъ, крыши или изъ черепицы, или изъ гонту; желѣзныя очень рѣдки. Черепичная крыша стоитъ около 30 лѣтъ, гонтовая около 15).

Первое, что указалъ мнѣ мой проводникъ, былъ памятникъ Моцарту, исполненный по рисункамъ Шванталера. Памятникъ этотъ представляетъ Моцар-

та стоящимъ во весь ростъ съ ногами въ одной рукѣ: вся фигура исполнена жизни и красоты. Когда взрывали землю подъ фундаментъ этого памятника, то нашли цѣлую римскую хижицу со всею утварью, которая и хранится въ здѣшнемъ музеѣ. Въ Германіи каждый городокъ имѣетъ свой музей. Второе мѣсто, мною видѣнное, былъ соборъ, выстроенный архитекторомъ Саитино-Солари по образцу Ватикана, между 1614 и 1628 гг. Фасадъ его изъ бѣлаго мрамора, внутренность украшена множествомъ статуй, фресковъ Солари и Масканьи, картинъ знаменитыхъ художниковъ, и превосходнымъ органоу. Но я не могъ хорошо всего разглядѣть: на улицѣ было жарко, а подъ высокими и толстыми сводами собора холодно, и нельзя было долго оставаться, не рискуя простудиться. Это замѣчанье не мѣшаетъ имѣть въ виду всѣмъ посѣщающимъ огромныя каменныя зданія, особенно съ высокими сводами, безъ оконъ, или съ очень узкими окнами и расписанными въ нихъ стеклами. Въ такія зданія лѣтомъ съ улицы входишь рѣшительно какъ въ погребъ. Для этихъ случаевъ надобно всегда имѣть съ собой въ запасъ пальто. Крыша собора въ прошломъ году сгорѣла, остальное все успѣли спасти; здѣсь очень богатая ризница. Теперь дѣлаютъ новую крышу. На площади между соборомъ и дворцомъ, въ которомъ въ настоящее время живетъ мать императора, паходится бронзовая

группа Богородицы, ангеловъ и святыхъ очень хорошо отлитая; съ этого мѣста лучшій видъ на соборъ. Около него находится колокольня, на которой въ 11 ч. утра, и въ 6 вечера, играетъ по нотамъ колокольная музыка: колоколовъ очень много, и они очень хорошо подобраны. Какой затѣйникъ устроилъ эту музыку, я забылъ спросить. Недалеко отсюда я видѣлъ 2 фонтана, изъ которыхъ одинъ чрезвычайно красивъ и группа изъ нѣсколькихъ лицъ въ немъ сдѣлана изъ одного цѣльнаго куска мрамора, рядомъ съ нимъ 2 очень красивыя гранитныя купальни, устроенныя прежними Зальцбургскими архіепископами для своихъ лошадей. Вѣрно гораздо легче отказываться отъ міра и его прелестей на словахъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, и архіепископы-деспоты безъ всякой жалости муча людей имѣли самое нѣжное попеченіе о своихъ лошадяхъ.

Потомъ мой проводникъ отправился выправить билетъ для осмотра крѣпости, для чего взялъ мой паспортъ и пошелъ въ какую-то солдатскую канцелярію; чрезъ нѣсколько времени онъ явился съ подписаннымъ билетомъ, который выдается бесплатно. Меня очень удивила такая щедрость австрійскаго правительства; въ Рейхенгаллѣ я осматривалъ королевскія соловарни и долженъ былъ заплатить за билетъ въ канцеляріи 24 крейцера, исключая Trinkgeld проводнику. Баварскіе финансы и сравнивать нельзя

съ австрійскими: это банкирь, и нищій. Прежде всего мы подошли къ подножію горы, на которой стоитъ крѣпость, осмотрѣли тутъ очень древнюю маленькую церковь, потомъ множество надгробныхъ памятниковъ, замѣчательныхъ по мысли и красотѣ, но не пышностью и богатствомъ. Надъ могилой обыкновенно дѣлается четырехъ-угольный ящикъ, деревянный или каменный, насыпается хорошей землей и насаживается цвѣтами; въ изголовьѣ ставится металлическій, деревянный или мраморный крестъ съ доской внизу, на которой написано, кто погребенъ. Вотъ и весь памятникъ; между памятниками нѣтъ никакихъ перегородокъ, указывающихъ на отличіе породъ или на право собственности; все кладбище представляетъ видъ цвѣтника и справедливо носить названіе Божіей нивы (Gottesacker) даже по наружному своему виду.

Въ самой горѣ мой проводникъ указалъ мнѣ на три небольшія окна, саженьхъ въ 10 отъ земли, и нѣсколько пониже на небольшую церковь, высѣченную также въ горѣ. Первая пещера есть келья Св. Максимиліана, просвѣтителя здѣшняго края, вторая—церковь, куда онъ сходилъ по лѣстницѣ молиться съ своими учениками. Нахлынувшія на это римское поселеніе толпы варваровъ—Геруловъ не пощадили и святаго мужа: они сбросили его изъ кельи внизъ на каменную почву, а 50 его учениковъ удавили около тѣла этого мученика. Я не входилъ

ни въ келью, ни въ церковь: входъ въ нихъ очень крутъ и едва обнесешь легонькими перилами. Людямъ, подверженнымъ головокруженію, входить туда не безопасно; сверхъ того, въ такихъ землянкахъ сырость и холодъ еще чувствительнѣе, чѣмъ въ зданіяхъ, построенныхъ надъ землей при одинаковомъ доступѣ воздуха и солнца.

Мы стали взбираться на гору, на которой стоитъ крѣпость. Для людей слабыхъ и дамъ устроены носилки, въ которыхъ за 1 гульденъ внесутъ носильщики. Когда мы взбирались, мой проводникъ спросилъ меня, откуда я, и узнавъ, что изъ Россіи, съ одушевленіемъ началъ рассказывать объ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, которая, по его словамъ, была здѣсь въ 1845 году и которую онъ провожалъ по здѣшнимъ живописнымъ мѣстностямъ. «Много я видалъ на своемъ вѣку путешественниковъ, но добрѣ этой Государыни не видалъ, да никогда и не увижу» — вотъ его подлинныя слова. Я спрашивалъ: много ли здѣсь перебываетъ въ лѣто путешественниковъ, и кто лучше всѣхъ платитъ? Болѣе всѣхъ бываетъ Англичанъ, а платятъ лучше всѣхъ Русскіе. Входъ въ крѣпость совершенно безопасный и очень живописный. Крѣпость выстроена въ XI вѣкѣ, имѣетъ неправильную форму, возвышается надъ городомъ отъ поверхности рѣки на 700 футовъ. Множество ходовъ и переходовъ, лѣстницъ и корри-

доровъ ведутъ на самую ея вершину, откуда открывается дивная панорама всего города и его окрестностей. Ни одинъ путешественникъ не отказывается насладиться однимъ изъ лучшихъ видовъ въ мірѣ. Моя проводница указывала мнѣ комнату, гдѣ «Намѣстники Христа» — зальцбургскіе архіепископы производили пытки не сознававшимся въ преступленіяхъ людямъ. Чтобы вынудить признаніе даже у тѣхъ, которые ничего не знали о взводимомъ на нихъ преступленіи, особенно въ дѣлахъ совѣсти, въ одной комнатѣ стояла такъ-называемая *Eiserne Jungfrau*, деревянный болванъ наподобіе женщины, весь утыканный ножами. Мнимаго или истиннаго преступника вталкивали въ объятія этой пѣжной дѣвы и она пронизывала его насквозь ножами, послѣ чего открывалось подъ ногами отверстіе, и несчастный сваливался въ каменную пропасть, высѣченную въ горѣ, гдѣ и разбивался въдребезги. Нечего сказать, хороша выдумка архіепископовъ! И такая злая насмѣшка надъ женщиной, на которую способны только мусульманскіе евнухи! Въ этой же миленькой комнатѣ были тяжелыя гири, которыми растягивали живаго человѣка по частямъ, вѣшая его за шею и привязывая гири къ рукамъ и къ ногамъ. Комнаты архіепископовъ находятся въ этомъ же орлиномъ гнѣздѣ; впрочемъ тутъ жили не всѣ архіепископы; съ того времени, какъ одинъ изъ нихъ былъ заключенъ взбунтовавшимся народомъ

въ собственномъ жилищѣ, архіепископы совершенно перестали тамъ жить. Комната, въ которой содержался заключенный около 7 лѣтъ, не болѣе 4 аршинъ въ длину и 3 въ ширину, съ однимъ окномъ, изъ котораго впрочемъ открываются превосходные виды на окрестныя горы. Нынѣ архіепископы живутъ около собора, и уже не имѣютъ свѣтской власти надъ городомъ; но, какъ все католическое духовенство, хотя и оставившее кровавые слѣды въ исторіи, имѣютъ огромное нравственное вліяніе на народъ. Хитрое и образованное католическое духовенство, служа лицу папы, въ то же время служитъ лицу австрійскаго императора. Конечно за такую усердную службу оно пользуется приличной благодарностью и владѣетъ огромными матеріальными средствами. Въ Зальцбургѣ два мужскихъ монастыря, плодотворные разсадники сѣмянъ папства (которому, впрочемъ, Французы готовятъ скорый конецъ) и деспотизма (дни котораго сочтены). Одинъ монахъ съ крестомъ на шеѣ попался мнѣ, при выходѣ изъ крѣпости, такой здоровый, что могъ бы таскать 9-ти-пудовыя кули. Мой проводникъ благоговѣйно ему поклонился. Внутри крѣпости содержится австрійскій гарнизонъ, для чего—уже не могу сказать. Ежедневно, утромъ и вечеромъ, ходятъ шалуны съ сѣдыми усами рапортовать коменданту, что все въ крѣпости обстоитъ благополучно, и комендаты, по-

кручивая свои усы, вѣроятно серьезно выслушиваетъ такіе рапорты, хотя ему очень хорошо извѣстно, что въ крѣпости, кромѣ его солдатъ и мышей, другихъ жильцовъ нѣтъ. Пропасть такихъ комедій совершается всюду. И къ чему тутъ позволеніе осматривать крѣпость, какъ будто она такая твердыня, что опасно позволять ее видѣть всѣмъ, потому что могутъ списать планы и передать непріятелю. При нынѣшнемъ состояніи артиллеріи, такая крѣпость значитъ не болѣе глинянаго горшка. И его держать въ секретѣ!

Говорятъ, хороши виды съ другой горы, пониже, называемой *Mönchsperg*; но я такъ измучился, что уже не ходилъ туда. При спускѣ изъ крѣпости, хорошъ видъ на амфитеатръ, высѣченный еще во времена Римлянъ въ горѣ. Замѣчательнъ и тоннель, прорытый черезъ эту гору въ концѣ XVIII столѣтія архіепископомъ Сигизмундомъ и имѣющій 450 ф. длины, 22 ширины и 39 вышины. Въ настоящее время конечно есть множество тоннелей и несравненно громаднѣе и смѣлѣе устроенныхъ. Желѣзныя дороги довели построеніе ихъ до чудныхъ размѣровъ; но тѣмъ замѣчательнѣе Зальцбургскій тоннель, какъ прекрасный памятникъ искусства, какимъ оно было около 80 лѣтъ тому назадъ. Сверхъ того, въ городѣ есть музей съ замѣчательнѣйшими мѣстными древностями: оружіемъ, монетами, посудой и проч., временъ Римлянъ, мѣстною флорой и фауной, и собраніе всего оставша-

гося послѣ Моцарта. Видѣть все это можно ежедневно.

По дорогѣ домой, я зашелъ въ лавки кое-чего купить и нашелъ все дороже, чѣмъ въ Баваріи. Во всѣхъ лавкахъ цѣлыя груды бумажныхъ денегъ: золота совершенно не видать, а серебро почти одно только баварское. За русскій полуимперіаль мнѣ здѣсь давали $10\frac{1}{2}$ гульденовъ, бумажками очень красивыми, но я предпочелъ получить $9\frac{1}{2}$ баварскимъ серебромъ, потому что австрійскія бумажки можно продать съ потерей 10 процентовъ въ одной только сосѣдней Баваріи, а въ остальной Германіи ихъ совсѣмъ не берутъ. Не задолго предъ тѣмъ здѣсь говорятъ, были цѣлыя груды мѣдныхъ денегъ, которыя вмѣсто золота и серебра служили размѣною монетой. Съ проклятіемъ принимали ихъ, особенно Баварцы, не привыкшіе прорывать свои карманы дрянными деньгами и пачкать руки вонючею мѣдью; но теперь я не видалъ даже и мѣдныхъ денегъ.

Еще когда я былъ на верхней площадкѣ крѣпости, моя проводница, указывая на мглу, покрывающую горы, сказала, что къ вечеру непременно будетъ громъ и дождь, что мѣстные жители хорошо знаютъ свой климатъ, и что здѣсь за двумя днями ясной погоды непременно слѣдуетъ дождь. Горы и лѣса притягиваютъ къ себѣ облака, и я легко ей повѣрилъ, потому что въ Рейхенгаллѣ видѣлъ подтвержденіе

ея словъ, и поспѣшилъ возвратиться. До таможни мы успѣли доѣхать еще до дождя, но уже собирались черныя тучи на горизонтѣ. Я думалъ, что въ таможнѣ не будетъ никакой задержки, но жестоко ошибся. Ко мнѣ подошелъ какой-то форменный человѣкъ и спросилъ: не везу ли я чего нибудь изъ Зальцбурга? Я отвѣчалъ, что купилъ двѣ кружки, да дюжину апельсиновъ. И то и другое поступило въ таможню, гдѣ подверглось осмотру и взвѣшиванію. За кружки съ меня не взяли ничего; но за дюжину апельсиновъ взяли 6 крейцеровъ пошлины. Чиновникъ опять спросилъ у меня паспортъ, но я ему отвѣтилъ, что уже подавалъ его утромъ, что вѣроятно онъ у нихъ записанъ; тогда онъ удовольствовался тѣмъ, что спросилъ мою фамилію и далъ мнѣ квитанцію въ 6 крейцерахъ, полученныхъ отъ меня за апельсины. Но я далъ имъ баварскіе 6 крейцеровъ, и мнѣ не дали сдачи, хотя баварскій шести-крейцерикъ стоитъ восемь австрійскихъ крейцеровъ. (На этомъ основывается очень выгодная торговля баварскими крейцерами въ Австріи). Только что выбрались мы изъ таможни, какъ полилъ дождь, заревѣлъ громъ, засверкала молнія, и при такой-то веселой декорациі мы возвратились въ свое альпійское ущелье.

П И С Ь М О Х I .

Отъ Рейхенгалля до Парижа.

Дожди, туманы и холодъ рѣшительно выжили меня изъ Рейхенгалля. Мѣстные жители и не запомнятъ такого дурнаго лѣта. Представьте себѣ, что здѣсь $15/_{27}$ мая на горахъ выпалъ снѣгъ, а въ долинахъ термометръ показывалъ только 5° тепла. Я топилъ свою чугунную печку по 5 разъ въ день, конечно не закрывая трубы, потому что иначе пришлось бы умереть отъ угару. Изъ газетъ было видно, что во всей западной Европѣ такое же дурное лѣто, но это было плохимъ утѣшеніемъ для тѣхъ, которые пріѣхали сюда лѣчиться, и не иначе могли показаться на улицѣ какъ подъ зонтиками и цѣлый день дрожали въ своихъ жилищахъ. Въ цѣлый мѣсяцъ я едва успѣлъ взять только 10 соленыхъ ваннъ, и выпилъ десятка два стеклянокъ свѣжевыжатыхъ соковъ. $6/_{18}$ іюня въ туманъ, холодъ и дождь я направилъ свои стопы изъ ущелій Альпійскихъ обратно въ равнины, гдѣ надѣялся найти болѣе солнца и тепла. Въ Рейхенгалль я ѣхалъ ночью, отсюда же отправился въ 10 ч. утра въ почтовой каретѣ, и не смотря на отвратительную погоду, нельзя было не восхищаться дивными кра-

сотами горъ съ ихъ ущельями, водопадами, долинами, обрывами, шпицами и т. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога лѣпится по обрывистымъ скаламъ падъ пропастями сажень во 100 глубины и огорожена самою легкой и низенькой каменной стѣнкой, или низенькими деревянными перилами. Взбѣсись одна лошадь и отъ кареты съ пассажирами остались бы одни куски. Дрожь пробѣгала по кожѣ, когда вспомнишь, что проѣзжая ночью не могъ даже видѣть и того, въ какомъ положеніи находился кучеръ; напейся онъ пьянъ или задремли на козлахъ (что въ другихъ странахъ составляетъ самое обыкновенное явленіе), днемъ можно видѣть, выдти изъ кареты и идти пѣшкомъ; ночью пассажиръ всего себя отдаетъ на волю почтальона; но здѣсь къ счастью пьяный человѣкъ есть рѣдкое исключеніе. Около трехъ часовъ плелись мы шагомъ взбираясь и опускаясь съ одной горы на другую; почтальоны большею частію шли пѣшкомъ для облегченія лошадей. Пара лошадей везетъ четырехмѣстную карету съ багажемъ, 4 пассажирами, почтальономъ и кондукторомъ. Удивительно, какъ ко всему привыкаетъ человѣкъ; въ нѣкоторыхъ ущельяхъ выстроены крестьянами большіе дома, прилѣпленные къ скаламъ, внутри которыхъ выдолблены сараи для дровъ и прочей домашней утвари. Эти склады безъ всякой загороди: какъ ходятъ эти люди и пускаютъ своихъ дѣтей на

такихъ страшныхъ высотахъ безъ всякой предосторожности? Большею частію эти дома находятся при водопадахъ, на которыхъ устроены разные мельницы, лѣсопильныя, мукомольныя и т. д. Наконецъ мы выбрались изъ горъ и поѣхали скорѣе. Облака начали рѣдѣть и наконецъ мало по малу какъ бы не хотя показалось солнце, которое однако не могло согрѣть холоднаго воздуха. До самаго Мюнхена все еще тянутся остатки горъ въ видѣ холмовъ, постепенно рѣдѣющихъ и понижающихся. Невольно я часто оглядывался всю дорогу, разставаясь съ горами можетъ быть навсегда, и онѣ какъ нарочно выступали передо мной все болѣе и болѣе величественными: маленькія горы исчезали въ туманѣ, но зато большія изъ разныхъ частей сливались въ одну громадную массу, покрытую снѣгами. Много прекрасныхъ воспоминаній уносилъ я изъ нѣдръ этихъ памятниковъ міровыхъ событій, но жить всю жизнь среди ихъ не согласился бы точно такъ же, какъ едва ли кто нибудь согласился бы жить среди прелестнѣйшаго въ мірѣ кладбища. И горы и кладбища на меня производятъ одинаково мрачное впечатлѣніе: и тамъ и здѣсь памятники разрушенія, сколько бы живучая природа и жизнелюбивая рука человѣка ни старались ихъ украсить и замаскировать всѣми красотами видовъ, роскошью растительности, благодатнымъ климатомъ и т. д. Всѣ уроженцы долинъ

не могутъ долго жить въ горахъ, хотя здѣсь и воздухъ лучше и климатъ ровнѣе, чѣмъ въ долинахъ; одна уже узкость горизонта ограниченного горами производитъ тяжелое впечатлѣніе. Природные жители горъ отличаются здоровымъ тѣлосложеніемъ, угрюмостью и грубоватостью.

Въ 30 верстахъ отъ Рейхенгалля въ Траунштейнѣ я сѣлъ въ 4 часа на желѣзную дорогу и въ 9 часовъ вечера пріѣхалъ въ Мюнхенъ. Небо всю дорогу разяснялось и обѣщало на другой день хорошую погоду.—На путевомъ дворѣ въ Мюнхенѣ я былъ въ недоумѣніи, въ какой экипажъ сѣсть: ѣхать ли въ старую гостинницу или попытать счастья и сѣсть въ омнибусъ, принадлежащій какой нибудь другой гостинницѣ. Я видѣлъ, что въ разные экипажи садилось разное количество людей. Въ одинъ напр. сѣла очень хорошенькая нѣмочка брюнетка съ двумя своими поклонниками, по видимому студентами, въ другой столпилось столько, что не оставалось ни одного свободнаго мѣста. Что дѣлать? Я выбралъ самый большой омнибусъ, по тому соображенію, что вѣроятно больше всего бываетъ пассажировъ въ эту гостинницу, сѣлъ и поѣхалъ одинъ; болѣе никого желающаго не нашлось ѣхать въ *Hôtel de la Bavière*, хотя мѣсть въ омнибусѣ не менѣе 30. Только что экипажъ подѣхалъ къ гостинницѣ, выбѣжалъ весь ея служебный персоналъ въ чер-

ныхъ фракахъ и бѣлыхъ жилетахъ, но когда увидѣли не богатаго туза, а скромнаго странника съ однимъ чемоданомъ и дорожной сумкой, и когда услышали, что нужна не дорогая, но теплая и сухая комната, то все отворотило въ сторону свои физиономіи, и мнѣ отвели такую комнату, что я отворивши въ нее дверь могъ только сказать провожавшему меня кельнеру, что я не намѣренъ умирать въ сыромъ и душномъ погребѣ, и круто поворотилъ назадъ, не желая уже болѣе оставаться ни минуты среди такихъ безсовѣстныхъ и нахальныхъ невѣждъ. За мной вынесли мой багажъ, я рассчитался за omnibusъ съ пьянымъ кучеромъ (который при хозяинѣ хотѣлъ меня обсчитать), взялъ извозчикью карету, случайно только что подъѣхавшую, и отправился въ старую гостиницу Маріенбадъ, въ которую также не много находится охотниковъ ѣхать. Въ прошлый разъ на доскѣ было выставлено только 8 занятыхъ номеровъ, и теперь число это не увеличилось. Миниатюрность всѣхъ порцій и невѣжливая прислуга конечно всего болѣе отталкиваютъ отъ этой очень хэршэй гостиницы посѣтителей. Здѣсь мнѣ рассказали, что съ самаго моего отъѣзда отсюда стояла все дождливая и холодная погода и что 22 мая (3 іюня) былъ такой ураганъ съ градомъ, что въ сторонѣ къ нему обращенной во всемъ Мюнхенѣ не осталось ни одного цѣльнаго стекла. —

Въ Мюнхенѣ пробылъ я одинъ только день. Въ этотъ разъ я осмотрѣлъ здѣшнія стеклянныя издѣлія въ магазинѣ, помѣщающемся подъ аркадами. Такихъ издѣлій, какія я видѣлъ здѣсь, мнѣ видѣть не удавалось еще нигдѣ. Цѣны очень невысокія. Королевскую фабрику фарфоровыхъ издѣлій видѣть не удалось, но самыя издѣлія видѣлъ въ другихъ магазинахъ: фарфоръ хорошъ, но работа несравненно грубѣе французской. На этотъ разъ я счелъ необходимымъ купить кое-что въ оптическомъ институтѣ Мертца, Фраунгофера и компаніи. И купилъ себѣ очень хорошую зрительную трубу и двѣ театральныя трубки, очень дешево. Въ заведеніи стоитъ телескопъ, дѣланный для Лиссабонской обсерваторіи; отсюда же вышелъ телескопъ и на нашу Пулковскую обсерваторію. Хозяинъ очень любезный человѣкъ и я пробылъ незамѣтно въ его институтѣ болѣе часу. Отсюда отправился въ посольства: русское и французское визировать паспорта. Эти церемоніи въ настоящій вѣкъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ пахнутъ такою отсталостью, что и говорить не хочется. Не смѣшно ли и не горько ли становится путешественнику, когда онъ выѣзжая напр. изъ Москвы долженъ объѣздить консульства всѣхъ государствъ, въ которыя онъ намѣренъ ѣхать? И кромѣ помѣтокъ этихъ консульствъ во всѣхъ городахъ, гдѣ онъ остановится, онъ еще долженъ

являть свой паспортъ и мѣстному управленію, и тому, въ область котораго онъ намѣренъ двинуться. Однимъ словомъ: паспорта — это вериги на ногахъ у путешественниковъ благонамѣренныхъ, а злонамѣренный всегда пройдетъ, куда хочетъ, и безъ паспорта. Спасибо доброму Нѣмцу, служителю нашего посольства; онъ взялся засвидѣтельствовать и въ нашемъ и во французскомъ посольствѣ мой паспортъ въ продолженіи двухъ часовъ, которые я долженъ былъ потерять переходя изъ одного мѣста въ другое. Я съ радостью заплатилъ ему за труды по его желанію около 50 к. с. и 5 франковъ, заплаченные имъ во французскомъ посольствѣ, ужъ не знаю за что; эта въѣздная во Францію пошлина была обозначена на паспортѣ (*). Нѣмецъ, принесшій мнѣ паспортъ обратно, вмѣстѣ съ нимъ принесъ изъ французскаго посольства нѣкоторые вопросы, на которые я долженъ былъ отвѣтить на клочкѣ бумаги. Оказалось, что во французскомъ по-

(*) Въ Берлинѣ за каждые 5 дней пребыванія въ немъ иностранца берутъ 5 грошей за какую-то Aufenthaltkarte, билетъ на прожитіе, въ которомъ никто не имѣетъ ни малѣйшей нужды. Какъ это не скучно ухитряться ушному народу на такіе кукольные налоги? Правду мнѣ говоритъ одинъ пруссакъ, что и у нихъ существуетъ довольно, на ихъ долю нелѣпостей, поражающихъ своей безсмыслицей,

сольствѣ не умѣютъ по-нѣмецки даже читать. Паспорты наши выдаются на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, введенномъ въ это дѣло кажется еще при Петрѣ; такъ я заключаю по складу рѣчи необыкновенно тяжелой. Французское посольство просило написать мое имя и фамилію, мѣсто рожденія и жительства, званіе, цѣль путешествія и имя губернатора, подписавшаго паспортъ. Въ Германіи нигдѣ не спрашивали меня о цѣли путешествія, даже мелочная, любопытная и педантическая прусская полиція не желала этого знать, а въ Мюнхенѣ, даже вовсе не спрашивали и паспорта. Французское правительство оказывается такъ же любопытнымъ, какъ австрійское: плохая для него рекомендація.

Въ 5 часовъ вечера я отправился въ омнибусъ гостиницы на путевой дворъ, взять мѣсто до Аугсбурга. Съ сожалѣніемъ я расставался съ Мюнхеномъ, который образованный и умный король Людовикъ сдѣлалъ средоточіемъ германскаго искусства и предметовъ уваженія всей Германіи. Ни одинъ городъ еще не производилъ на меня такого теплаго впечатлѣнія, какъ Мюнхенъ; здѣсь въ миниатюрѣ есть почти все изящное, что разсѣяно по цѣлой Европѣ. Здѣсь есть даже кристалльный дворецъ, очень небольшой, но сдѣланный по образцу Лондонскаго и служащій для выставки промышленности; это было послѣднее зданіе, съ которымъ я прощался

какъ съ старымъ знакомымъ, проѣзжая мимо его на желѣзную дорогу.

Около 7 ч. вечера поѣздъ пришелъ въ Аугсбургъ; вплоть до самаго этого города мѣстность ровная, по мѣстамъ кочки и болота, напоминающія Сѣв. Россію; только по направленію къ Мюнхену виднѣются снѣжныя вершины Альповъ. Въ нѣкоторыхъ здѣшнихъ болотахъ добывается превосходный торфъ, который употребляется здѣсь и на желѣзныхъ дорогахъ. По дорогѣ я видѣлъ толпы людей, занимающихся его обработкой.—Вышедши на станціи въ Аугсбургѣ и получивши свои вещи, я на этотъ разъ послушался совѣта своего спутника и сѣлъ въ тотъ омнибусъ, въ который болѣе всего сѣли другіе пассажиры. И я не ошибся: дѣйствительно гостинница Goldene Traube очень хорошал, съ услужливой прислугой, очень внимательнымъ хозяиномъ и хорошимъ столомъ; здѣсь я заказалъ себѣ спаржи съ обыкновеннымъ нашимъ сладкимъ соусомъ, чему не мало дивилась нѣмецкая кухня, приготовляющая спаржу только съ прованскимъ масломъ. Воѣ наши русскія прихоти здѣсь плохо удовлетворяются и дорого обходятся. Аугсбургъ большой и старинный нѣмецкій городъ готической архитектуры. Осматривать его я не ходилъ: надобно было выспаться къ 5 ч. слѣд. утра, чтобы не тѣряя времени и денегъ ѣхать въ Стразбургъ.

8 (20) іюня въ 5 ч. утра было такъ холодно, что сидя въ омнибусѣ гостиницы, возьмемъ насъ на желѣзную дорогу, всѣ мы дрожали, хотя на всѣхъ было по суконному пальту сверху сюртуковъ. Такое благодатное лѣто выдалось нынѣшній годъ! Залы всѣхъ 3 классовъ на путевомъ дворѣ очень просты и хороши. Отсюда идетъ прямая дорога до Парижа. Но проѣхать 1000 верстъ безъ отдыха тяжело, и я взялъ мѣсто до Стразбурга около 400 верстъ; плата за мѣсто 2 класса около 6 р. с., но за то за 140 ф. багажа съ меня взяли болѣе 3 р. с. Въ вагонѣ закрыли ставни и согрѣлись. Со мной ѣхали: одинъ военный генераль и 2 молодыхъ офицера. Генераль ѣхалъ инспектировать какой-то гарнизонъ. Почтенный старичокъ выглядывалъ такимъ фельдфебелемъ, что стыдно становилось за генеральство; но молодые офицеры вели себя довольно прилично, не пересаливая подбавляющаго генералу уваженія низостью, лестью и вообще подличаньемъ, сидѣли напр. довольно свободно, отвѣчали не такъ, какъ рапортуютъ попугай-фельдфебеля, не привсканивали съ мѣстъ и не величали ежеминутно генеральскимъ титуломъ, одинъ читалъ газету и рассказывалъ, что говорятъ французы о нѣмцахъ—это нескончаемая матерія для разговора всѣхъ нѣмцевъ. Генераль покручивалъ усы и величественно молчалъ. Странно, что на немъ не было ни одного

ордена. Хотя я здѣсь и слышалъ, что ордена даются туго и не очень-то жадно ищутся и принимаются, но все-таки странно на генералѣ не видѣть ни одного ордена. Впрочемъ можетъ быть онъ снялъ ихъ только на дорогу; можетъ быть они ему уже наскучили; а съ другой стороны есть же люди, которымъ они не наскучиваютъ всю жизнь и которые ихъ снимаютъ только ложась спать. Я уже писалъ вамъ, что въ Баваріи ордена большая рѣдкость и что встрѣчаются люди, которые отъ нихъ отказываются. По дорогѣ отъ Аугсбурга къ Ульму много торюяныхъ болотъ, доставляющихъ лучшій торфъ во всей Баваріи.

Въ г. Ульмѣ около 9 ч. утра перемѣнили вагоны баварскіе на виртембергскіе; баварскіе вагоны сдѣланы по образцу прусскихъ, но потѣшнѣе и побѣднѣе ихъ, хотя въ нихъ есть также особенные вагоны для дамъ и для куренія, какъ и въ прусскихъ. Виртембергскіе же вагоны сдѣланы по собственному образцу; цѣлый вагонъ (несравненно выше нашихъ ростомъ, но короче) раздѣленъ на 2 части: курительную и не курительную, во вторую половину большею частію поступаютъ женщины и дѣти; мѣсть въ каждой половинѣ около 20, входъ въ вагоны только съ 2 концовъ; окна изъ цѣлыхъ стеколъ, тогда какъ баварскіе состоятъ большею частію изъ нѣсколькихъ доскутковъ; надъ окнами также рѣшет-

чатые дощечки для вентиляціи. Не менѣе поразительна разница между кондукторами. Баварскіе кондукторы приземистые, плотные, бойкіе и красивые люди, большею частію съ козлиными бородками и въ коротенькихъ сюртукахъ любимаго народомъ голубаго цвѣта съ разными серебряными аксельбантами и начальной буквой имени короля на фуражкѣ. Виртембергскіе кондукторы большею частію не уклоніе, долговязые верзилы въ темно-синихъ длинныхъ сюртукахъ, безъ всякихъ украшеній съ однѣми только металлическими пуговицами и начальной буквой короля на фуражкѣ. Виртембергцы везли насъ шибче всѣхъ, не останавливаясь даже на изгибахъ желѣзной дороги, которыхъ здѣсь бездна и на которыхъ всего легче соскочить съ рельсовъ. Остановки вообще здѣсь очень малы: одна, двѣ, три минуты; станціи очень часты. Здѣсь дорогу не ведутъ стрѣлой по пустынямъ, а напротивъ загибаютъ къ каждому городишку, которые здѣсь такъ же часты, какъ у насъ въ Моск. губ. деревни. Около Штутгардта мѣстность покрыва холмами, а эти въ свою очередь виноградомъ. Поля здѣсь такъ обработаны, какъ у насъ огороды: все вскопано, не только сохой, но и заступомъ и удобрено до того, что дрянная почва земли кажется вамъ черноземомъ нашихъ лучшихъ земледѣльческихъ губерній. Доѣхавши до самаго Штутгардта, повертели назадъ и потомъ въ

сторону: здѣсь не рѣдко дѣлаются такіе крюки къ городамъ, лежащимъ внѣ линіи желѣзной дороги. Въ Штутгартѣ мнѣ не совѣтовали останавливаться, такъ какъ въ немъ ничего особенно замѣчательнаго не существуетъ, снаружи снѣ не похожъ даже на столицу: такая однообразная, мелкая, казенная архитектура всѣхъ зданій.

Въ Бруксальѣ около 12 ч. новая перемѣна вагоновъ биртембергскихъ на баденскіе. И такъ въ 4 часа времени мы ѣдемъ уже въ третье государство, имѣющее свой дворъ и бюджетъ. Баденской путевой дворъ и вагоны хуже всѣхъ мною видѣнныхъ; представьте себѣ, что въ Бруксальѣ залы такъ малы, что негдѣ сѣсть, въ вагонѣ же насъ мочило дождемъ чрезъ крышу, что особенно непріятно было дамамъ. Кондукторы и часовые одѣты бѣднѣе всѣхъ, мною видѣнныхъ. Желѣзныя дороги здѣсь, какъ и въ Баваріи и въ Виртембергѣ, составляютъ собственность казны. Мѣстность, по которой идетъ желѣзная дорога, обработана еще лучше, чѣмъ въ Виртембергѣ; это не поля, а садъ въ подлинномъ смыслѣ этого слова, по обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги фруктовыя деревья: вишни, яблони, каштаны, а подалѣе—виноградники безъ всякихъ изгородей, заборовъ и стѣнъ, отдѣляющихъ одно владѣніе отъ другаго. Видно, что здѣсь право собственности написано не на бумагѣ, а въ сознаніи каждаго; у насъ же и въ хорошо огорожен-

ныхъ садахъ не только воруютъ плоды, но обламываютъ и самыя ихъ сучья, подобно какъ саранча истребляетъ хлѣба; дорога идетъ мимо самаго Вильдбада, этого очаровательнѣйшаго (но только немножко меланхолическаго) мѣстечка цѣлой Германіи. Здѣсь, говорятъ, нравы жителей такъ строги и чисты, что каждаго туземца или пріѣзжаго, совершившаго какой либо грѣхъ, особенно противъ 7 заповѣди, просятъ немедленно удалиться; самъ я тамъ не былъ, но слышалъ отъ спутниковъ объ этомъ пуританскомъ городкѣ. Въ 6 верстахъ отъ дороги лѣжитъ веселый Баденъ—Баденъ съ его купаньями, съ его живописными гористыми окрестностями и съ его шумнымъ пріѣзжимъ народонаселеніемъ изъ всѣхъ странъ свѣта. Въ лѣто, говорятъ, перебивается здѣсь до 10,000 челов. Не думаю, чтобы столько народу было въ нынѣшнее лѣто; въ такіе холода и дожди не многимъ придетъ охота лѣчиться ваннами и водами, когда впору сидѣть только въ тепло натопленной комнатѣ. Видя здѣшнее сильное движеніе на воды, я невольно припоминалъ наши отечественныя лучшія воды, едва насчитывающія сотни посѣтителей. Причины тѣже, что и слабаго развитія вообще всей нашей промышленности, отъ того и воды большею частію устроены дурно, и нѣтъ при нихъ хорошихъ гостинницъ и врачей, и за все дерутъ съ пріѣзжихъ въ три-дорога. Громадныя же разстоянія при

бездорожицѣ (т. е. при отсутствіи желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ) окончательно убиваютъ наши минеральныя воды и заставляютъ больныхъ отъ своего добра искать добра за границей. Здѣсь же, гдѣ только есть какой нибудь минеральный родникъ, все устроено для пользованія имъ превосходно; мѣстные жители понимаютъ, что это источникъ ихъ благосостоянія.

Наконецъ около 4 ч. по полудни мы прибыли въ Кель, послѣдній нѣмецкій городъ на этомъ берегу Рейна! Мостъ чрезъ рѣку только еще строится послѣ различныхъ переговоровъ Нѣмцевъ съ Французами, тянувшихся нѣсколько лѣтъ, а потому мы должны были пересѣсть въ казенныя кареты и отправляться по временному деревянному мосту на французскую землю, прямо во французскую таможену. Въ томъ омнибусѣ, въ который попалъ я, неожиданнымъ образомъ втѣкнулось нѣсколько человѣкъ изъ Россіи. Замѣчательнѣе другихъ слѣд. лица: 1) швейцарецъ, прожившій въ Москвѣ около 18 лѣтъ въ качествѣ учителя франц. языка и полюбившій Русскихъ не менѣе своихъ соотечественниковъ за ихъ добродушіе; во 2) двѣ дамы Нѣмки, прожившія въ Петербургѣ около 20 лѣтъ и едва говорящія по русски—эти господа выжимали деньги изъ русскихъ кармановъ въ качествѣ классныхъ дамъ, учившихъ нашихъ дѣвицъ присѣдать и болтать по-нѣмецки;

въ 3) егоза старая дѣвка Француженка, прожившая въ Россіи слишкомъ 20 лѣтъ въ такихъ кругахъ, гдѣ она русскій разговоръ слыхала только съ мужиками, объ которыхъ она говорила съ гримасами презрѣнія. Она, какъ видно, хотѣла стать какъ можно выше въ глазахъ насъ всѣхъ, но жестоко ошиблась. Одна паша спутница вступилась за поруганную честь мужика, показала его значеніе въ государствѣ и порядочно ошибла крылья навлинившейся воронѣ, высказавши все презрѣніе истинно порядочныхъ людей къ тѣмъ классамъ народа, которые презираютъ мужика. Урокъ подѣйствовалъ по видимому слабо: болтуня лукаво пустилась хвалить свое французское царство, въ которомъ совсѣмъ не видать бумажныхъ денегъ, а все золото и серебро; золота же такъ много, что оно начинается съ пяти франковыхъ монетъ. Я догадывалась, куда она мѣтитъ, сказалъ, что звонкая монета неудобна для пересылки и для дороги. «Вотъ что значить привычка,» вскрикнула съ презрительной гримасой французская егоза! Я вынулъ изъ кармана кошелекъ съ золотомъ и подалъ ей, чтобы она свѣсила на рукѣ и сказала: не такъ ли же золото способно прорывать карманы какъ и мѣдь, даваемая при здачѣ напр. на цѣлый серебряный рубль? Болтушка ужасно сконфузилась, не умѣя защитить своего великаго народа и не зная, что не деньги составляютъ

народное богатство, а его умственная и вещественная производительность, ограждаемая хорошим законодательством; что только при этомъ богатствѣ является кредитъ, для котораго все равно, какія бы вы деньги ни давали: бумажныя, золотыя или серебряныя. Француженка, какъ и всѣ наши спутники, забыть не могла, что она покупала золото по 5 р. 50 к. с. и болѣе и переводила нажитыя въ Россіи бумажки съ потерей 10 процентовъ. Но сами французы дали мнѣ случай доказать ихъ соотечественницѣ, что не все то золото, что блеститъ; не все то благородно, умно и свободно, что само кричить о своемъ благородствѣ, умѣ и свободѣ. Это была французская таможня, подъ свода которой мы вѣхали, подъ проливнымъ дождемъ (*). Здѣсь прежде всего отобрали наши паспорта и, не видя у Нѣмокъ помѣтокъ никакого французскаго консульства, ихъ остановили. Тѣ начали объяснять, что онѣ ѣдутъ чрезъ Францію только проѣздомъ въ Швейцарію, гдѣ онѣ намѣрены открыть пансіонъ: мольбы и жалобы не производили на любезнаго француза ни-

(*) Мои спутники говорили, что въ Россіи все это время стояла прекрасная погода. Швейцарецъ не болѣе 10 дней изъ Москвы, а Француженка безъ отдыха скакала 6 дней изъ Петербурга. И тамъ и здѣсь, по ихъ словамъ, была превосходная погода съ самого начала весны и до послѣдняго времени.

какого дѣйствія. Чѣмъ кончилась ихъ судьба, незнаю. Далѣе началось очищеніе нашего багажа. Я отперъ свои чемоданы, въ которые запустили лапы какіе-то полупьяные и провонявшіе чеснокомъ форменные люди. Одинъ изъ нихъ былъ подобрѣе и, не видя въ одной половинѣ чемодана ничего подлежащаго пошлйнѣ, другую даже и не смотрѣлъ. За то другой мой чемоданъ подвергся самому звѣрскому осмотру. Догадалъ меня лукавый въ Нюренбергѣ купить нѣсколько игрушекъ изъ *parier mâché* въ подарокъ дѣтямъ. Всѣ мои игрушки были развернуты самымъ грубымъ образомъ и поломаны; самые осколки были развертываемы изъ хлопчатой бумаги и осматриваемы; купилъ я въ Зальцбургѣ двѣ Богемскихъ кружки, тѣ едва уцѣлѣли отъ сокрушающихъ лапъ таскавшихъ ихъ взадъ и впередъ. Наконецъ взялъ я отъ одного ученаго К. О. въ Петербургѣ довести въ Дрезденъ другому ученому 1 фунтъ калмыцкаго чаю, нѣсколько образчиковъ нашей крестьянской деревянной посуды и деревянную чашечку, изъ которой калмыки кормятъ своихъ боговъ. Тупоумные и пьяные таможенные сами не могли понять, что это за вещи, а мнѣ не хотѣли вѣрить, не хотѣли даже и слушать, когда я имъ объяснялъ, что всѣ эти вещи для таможи не имѣютъ никакой цѣны, а цѣнны онѣ только какъ предметъ любознательности. Нѣсколько разъ ихъ вертѣли и цюхали какъ обе-

зяпа очки, таскали взадъ и впередъ изъ таможи на дворъ и со двора опять въ таможду, гдѣ наконецъ безсмысленный чиновникъ подвелъ ихъ подъ разрядъ деревянныхъ издѣлій и взялъ съ меня болѣе 4 франковъ пошлины, тогда какъ и всѣ-то вещи не стоятъ этой цѣны. Вотъ что значить законъ въ глупыхъ рукахъ! Невольно вспомнилъ я прекрасную разумную, вѣжливую и трезвую Прусскую таможду въ Столупянахъ. Я думаю, что ни въ одной нѣмецкой таможнѣ, исключая Австрійскихъ, съ меня не взяли бы ни гроша, когда бы я объяснилъ, что эти вещи годны только для кабинета ученаго. Все это варварство видѣла бывшая воспитательница русскаго юношества, внушавшая ему безусловное благоговѣнiе къ своей милой, вѣжливой, любезной, свободной, гениальной Францiи, видѣла и старалась показывать, что не видала, или оправдывать то, что видѣла. Я съ своей стороны безъ пощады старался выставить предъ моими спутниками французскую таможду и націю въ надлежащемъ видѣ. Если въ странѣ всеобщаго невѣжества сдѣлаютъ такое невѣжество, то оно болѣзненно отзовется въ вашемъ сердцѣ, но не оскорбитъ васъ: глупо отъ дурака требовать ума, отъ раба свободы, отъ полудикаго вѣжливости. Но въ странѣ, кичащейся своимъ прогрессомъ, подобныя выходки оскорбительны. На чемъ же послѣ того основывается

сочувствіе зарейнскихъ Нѣмцевъ, выставляемое въ французскихъ газетахъ, къ Франціи? Я обратился съ этимъ вопросомъ къ ѣхавшимъ со мною Нѣмцамъ и получилъ въ отвѣтъ, что худы ли, хороши ли конституціи сосѣднихъ съ Франціей государствъ, по ни одинъ Нѣмецъ добровольно не промѣняетъ своей конституціи на теперешнюю французскую. Всѣ Нѣмцы особенно хорошо отзываются о конституціяхъ Прусской, Баварской и Виртембергской. Въ такихъ разговорахъ мы въѣхали въ Стразбургъ, отстоящій отъ Рейна версты на двѣ и разъѣхались по разнымъ гостинницамъ. Француженка предсказывала мнѣ скорое примиреніе съ ея милыми Французами, но ея пророчеству, вѣрно, не суждено было исполниться. Въ Стразбургѣ я остановился въ Hôtel de la rosmme d'or, которая не дорога и довольно хороша.

Стразбургъ большой и старинный городъ съ 80,000 жителей на половину Нѣмцевъ, на половину Французовъ; въ этомъ же числѣ около 10,000 войскъ. Здѣсь говорятъ по-французски и по-нѣмѣцки, но лучше по-нѣмецки, чѣмъ по-французски. Отдохнувши, я отправился вечеромъ побродить по городу безъ всякой цѣли. Высокая насквозь прозрачная башня невольно привлекла меня къ себѣ и я скоро очутился предъ Стразбургскимъ соборомъ, этимъ chef d'oeuvre готической архитектуры, начав

шимъ строиться въ 1015 году и оконченнымъ въ 1275 году. Его дивная колокольна 490 фут. вышины съ ажурной отдѣлкой начала строиться въ 1276 г. и кончена въ 1439 г. Вторая башня, предполагавшаяся по плану (подобному церкви Св. Лоренца въ Нюренбергѣ), осталась неоконченной. Пока я разсматривалъ эти дивные памятники человѣческаго генія, предо мной какъ изъ земли выросъ какой-то толстякъ, который предложилъ мнѣ посмотрѣть соборъ и колокольню. Я тотчасъ узналъ комиссіонера, и какъ было уже довольно темно, то отъ его предложенія взлѣзать на колокольню я отказался, но отправился посмотрѣть протестантскую церковь Св. Тѡмы. Напередъ я спросилъ, что стоятъ услуги. Въ Германіи для этихъ проводниковъ такса 1½ гульдена въ день и 24 крейцера въ часъ, значитъ около 90 к. с. въ день. Здѣсь же таксы нѣтъ, но мой непрошенный слуга сказалъ, что онъ будетъ доволенъ всѣмъ, что я ему дамъ. Это «что пожалуете» мнѣ опротивѣло и у себя на родинѣ. Обыкновенно за «что пожалуете» приходится платить вдвое противъ того, что слѣдуетъ, и видѣть еще корчащіяся фізіономіи разныхъ лакейскихъ персонъ. Но, думаю себѣ, здѣсь вѣдь народъ образованный, а слѣд. и совѣстливый, и расположилъ въ своемъ умѣ дать моему непрошеному чичероне тоже, что я платилъ въ аккуратной Германіи. Въ церкви Св. Тѡмы замѣ-

чательнѣе всего тѣла Графа Нассау—Зарребрукскаго и его дочери, жившихъ въ 16 столѣтіи, высохшія въ землѣ до состоянія муміи; особенно хорошо сохранилось тѣло Графа: ясно видна мускулатура и даже кожа. Ихъ увидѣли случайно при раскапываніи земли; теперь онѣ хранятся въ особенной камнатѣ въ ящикахъ за стеклами. Въ Берлинскомъ музеѣ я видѣлъ хорошо сохранившіеся Египетскія муміи, но и онѣ не лучше этой естественной мумификаціи, которую произвели извѣстныя нѣкыя земли. Послѣ церкви Св. Троицы я успѣлъ еще осмотрѣть памятникъ Гуттенбергу, изобрѣтателю книгопечатанія, который въ рукахъ держитъ бумагу съ подписью: *et la lumière fut* (и бысть свѣтъ). Всякій согласится, что мѣщанинъ Гуттенбергъ болѣе всѣхъ министровъ просвѣщенія способствовалъ народному образованію. Другой памятникъ современнику Наполеона, Генералу Клеберу; ничего отличнаго отъ прочихъ подобнаго рода памятниковъ не представляетъ, а не мѣшало бы вмѣстѣ съ перечнемъ побѣдъ выставить и числа раненыхъ и убитыхъ, способствующихъ составленію военной славы. Пробрѣдивши около $\frac{1}{2}$ часа, я попросилъ своего спутника меня оставить, такъ какъ я зналъ свою квартиру, а на другой день утромъ я обѣщалъ взять его въ провизники; но утромъ здѣсь своего чичероне я не нашелъ, соборъ былъ отпертъ, въ немъ происхо-

дила служба и я одинъ очень хорошо его осмотрѣлъ. Это величественнѣйшее и изящнѣйшее изъ всѣхъ церковныхъ зданій, какія мнѣ доселѣ удавалось видѣть, и всю эту величественную красоту производить одна архитектура; матеріалъ не дорогой мраморъ, а дешевый мелкопесчаникъ; внутри не паляно золота, не разсыпано драгоценныхъ камней, не навѣшано картинъ знаменитыхъ художниковъ: тутъ голыя гранитныя стѣны и колонны отвѣчаютъ за все. И всѣ эти украшенія, необходимыя для другихъ храмовъ, здѣсь были бы совершенно излишними: они бы только портятъ впечатлѣніе величественной и изящной простоты и красоты, произведенной однимъ искусствомъ. Одинъ только огромный органъ составляетъ все внѣшнее украшеніе церкви. Церковь такъ велика и высока, что стоящему около дверей священники въ алтарѣ кажутся карликами, хотя на самомъ дѣлѣ это рослые и хорошо откормленные люди. Выходя изъ церкви, я встрѣтилъ своего комиссіонера, который предложилъ мнѣ взбираться на колокольню. Я думалъ, что онъ мнѣ будетъ необходимъ, между тѣмъ какъ вся его польза состояла только въ томъ, что онъ указалъ комнатку, въ которой такой же какъ онъ прощелыга, вѣроятно снимающій колокольню на откупъ, выдаетъ билетикъ для входа на нее и получаетъ за это по $\frac{1}{2}$ франка. Я пошелъ на колокольню съ

этимъ билетикомъ, въ которомъ никому нѣтъ ни малѣйшей нужды. До главной площадки считается 400 ступеней, это бы еще не бѣда, а дѣло въ томъ, что съ половины лѣстницы начинаютъ понадаться очень часто большія продолговатыя окна съ желѣзными рѣшетками и при невольномъ взглядѣ чрезъ нихъ внизъ начинаетъ кружиться голова. Съ большимъ трудомъ я взобрался на большую площадь, съ которой открывается удивительная панорама города, его окрестностей и Вогезскихъ горъ вдаль. Тутъ владычествуетъ новый комиссіонеръ, который, хотите вы или не хотите, болтаетъ вамъ безъ умолку на ломаномъ нѣмецкомъ и такомъ же французскомъ языкѣ разный вздоръ, и за это проситъ на выпивку (*pourboire, trinkgeld*). Очень любопытно бы знать, сколько собираютъ денегъ эти болтуны отъ путешественниковъ въ продолженіе года? Я думаю гораздо болѣе, чѣмъ наши звонари на Ивановской колокольнѣ, обманывающіе бабъ и мужиковъ. Но по крайней мѣрѣ я осмотрѣлъ здѣсь по указанію беззубаго чичероне вырѣзанныя на стѣнѣ имена разныхъ посѣтителей, между которыми есть нѣсколько именъ русскихъ боярскихъ фамилій и ни одного простаго смертнаго. Замѣчательнѣе всѣхъ здѣсь имя, извѣстное цѣлому міру: это Вольтеръ. Спустившись внизъ, я спросилъ своего комиссіонера, сколько ему слѣдуетъ за вчерашнія и нынѣш-

нія получасовыя услуги, и услышалъ опять ненавистное «что вамъ угодно». Я предложилъ ему 1 франкъ, которымъ цѣлая Германія коммиссіонеровъ была бы очень довольна, и услышалъ вмѣсто того «мало» и увидѣлъ кислую гримасу. Вмѣсто одного я заплатилъ два франка, сказалъ, что болѣе не нуждаюсь въ его услугахъ, и заклался брать безъ ряда нахальныхъ французовъ. Я еще отдѣлался дешево сравнительно съ моимъ спутникомъ Швейцарцемъ, который положась на русско-французское «что пожалуйста» за нѣсколько часовъ заплатилъ коммиссіонеру около 8 франковъ,—въ аккуратной Германіи это неслыханныя цѣны! За то онъ видѣлъ казенную табачную фабрику, на которой работаютъ гадкій табакъ и такія же сигары болѣе 3000 человѣкъ; во Франціи табакъ еще хуже, чѣмъ въ Германіи, привозной же очень дорогъ; но какъ онъ не составляетъ предмета первой потребности, то это покровительство промышленности тяготитъ только людей богатыхъ. Простой народъ довольствуется дряннымъ табакомъ; но ужь научатся ли когда нибудь французскія казенныя фабрики и нѣмецкія частныя, ограждаемыя высокимъ тарифомъ, дѣлать хорошій табакъ, это извѣстно единому Богу.

Мои походы въ Стразбургъ ограничились посылкой уже другаго коммиссіонера купить Страз-

бургскій пирогъ. За эту комиссію съ меня онъ за-просилъ $\frac{1}{2}$ франка, а сторговался за 5 су, значить вдвое дешевле. Я твердо рѣшился съ назойливыми французами торговаться такъ же, какъ съ нашими лавочниками въ ножовой линіи и на Щукинѣмъ дворѣ. Что нашимъ прощается по невѣжеству, того нельзя простить грамотному хвастуну и прогрессисту Французу.

Въ Стразбургѣ къ столу вмѣсто пива подаютъ уже вино, котораго цѣлая бутылка стоитъ (динъ франкъ; конечно это не лучшее вино, но не хуже нашего сотерна въ 1 р. с.; въ 2 же франка и красное и бѣлое подаются такія, которыя на винодѣльныхъ фабрикахъ нашихъ Ярославскихъ и Кашинскихъ виноградарей Соболева, Зазыкина и Терликова стоятъ по 1 р. 50 к. с. за бутылку, съ тѣмъ при томъ различіемъ, что вы здѣсь пьете цѣльное виноградное вино, не производящее головной боли, а тамъ смѣсь чихиря, лакрицы, спирту и разныхъ красильныхъ веществъ, одуряющихъ голову и разстроивающихъ пищевареніе. Французская кухня разнообразнѣе и несравненно лучше нѣмецкой, хотя и здѣсь хорошаго супа не готовятъ, довольствуясь чѣмъ-то въ родѣ нѣмецкаго вассеръ-супа. Представьте, что здѣсь простая курица стоитъ 3 франка; бѣлый и черный хлѣбъ лучше нѣмецкаго, потому что менѣе прѣсенъ; такого пива какъ въ Баваріи не найдете

нигдѣ. Въ Стразбургѣ однако нѣмецкій элементъ пьетъ пиво; здѣсь до 76 пивоваренъ. Ходя по городу, и любовался видомъ мясныхъ лавокъ, въ которыхъ можно съ удовольствіемъ сидѣть за кружкой пива и читать газету, что и дѣлають хозяева. Мясо лежитъ на мраморныхъ столахъ и полкахъ, берется не грязными руками, а большими вилками, рубится не страшными топорами, а уютными сѣчками, кости же перепиливаются пилою. Самая большая и острая зѣвущая сѣчка съ коротенькой рукояткой не такъ страшна, какъ нашъ русскій топоръ, который можетъ крошить на все стороны. Нельзя безъ отвращенія и ужаса смотрѣть на нашихъ мясниковъ въ ихъ засаленныхъ вонючихъ фартукахъ съ окровавленными руками, съ страшными физіономіями, взмахивающихъ широкимъ и вострымъ топоромъ и съ какимъ-то свирѣпымъ азартомъ рубящихъ мясо. Мы привыкли къ подобнымъ зрѣлищамъ, здѣсь же ни одна кухарка не пришла бы въ подобную лавку, здѣсь въ мясныхъ лавкахъ сидятъ мужчины и женщины хороше и чисто одѣтые, и производятъ свою торговлю такъ же деликатно, какъ и въ галантерейныхъ магазинахъ.

Въ окнахъ магазиновъ какое здѣсь изобиліе иллюстрированныхъ и сатирическихъ французскихъ изданій, тогда какъ во всей Германіи мы попадались

только Dorfbarbier, Punsch, Kladderadatsch съ ихъ тяжелымъ остроуміемъ и лубочными картинками.

Зашелъ къ банкиру размѣнять нѣсколько денегъ на дорогу, потому что тутъ обыкновенно насъ прижимаютъ съ нашимъ золотомъ и даютъ за него меньше обыкновеннаго. Банкиръ далъ мнѣ по 20 франковъ и 40 сантимовъ за полумперіаль и убѣждалъ меня, что въ Парижѣ будутъ давать меньше, по это оказалось ложью. У него я видѣлъ французскіе, англійскіе и прусскіе банковые билеты, которые ходятъ во Франціи. Меньше 100 фран. (25 р. с.) нѣтъ французскихъ бумажекъ, по за то золота сколько угодно, начиная отъ 5 франк. Здѣсь гораздо менѣе серебра, чѣмъ золота, въ Германіи на оборотъ, а въ Австріи ни золота, ни серебра, однѣ только бумажки и груды мѣди.

Въ 7 час. вечера я двинулся изъ Стразбурга въ Парижъ. Во всѣ здѣшнія гостиницы предъ отправленіемъ поѣздовъ заходятъ omnibusъ желѣзныхъ дорогъ и забираютъ всѣхъ, желающихъ ѣхать, за очень дешевую цѣну: до чего, подумаешь, доходитъ западная цивилизація. У насъ ничего подобнаго не существуетъ. Здѣшняя желѣзная дорога принадлежитъ частной компаніи. Извозчики здѣшніе нѣсколько дороже пѣмецкихъ, но за то кареты еще лучше чѣмъ во всей Германіи. Здѣсь берутъ за одинъ конецъ около 30 к. с., за цѣлый часъ 50 к. с.;

но есть за что и дать: нельзя и сравнивать нашихъ лучшихъ крытыхъ пролетовъ съ этими экипажами, въ которыхъ могутъ сидѣть 4 человѣка. Нечего и говорить о нашихъ проклятыхъ калибрахъ, выколачивающихъ душу изъ тѣла.

Отъ Стразбурга до Парижа около 600 верстъ; цѣна мѣстамъ въ вагонахъ 2 класса 10 р. с. Безъ платы позволяется брать клади около 50 нашихъ фунтовъ. Поѣздъ идетъ 14 часовъ; утренній поѣздъ идетъ только 11 часовъ, но въ немъ нѣтъ мѣстъ 2 класса, а только 1, которыя стоятъ 10 франками дороже. Вагоны 2 класса гораздо хуже и тѣспѣ нѣмецкихъ. Первый классъ не лучше 2 нѣмецкаго. Къ счастью въ вагонѣ оказалось немного народу: одинъ Стразбургскій французъ и одна французенка. Я закурилъ папиросу и они начали между собой персгадываться и улыбаться. Ни въ Германіи, ни во Франціи вовсе не курятъ папирось, а только сигары и трубку (*). Ни того, ни другаго я немогъ курить, и радъ былъ въ Мюнхенѣ достать турецкаго табаку (гораздо дороже, чѣмъ у насъ), изъ котораго можно было надѣлать папирось. Въ Берлинѣ, ужъ незнаю для кого, Герольдомъ (unter den Linden) гиписывается Жуковъ табакъ и Миллеровскія папи-

(*) Подобно замѣтить, что западно-европейскія женщины теперь вовсе не курятъ табакъ.

росы. Но скоро французъ и французенка занялись болтовней и меня оставили въ покоѣ. Французъ вынулъ изъ-подъ скамьи свой дорожный мѣшокъ и началъ угощать свою спутницу колбасой, яйцами, бисквитами, любезно обратился даже и ко мнѣ съ предложеніемъ, не хочу ли я выпить вина или закусить. Я не зналъ какъ отвязаться отъ болтуна: отъ всякаго пѣмца можно узнать что нибудь дѣльное, съ француза же очень рѣдко, хотя объ чемъ бы вы ни завели рѣчь, онъ будетъ говорить съ тономъ знатока, и будетъ лгать не краснѣя. Попробуйте основаться на его словахъ и вы часто будете одурочены. Ночью въ вагонъ прибыло еще нѣсколько новыхъ лицъ, по какъ ночь была не лѣтняя, а зимняя, то всѣ съезжившись въ вагонѣ молчали или дремали. Представьте себѣ, что стекла вагоновъ покрылись инеемъ, вотъ какова была ночь среди лѣта! Густѣйшіе туманы покрывали всю землю. — Остановки на станціяхъ большею частію не болѣе 2 — 3 минутъ и самая большая и рѣдкая 10 минутъ. Когда начало всходить солнце и разгонять туманы, то мы увидѣли себя среди виноградной Шампаніи, на холмахъ которой съ обѣихъ сторонъ дороги виноградныя поля. Въ одномъ мѣстѣ недалеко отъ самой дороги превосходный замокъ, нѣтъ гда бывший достояніемъ рыцарей, теперь же принадлежащій царицѣ Шампанскаго, г-жѣ Кликю. — Станція здѣшней желѣзной до-

роги гораздо больше, длиннѣе и красивѣе иѣмецкихъ (построенныхъ обыкновенно въ видѣ маленькихъ замковъ въ 3 этажа), но не думаю, чтобы были удобнѣе; на каждой станціи я замѣчалъ надпись: квартира начальника и его помощника. На иѣмецкихъ дорогахъ я не видалъ этихъ выѣсокъ бюрократіи. Самихъ начальниковъ, гордо расхаживающихъ по платформамъ, я и здѣсь не видалъ. Должно быть и здѣсь и тамъ они заняты дѣлами своихъ хозяевъ, а хозяева дорогъ не они, но или казна, или частныя компаніи, платящія имъ жалованье, и должно быть здѣсь, при 500 р. с. жалованья, отъ подрядчиковъ нельзя получать по 5, 10 и т. д. тысячъ дохода. Военнаго мундира на желѣзныхъ дорогахъ вовсе не существуетъ.

Изъ новыхъ моихъ спутниковъ замѣчательнѣе всѣхъ старикъ французъ 76 лѣтъ, участвовавшій почти во всѣхъ Наполеоновскихъ походахъ съ различными орденовыми лентами на груди. Надобно было видѣть, съ какимъ одушевленіемъ рассказывалъ онъ о своихъ походахъ, и съ какимъ воинственнымъ азартомъ слушали мои спутники его походы: глаза у нихъ сверкали и они такъ и готовы были чейсась же вскочить съ мѣстъ и бить враговъ направо и налево. Правду говорятъ Англичане, что изъ Французовъ никогда не выйдетъ мирнаго, ручнаго народа, сколько бы они ни проповѣдывали

о своемъ мирномъ прогрессѣ. Одинъ изъ Французовъ наконецъ не вытерпѣлъ и спросилъ, не Нѣмецъ ли я, и когда узналъ, что Русской, то началъ съ любезностью болтать объ Русскихъ, что у нихъ съ Французами одни и тѣже свойства, способности и наклонности, и оттого взаимная симпатія. Я, уставя глаза, неподвижно смотрѣлъ на болтуна, выводящаго заключеніе объ цѣломъ народѣ по тѣмъ господамъ, которые прсматываютъ деньжонки въ Парижѣ, или по слухамъ сообщаемымъ эмигрантами, выходцами и путешественниками о тѣхъ, которые и въ своей семьѣ не говорятъ по русски и воспитываютъ своихъ дѣтей при помощи французскихъ портныхъ и парикмахеровъ. Если бы потрудились почтенные Французы узнать русской народъ, то увидѣли бы, что весьма мало общаго есть между нимъ и Французами. Сколько мнѣ приходилсѣ встѣчать Французсвъ, даже повидимому хорошаго круга, я съ изумленіемъ замѣчалъ ихъ невѣжество не только въ такихъ серьезныхъ предметахъ, какъ исторія человѣчества и современное положеніе Европы, но даже незнаніе исторіи и географіи въ томъ размѣрѣ, въ какомъ она преподается въ элементарныхъ школахъ. Мысль эту впоследствии подтвердили мнѣ наши соотечественники долго живущіе въ Парижѣ.

Въ 11 ч. утра $10\frac{1}{2}$ іюня мы пріѣхали въ Парижъ. Я пошелъ за своими чемоданами, и каково же было мое удивленіе, когда ихъ вновь хотѣли осматривать таможенные служители, не обращая ни малѣйшаго вниманія на мои объясненія, что я уже заплатилъ за нихъ пошлину на границѣ. Съ невозмутимымъ спокойствіемъ выдрессированнаго солдата, они принялись уже развязывать мой багажъ. Къ счастью квитанція, данная мнѣ въ Стразбургской таможнѣ, лежала у меня въ дорожной сумкѣ, и я, сунувши ее подъ носъ грубымъ досмотрщикамъ, безъ разсужденія исполняющимъ свой долгъ, едва избавился отъ вторичнаго нашествія на мои пострадавшіе пожитки. Носильщикамъ вещей до экипажа здѣсь ничего не платятъ; извозничьихъ каретъ бездна; сверхъ того для тѣхъ, кто не спѣшитъ, стоятъ omnibuses принадлежащіе управленію желѣзной дороги, которые развозятъ пассажировъ по очереди за весьма дешевую плату: внутри кареты около $\frac{1}{2}$ франка, да за вещи, которыя кладутся на крышу кареты, около того же; т. обр. иѣтъ нужды трястись какъ у насъ на калиберѣ или пролеткѣ (одинаково негодныхъ), обнявшись съ чемоданами и мѣшками, и платить, что хотятъ содрать извозники. Здѣсь 2 мѣстная и 4 мѣстная карета стоитъ $1\frac{1}{2}$ франка въ одинъ конецъ, какъ бы онъ длиненъ ни былъ, да за вещи

берется около 6 к. с.; за цѣлый часъ берется 2 франка днемъ, и $2\frac{1}{4}$ ночью. Здѣсь, какъ и въ Германіи, прежде чѣмъ вы сядете въ карету, получаете отъ кучера печатную карточку, на которой значится № экипажа и вся такса. Если вы что нибудь забудете въ каретѣ или встрѣтите какую нибудь непріятность отъ извозчика, то очень легко отыскать: стоитъ только предъявить этотъ билетикъ управленію компаніи, которая содержитъ эти экипажи, или въ префектуру полиціи. За извозчиками здѣсь очень строго смотрятъ и никакія продѣлки, съ ихъ стороны, здѣсь положительно невозможны.

Вообще во всѣхъ странахъ, мною видѣнныхъ доселѣ, законы такъ хороши, что хорошій человекъ при нихъ не можетъ сдѣлаться дурнымъ, дурной можетъ легко исправиться, или по крайней мѣрѣ не можетъ приносить того зла, которое онъ способенъ дѣлать при *неудобоприложимости* къ жизни даже хорошихъ законовъ.

П И С Ь М О Х И I.

П а р и ж ъ .

Paris est le paradis des femmes,
le purgatoire des hommes et
l'enfer des chevaux.

(auteur inconnu).

Судя по одному слову: Парижъ, не предполагайте во мнѣ излишней смѣлости описывать эту міровую столицу, я не беру работы не по силамъ, но думаю что нѣсколько бѣглыхъ моихъ замѣтокъ о нѣкоторыхъ сторонахъ Парижа по крайней мѣрѣ не утомятъ читателя, а можетъ быть еще сообщать что нибудь и новое, и интересное. Чѣмъ съ большихъ сторонъ разсматривается предметъ, тѣмъ онъ виднѣе.

Я окончилъ свое послѣднее письмо тѣмъ, что пріѣхалъ въ Парижъ изъ Стразбурга 10го/₂₂ іюня. Помѣстился я, по совѣту добраго спутника, чело-вѣка бывалаго, и дешево и удобно въ центрѣ города, близъ *площади согласія* на одной изъ самыхъ шумныхъ улицъ города: rue du Faub. St. Honoré. Съ меня въ мѣсяцъ за чистую и хорошо меблированную комнату, во 2-мъ этажѣ, окнами на улицу, взяли 100 франк., цѣна ни въ Москвѣ, ни въ

Петербургѣ, въ центрѣ города, въ гостинницахъ, неслыханная; но это была и здѣсь не гостинница, а такъ называемый *maison meublée*, которыхъ въ Парижѣ бездна и въ которыхъ несравненно дешевле останавливаться, чѣмъ въ гостинницахъ съ ихъ кельнерами и гарсонами, общипывающими и обсчитывающими васъ безъ всякой совѣсти. Въ *maison meublée* все устроено не пышно, но удобно и не дорого. Сколько съ одной стороны бойкость и центральность улицы мнѣ были полезны для наблюдений и экскурсій по Парижу, столько же съ другой стороны и непріятны для ушей и глазъ; — безпрестанное движеніе пестрой толпы пѣшихъ и конныхъ, человѣка съ слабой головой и привыкшаго къ тихой жизни, способно довести до головокруженія, что со мной и случалось нѣсколько разъ. По движенію въ нашихъ и нѣмецкихъ большихъ городахъ нельзя составить себѣ понятія о движеніи въ Парижѣ: это какой-то оглушающій и ослѣпляющій водоворотъ. Точно также по блеску и пестротѣ самыхъ богатыхъ нашихъ магазиновъ нельзя составить понятія о Парижскихъ, въ которыхъ собраны и искусно выставлены товары для цѣлаго свѣта. — Въ первый день послѣ пріѣзда я расположился посидѣть у окна и посмотрѣть на это движеніе, но скоро принужденъ былъ удалиться съ своего поста въ глубь комнаты: тутъ страдали только одни уши, а тамъ

и глаза и уши. Первое, что меня заняло на моей обсерваторіи, это омнибусы. Представьте себѣ громадную карету очень хорошей работы, внутри которой помѣщается около 20 человѣкъ и сверхъ того на крышѣ человѣкъ 12, спереди кучеръ и сзади кондукторъ; эту громаду везетъ пара такихъ коренастыхъ и широкогрудыхъ лошадей, какихъ мнѣ еще не удавалось видѣть, крупной рысью. Плата въ конецъ длиннѣе болѣе 4 версты, внутри кареты около 10 к. с., на верху около 5 к. Надобно имѣть въ виду, что мостовая не представляетъ ни ухабовъ, ни волчьихъ ямъ, ни другихъ подобныхъ сюрпризовъ, дѣлающихъ изъ ѣзды скачку съ препятствіями. Здѣсь большая часть улицъ покрыта шоссеіной мостовою, гладкой какъ паркетъ. Представьте себѣ, что такіе омнибусы по той улицѣ, гдѣ я жилъ (R. St. Непогѣ), двигаются ежеминутно взадъ и впередъ, съ раннего утра и до позднего вечера, напичканные пассажирами (читающими газеты, разговаривающими, сидящими и полулежащими), и вы будете имѣть нѣкоторое понятіе о движеніи по большимъ Парижскимъ улицамъ. На улицахъ здѣсь не подсаживаютъ пассажировъ за неимѣніемъ времени и мѣсть, обыкновенно же они собираются въ копотрахъ омнибусовъ, разсѣянныхъ по всѣмъ улицамъ. Если же вы примете въ расчетъ сообразное съ омнибусами движеніе пѣшеходовъ по тротуарамъ и

пассажировъ въ своихъ и наемныхъ экипажахъ, то будете имѣть довольно ясное понятіе объ этомъ явленіи Парижской жизни. — Я думалъ, что такая толчея только на моей улицѣ, пошелъ на другой день шататься по Парижу, и на другихъ смежныхъ улицахъ встрѣтилъ тоже самое, съ придачей того, что по тѣмъ улицамъ, гдѣ находятся лучшіе магазины, какъ напр. по Риволи и по бульварамъ, движеніе пѣшеходовъ еще сильнѣе, а вечеромъ и то и другое сосредоточивается въ Елисейскихъ поляхъ, ежедневно олицетворяющихъ собою нашу масляницу на нашихъ столичныхъ площадяхъ, или громадную ярмарку, только въ болѣе изящномъ и громадномъ видѣ. Еслибы нашего мужичка привести вечеромъ въ Елисейскія поля, то онъ навѣрное сказалъ бы, что у Французовъ масляница: столько тутъ разныхъ увеселеній, начиная отъ кукольной комедіи, аллегри изъ грошовыхъ пряниковъ и качелей, и кончая концертами Мюзарда и *caféés chantantes*, на балконахъ которыхъ рисуются разряженные и разрумяненные феи, для привлеченія денежной праздности, и на подмосткахъ которыхъ разыгрываются разные театральныя нѣсы безъ всякаго содержанія, поются романсы и декламируются комическіе стихи. Входя въ такіа кофейны даромъ, но непременно надобно что нибудь ѣсть, либо пить. Когда я пришелъ сюда въ первый разъ и спросилъ стоящаго вблизи горѣд-

скаго сержанта, гдѣ касса, чтобъ взять билетъ, онъ отвѣчалъ мнѣ: *vous payez seulement la consommation*. Гарсонъ подходитъ къ вамъ и требовательно спрашиваетъ, что вамъ угодно, и такъ какъ хозяину надобно выручать и за музыку, и за разряженныхъ богинь, которыхъ онъ нанимаетъ, и за актеровъ, которые васъ забавляютъ своей пустѣйшей болтовней и коверканьемъ: то очевидно, всякая ѣда и питье обходится не дешево и даровой входъ въ сады или просто за ограду кофеенъ, дѣлается оптическимъ обманомъ. Посидите подъ открытымъ небомъ, на дрянномъ стулѣ, среди густой толпы народа, не позволяющей вамъ даже свободно протянуть нѣгу, и при всей скупости менѣе 1½ франка не отдѣлаетесь; это цѣна бутылки пива или порціи мороженаго. Всѣ эти засады ежедневно вечеромъ блещутъ газовымъ освѣщеніемъ, парадными красавицами на выставкѣ, звенящей музыкой, и биткомъ набиты народомъ. Побывать разъ, два, мнѣ не казалось скучнымъ, но потомъ съ болѣзненнымъ чувствомъ проходилъ я мимо этихъ французскихъ наслажденій, которыми ежедневно тѣшатся безъ устали и молодые и старые. Дѣло другое концерты Мюзарда. Тамъ играетъ очень хорошій оркестръ классическія пьесы, тоже подъ открытымъ небомъ и плата за входъ 25 к. с.; тамъ можно съ удовольствіемъ отдыхать послѣ трудовъ, и дѣйствительно наслаждаться,

Площадь Согласія (Place de la Concorde) составляет лучшее мѣсто въ цѣломъ Парижѣ, и въ другихъ Европейскихъ столицахъ ничего подобнаго по красотѣ не существуетъ. Площадь Согласія находится прямо противъ Тюильерійскаго сада и украшена статуями, фонтанами и съ боковъ превосходными зданіями. Впередъ отъ нея по направленію къ триумфальной аркѣ Наполеона (Arc de triomphe de l'étoile) тянется въ гору широчайшая и гладчайшая улица, усаженная деревьями и пазываемая Елисейскими полями. Кромѣ того, что это есть средоточіе увеселеній всего Парижа, она же ведетъ и въ наиболѣе любимое загородное гулянье — въ Булонскій лѣсъ. Понятно, каково должно быть на ней движеніе, особенно въ праздничные дни. Доѣхавши по ней до триумфальной арки, оглянитесь назадъ и вы увидите очаровательнѣйшую перспективу, упирающуюся прямо въ Тюильерійскій дворецъ, предъ которымъ такъ же, какъ и на Площади Согласія, бьютъ великолѣпные фонтаны; если же вы вздумаете взлѣсть на самую триумфальную арку, то увидите подъ своими ногами весь Парижъ: это высочайшая точка города и видъ отсюда лучше всѣхъ другихъ видовъ. Я нарочно распространился въ описаніи этого мѣста, чтобы читателю легче было понимать, читая описаніе Парижской жизни, гдѣ она бьется всего сильнѣе. — Площадь Согласія въ исторіи Франціи играетъ весьма важную роль: тутъ

разыгрывались всѣ народныя драмы, оканчивавшіяся эшафотомъ и гильотиной. Здѣсь же была принесена очистительная за всю фамилію Бурбоновъ жертва въ лицѣ Людовика XVI съ его семействомъ, за его предшественниковъ. Но теперь Площадь Согласія, носившая прежде другія имена, смотритъ такъ привѣтливо и весело, что и представить трудно, чтобы на ней пролиты были цѣлые ручьи человеческой крови. На ней теперь обыкновенно совершаются разные мирныя парады и церемоніи. Мнѣ удалось видѣть громадное движеніе на ней при погребеніи принца Жерома. Сотни тысячъ народа, исключая войскъ, буквально затопляли эту громадную площадь. День выдался ясный и жаркій; и если бы не постоянное поливаніе площади (изъ нарочно для поливанія улицъ устроенныхъ бочекъ), то здѣсь буквально можно было бы задохнуться отъ пыли и жары. Площадь вымощена какъ шоссе и усыпана пескомъ, такъ что государственнымъ сановникамъ Франціи въ разныхъ шитыхъ мундирахъ было довольно легко идти за гробомъ дяди своего повелителя, тѣмъ болѣе, что Французы въ такихъ случаяхъ не снимаютъ шляпъ; въ настоящемъ случаѣ этотъ обычай спасъ весьма многихъ отъ солнечнаго удара. Безъ шляпы за самой колесницей шелъ только сынъ покойнаго, принцъ Наполеонъ, въ черномъ плащѣ. Другихъ членовъ Импе-

раторской фамиліи здѣсь не было, потому что это не принято у Французовъ. По стариннымъ очень поэтическимъ народнымъ вѣрованіямъ Король не умираетъ самъ, и не долженъ смотрѣть, какъ другіе умираютъ. Наполеонъ, сѣвши на королевскій престолъ, принялъ и всѣ легенды этого мѣста къ свѣдѣнію и исполненію; т. обр. единственный случай видѣть замѣчательнѣвшаго дѣятеля нашего времени для меня исчезъ. Ъхать въ Сень-Клудскій дворецъ, находящійся верстахъ въ 10 отъ Парижа и бродить тамъ можетъ быть цѣлый день, и не увидѣть предмета своихъ желаній, мнѣ казалось выше моихъ силъ, т. обр. я удовольствовался только разспросами и рассказами объ императорѣ Французовъ. Наиболѣе свѣдѣній объ немъ сообщилъ мнѣ одинъ нашъ соотечественникъ, давно живущій въ Парижѣ, мнѣнія котораго, какъ чело-вѣка безпристрастнаго, имѣли для меня наибольшій интересъ. По его словамъ, Наполеонъ III еще болѣе Наполеона I умѣетъ привязывать къ себѣ вѣтреныи французскій народъ, и дѣлая ему добро, въ тоже время не упускаетъ и своихъ собственныхъ расчетовъ. Правленіе Людовика Филиппа было въ основѣ болѣе либерально, чѣмъ нынѣшнее, но постоянное стремленіе административными мѣрами ограничивать свободу мысли и слова, — свободу выборовъ въ депутаты небогатыхъ, но образованныхъ людей,

(медиковъ, адвокатовъ, литераторовъ и т. д.) вмѣсто грубой и продажной буржуазіи,—возвышеніемъ ценза, и тому подобныя мелкія придирки, недостойныя короля и его министровъ, и торговли и биржевыя ихъ спекуляціи, сдѣлали его ненавистнымъ. — Наполеонъ III держитъ себя достойно своего высокаго званія, въ которомъ онъ облеченъ народомъ, не гонится за мелочами, и держитъ въ рукахъ все безпокойное и недовольное народоселеніе, имѣя на своей сторонѣ консервативный элементъ простаго народа. Богатый классъ народа несетъ на своихъ плечахъ всю тягость налоговъ и Наполеоновскихъ предпріятій для доставленія болышихъ средствъ жизни земледѣльческому и особенно безпокойному ремесленному классу народа. Для нѣсколькихъ сотъ тысячъ Парижскихъ работниковъ Наполеонъ строитъ квартиры за городомъ и перестраиваетъ Парижъ, чтобы доставить имъ постоянную работу. Эта перестройка не такъ смѣшна, какъ она иногда описывается. Улицы Парпжа большею частію такъ узки, что въ нихъ едва могутъ разъѣхаться двѣ кареты; дома же большею частью въ 5-ть и въ 6 этажей; очевидно, что эти условія не слишкомъ благопріятны для доброкачественности Парижскаго воздуха. Наполеоновское правительство скупаетъ дома частныхъ владѣльцевъ на улицахъ наиболѣе тѣсныхъ, кривыхъ и людныхъ, и ломаетъ

ихъ. При этомъ оно руководствуется слѣдующимъ расчетомъ: покупаетъ оно по безбидной для владѣльца оцѣнкѣ, положимъ хоть по 100 франковъ за каждый метръ. Но когда очищается мѣсто, то является множество охотниковъ купить его и выстроить новое зданіе по новому плану. Правительство охотно продаетъ желающимъ уже по 200 фр. за метръ. Оно не въ убыткѣ, и покупатель также, потому что на хорошемъ мѣстѣ онъ скоро вознаградитъ свои расходы, устроить ли онъ гостиницу, кофейну, или магазинъ. Такимъ образомъ въ послѣдніе три года явилось нѣсколько новыхъ прекрасныхъ улицъ, изъ которыхъ лучшая есть Севастопольскій бульваръ. Надобно имѣть въ виду и то, что доходы Парижа равняются доходамъ Швеціи и Норвегіи вмѣстѣ: именно они простираются до 23 милліоновъ руб. сер. Какая столица, кромѣ Лондона, такъ богата! — Предполагать въ Наполеонѣ одни военные соображенія во всѣхъ Парижскихъ перестройкахъ, значить не знать ни его, ни французскаго народа: и первый и второй очень хорошо понимаютъ, что одна грубая сила есть самая не надежная для нихъ связь; и тотъ и другой не такіе младенцы, какими ихъ представляютъ нѣкоторые господа, изображающіе ихъ по наслышкѣ со словъ какого нибудь орлеаниста или республиканца. Императоръ Наполеонъ сознаетъ, что его нравственное

вліяніе на народъ сильнѣе всѣхъ его войскъ и нисколько не боится своихъ болтливыхъ враговъ: его величіе раздражаетъ ихъ тѣмъ, что оно ихъ уничтожаетъ. Не правда и то, что въ избраніи Наполеона въ президенты и Императоры играли важную роль подкупы. Люди совершенно безпристрастные, даже не Французы, говорили мнѣ, что въ первое время и подкупать было не чѣмъ и при томъ и другомъ избраніи главную роль играли память о дядѣ и ненависть народа къ республиканскому правительству, состоявшему изъ болтуновъ и увеличившему государственные налоги. Рассказывали мнѣ много интереснаго объ этомъ импровизированномъ правительствѣ, у котораго тряслись поджилки отъ государственнаго переворота, ими неожиданнаго. Всѣ эти Лямартины, Одильоны и прочіе вѣдь доселѣ только разглагольствовали и совершенно не готовы были дѣйствовать; отъ того-то Іюньской, фельдфебельской катастрофой, республика и приготовила себѣ преждевременную могилу. Нѣсколько прекрасныхъ разсказовъ слышалъ я о личныхъ качествахъ Наполеона, какъ частнаго человѣка. Представьте себѣ во первыхъ, что онъ никогда не сердится; разъ только онъ былъ чѣмъ-то выведенъ изъ себя и сказалъ: какъ это глупо! И отъ этого весь Дворъ пришелъ въ волненіе. Вѣжливость его извѣстна всѣмъ. Свои знаменательныя рѣчи онъ обыкновенно

говорить съ приготовленіемъ, иначе онъ не краснорѣчивъ; но за то когда рѣчь заранѣе приготовлена, то она выдержитъ и литтературную и дипломатическую самую строгую критику. Видно литтературныя занятія годятся и въ Императорскомъ званіи. Я слышалъ нѣсколько разсказовъ о прекрасныхъ чувствахъ великодушія Императора къ врагамъ и благодарности къ прежнимъ друзьямъ: онъ забываетъ вражду первыхъ, но не забываетъ услугъ послѣднихъ, какъ бы они незначительны ни были. Онъ хорошо помнитъ свое прошедшее и не стыдится его. Жаль только, что своего сына воспитываетъ не какъ философъ, знающій цѣну жизни со всѣми ея горестями и радостями, а какъ прежніе французскіе Короли: въ той же роскоши и съ той же обстановкой солдатскихъ мундировъ, сопровождающихъ ребенка, даже когда онъ ѣдетъ прогуливаться въ Булонскій лѣсъ. Богъ знаетъ, что предстоитъ этому ребенку, и его отецъ самъ выражался нѣкогда объ этой неизвѣстности. Куда какъ тяжелъ будетъ переходъ изъ этой недоступной высоты въ толпу, отъ которой его теперь такъ тщательно отдѣляютъ! Сближеніе съ этой толпой никогда бы не могло принести вреда, а польза несомнѣнна: безопасно и упасть сверху, тому человѣку у котораго внизу приготовлена мягкая подстилка. Но я увлекся отъ всего Парижа въ одну сторону Тюильерійскаго дворца, о

которомъ считаю не лишнимъ кое-что сказать. Въ сторону противоположную Елисейскимъ полямъ отъ Площади Согласія начинается Тюильерійскій дворецъ, этотъ громаднѣйшій памятникъ нѣсколькихъ вѣковъ, начиная отъ Катерины Медичи и кончая Наполеономъ III, который соединилъ Тюильери и Лувръ въ одно цѣлое. Въ Парижѣ бездна громаднѣхъ зданій, но взберитесь на любую возвышеннѣйшую точку Парижа и вы увидите, что Тюильери господствуетъ надъ всемъ Парижемъ. Это цѣлый кварталъ, занятый однимъ зданіемъ разныхъ архитектуръ, представляющимъ очень оригинальный видъ. Всѣ перевороты Франціи пронесли надъ этимъ зданіемъ, не поколебавши его священной древности, оно осталось центромъ всей исторіи Франціи. Изъ него Короли самовластно управляли народомъ, изъ него же возмущившійся народъ призывалъ королей къ суду и осуждалъ на смерть или на изгнаніе. Сколько королямъ въ ночной тѣни давалъ средства къ побѣгѣ Тюильерійскій садъ! Здѣсь на каждомъ шагу исторія, здѣсь по улицамъ ходитъ исторія. Тюильерійскій садъ начинается предъ окнами дворца цвѣтникомъ и кончается къ площади Согласія дѣйствительно садомъ съ вѣковыми деревьями, непроницаемой тѣнью и широчайшими аллеями съ превосходными фонтанамъ. Частная предпріимчивость усталила всѣ аллеи желѣзными очень легкими кре-

слами, за которыя вы платите по 2 су; нигдѣ я не видѣлъ столько дѣтей съ няньками и гувернантками, какъ здѣсь: это настоящее дѣтское гулянье, и ни въ одномъ государствѣ я не видалъ столько хорошенькихъ дѣтей, какъ въ Парижѣ. Вообще и женская и мужская красота наичаще встрѣчается во Франціи; въ Германіи красивая женщина большая рѣдкость. Дѣти здѣсь одѣты съ большимъ вкусомъ, но ни разу мнѣ не удавалось видѣть той безумной роскоши ихъ костюма, какъ встрѣчаешь это на каждомъ шагу въ Петербургѣ. Все лучшее народонаселеніе Парижа, служащее образцемъ для внѣшней жизни нашего лучшаго общества (я уже не говорю о скромной Германіи) одѣвается изящно, но просто и не роскошно; одиѣ только потерянные женщины проматываютъ, что могутъ и бросаются въ глаза своею роскошью. У насъ же, начиная отъ послѣдней подъячихи и до великосвѣтской барыни, все тянется изъ кожи вонъ, чтобы только блеснуть. Какія идеи могутъ передать своимъ дѣтямъ подобныя женщины! что я говорю идеи? очень нужны онѣ нашимъ женщинамъ! А въ какой костюмъ одѣть своего сына или дочку, вотъ это дѣйствительно вопросъ важный: одѣть ли его мужичкомъ, кучеромъ, черкесомъ или солдатикомъ, неправда ли, есть объ чемъ подумать заботливой матери? Парижскія дѣти въ саду бѣгаютъ, играютъ, шумятъ, и

такъ какъ сословія во Франціи не представляютъ враждебныхъ другъ къ другу кастъ, а всѣ какъ граждане равны, то и богатые и бѣдные дѣти сходятся вмѣстѣ и не дичатся другъ друга, и не сидятъ на скамьяхъ на подобіе куколъ на пружинахъ. Тюльерійскій садъ, площадь Согласія и Елисейскія поля составляютъ самую возвышенную часть Парижа и пріятнѣйшее и здоровѣйшее мѣсто во всемъ городѣ. Парижъ весь стоитъ на хорошемъ грунтѣ и на возвышенной мѣстности, и потому пользуется здоровымъ воздухомъ; но эти мѣста съ огромными резервуарами чистаго воздуха на площадяхъ и въ садахъ и освѣжаемыя фонтанами даютъ вамъ воздухъ чище, чѣмъ на пашихъ пыльныхъ дачахъ въ Сокольникахъ и т. д. Здѣсь не стѣбитъ ѣздить для прогулокъ за городъ, довольно идти въ Тюльерійскій садъ или въ Елисейскія поля, чтобы подышать чистымъ воздухомъ, и развлечься, и отдохнуть послѣ работы. Ни одна столица въ мірѣ не можетъ похвалиться подобными мѣстами въ самомъ центрѣ города. Но Парижане имѣютъ у себя подъ бокомъ загородное гулянье: Булонскій лѣсъ. Дорога туда-широкія шоссированныя улицы, по которымъ ни ямки, ни пылинки. И все болѣе достаточное народонаселеніе несется туда бурнымъ потокомъ, особенно въ праздничные дни. Лѣсъ этотъ собственно не лѣсъ, а молоденькій сосновый и еловый лѣсъишко, но изъ

него сдѣланъ прекрасный паркъ и зоологическій садъ. Съ площади Согласія съѣздить въ Булонскій лѣсъ, досыта накататься въ немъ и пріѣхать назадъ, въ четырехмѣстной каретѣ, стоитъ около 1 р. с.; попробуйте съѣздить у насъ въ Москвѣ въ Сокольники, хоть ужъ не въ каретѣ, а въ трясучихъ и дрожащихъ пролеткахъ, среди густаго облака пыли и по неволѣ вы отдадите предпочтеніе Булонскому лѣсу, хотя онъ въ сравненіи съ Сокольниками не стоитъ ни гроша! Средства и пути сообщенія играютъ весьма важную роль въ развитіи всѣхъ сторонъ народной жизни. По извозничьимъ экипажамъ можно безошибочно судить о народномъ развитіи. Во всей Европѣ эта часть устроена превосходно. Мнѣ еще до отъѣзда за границу часто приходилось слышать жалобы извозчиковъ, и даже читать нѣкоторыхъ писателей, возстающихъ противъ извозничьей таксы. Но такса ли виновата, что у насъ нѣтъ хорошихъ извозничьихъ экипажей? Во всей Германіи, Франціи и Англіи строго держится извозничья такса, и всюду превосходные извозничьи экипажи. Безъ таксы извозникъ обращается въ мародера, что всѣ мы испытываемъ при разъѣздахъ изъ театровъ, съ гуляній и т. д., особенно въ дурную погоду. Но секретъ въ томъ, сообразна ли такса съ цѣнами жизненныхъ потребностей и съ количествомъ труда лошади, вучера и экипажа. Если таксу сжатаго Берлина или Мюнхена

дать громадному Парижу или Лондону, то конечно она обратится въ мертвую букву. Нашему растянутому Петербургу и широкой Москвѣ нужна такса парижскихъ извозничьихъ экипажей, а не Берлинская; т. е. за каждый конецъ не менѣе 30 к. с., за часъ не менѣе 50 к. с. Впрочемъ существующая теперь въ Петербургѣ такса еще ниже Берлинской; отъ того-то наши извозничьи экипажи не улучшаются, а ухудшаются. Срамъ смотрѣть, по возвращеніи изъ-за границы, на наши извозничьи экипажи, не исключая и каретъ. Но этотъ предметъ я надѣюсь довести до свѣдѣнія читателей въ своей статьѣ (*). Здѣсь же расскажу маленькій эпизодъ изъ жизни и нравовъ извозчиковъ въ Парижѣ. Въ одинъ прекрасный день отправился я изъ дому въ извозничьей каретѣ въ Палэ-роллъ, съ намѣреніемъ купить кое-какихъ мелочей. Для этой цѣли я взялъ съ собою маленькій кожаный дорожный мѣшокъ. Въ шумномъ и пестромъ Парижѣ закружится голова и самая крѣпкая, я же съ своей разстѣянностью здѣсь приходилъ просто въ отчаяніе. Разсчитавшись съ извозникомъ, я бродилъ по нѣсколькимъ магазинамъ, и тогда только хватился своего дорожного мѣшка. Пошелъ по старому слѣду, но нигдѣ его не нашелъ.

(*) Статья объ этомъ напечатана въ 222 № Москов. Вѣд.

Съ досадою на свою разсѣянность, по милости которой я тутъ же еще гдѣ-то оставилъ свертокъ только что купленной бумаги, возвращаясь домой, я обратился къ первому встрѣтившемуся мнѣ городскому сержанту (*sergent de ville*), по нашему, къ будочнику, съ вопросомъ, могу ли я найти свой мѣшокъ, если я его оставилъ въ каретѣ. «Будьте покойны, черезъ двое сутокъ вы его получите въ префектурѣ полиціи», отвѣчалъ мнѣ вѣжливый блюститель уличнаго порядка. Зная Французовъ какъ болтуновъ, которые все знаютъ и обо всемъ говорятъ съ тономъ знатоковъ, я не много повѣрилъ почтенному сержанту. Пришедши домой, я предложилъ тотъ же вопросъ служителю своего жилища и получилъ тотъ же отвѣтъ. «Въ извозничьихъ каретахъ, разглагольствовалъ гарсонъ, у насъ ничто не можетъ пропасть, даже никакое сокровище. Вы конечно имѣете извозничью карточку, которую вамъ даетъ извозникъ, прежде чѣмъ вы сядете въ его экипажъ; тамъ № его экипажа; съ этой карточкой вы идете въ префектуру полиціи, чрезъ двое сутокъ тамъ вы и получаете свою вещь. Извозникъ можетъ держать ее у себя не долѣе 24 часовъ, послѣ чего, если онъ отъ компаніи, долженъ представить въ правленіе компаніи, если же самъ хозяинъ, то прямо въ префектуру». Вотъ что я услышалъ отъ своего служителя. Чрезъ два дня я поѣхалъ въ префектуру, убѣдиться въ истинѣ всего мнѣ сказаннаго.

Мнѣ указали дорогу въ самый верхній этажъ, гдѣ помѣщается отдѣленіе для справокъ о потеряхъ. Человѣку съ слабой грудью входить туда не совѣтую, подѣ опасеніемъ дурноты и даже обморока. Не знаю, какой лукавый угараздилъ такое нужное отдѣленіе помѣстить на такой страшной высотѣ, на которую ведутъ очень крутыя и грязныя лѣстницы, обдуваемые изъ всѣхъ корридоровъ вонючимъ воздухомъ. Совершенно не нужное отдѣленіе для визированія паспортовъ находится внизу. У Французовъ не ищите нѣмецкой послѣдовательности и опрятности. Отдохнувши послѣ восхожденія на полицейскій Монбланъ, и выждавши своей очереди, я обратился къ чиновнику, впрочемъ безъ всякой формы (должно быть служащему по найму), справиться о моей потерѣ и притомъ подаль карточку, данную мнѣ извозчикомъ, везшимъ меня въ Пале-роаль. Чиновникъ сталъ рыться въ какой-то толстой книгѣ, потомъ спросилъ меня о примѣтахъ моей потери, потомъ пошелъ въ чуланчикъ, открылъ шкафъ и оттуда вынулъ мой мѣшокъ, прося расписаться въ этой книгѣ въ полученіи, и назначить извознику какое нибудь вознагражденіе за трудъ доставленія моей вещи въ префектуру. Я расписался и спросилъ, сколько назначить извознику. «Очень достаточно одного франка», сказалъ чиновникъ. Съ удовольствіемъ отдавши франкъ, я отправился домой и всю дорогу думалъ, отчего у

насъ нѣтъ ничего подобнаго. Я знаю, найдутся люди, которые скажутъ, что наши извозчики мошенники и ничего не доставятъ въ полицію. Люди вездѣ люди, и мошенниковъ во Франціи еще побольше, чѣмъ у насъ и они гораздо покрупнѣе. Обо всемъ этомъ я надѣюсь поговорить послѣ и представить доказательства своихъ словъ. Но въ данномъ случаѣ, ужели вы думаете, что одна добрая нравственность заставляетъ извозчика нести въ префектуру найденную вещь? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ; а хорошіе законы и хорошее ихъ исполненіе, созидающіе хорошіе нравы! Хорошіе законы пишутся передовыми людьми разныхъ классовъ общества, нравственные начала которыхъ очевидно выше нравственности низшихъ классовъ, т. обр. законы вліяютъ на улучшеніе нравовъ, а честное ихъ исполненіе поддерживаетъ эти добрые нравы, злему же началу не позволяетъ вредить обществу. Положимъ, негодяй извозчикъ утаилъ вещь; между тѣмъ за ней пришли въ префектуру. Честная и бдительная полиція начинаетъ слѣдить за подозрѣваемымъ воришкою и рано ли поздно ли, но непременно его поймаетъ и судъ накажетъ виновнаго справедливо. Вотъ эта то честность и бдительность полиціи и неподкупность суда и заставляютъ даже и негодяя нести оставленную у него въ каретѣ вещь въ префектуру. Конечно тамъ, гдѣ иногда полиція и судъ бываютъ по обстоятельствамъ снис-

блѣдножелтое существо, изъ низшаго класса, ревноваль свою любовницу къ одному доктору и разъ увидѣвши ее вмѣстѣ съ нимъ, по возвращеніи ея домой, пырнулъ ей ножомъ въ бокъ; къ счастью ножъ скользнулъ по платью, на крикъ ея прибѣжали сосѣди и отняли жертву у ея палача. Преступникъ всячески старался запутать это простое дѣло, но сѣдовласый судья, какъ орелъ налеталъ на всякую его ложь, тотчасъ раздиралъ ее на части и обращаясь къ присяжнымъ, объяснялъ въ чемъ дѣло. Прокуроръ съ своей стороны ему дѣятельно помогалъ; а ассессоры сидѣли молча; два секретаря записывали допросъ. При мнѣ допрашивали самую обвинительницу, дѣвушку лѣтъ 25, сколько она времени была любовницей этого Отелло, какъ онъ съ ней обыкновенно обращался и ее содержалъ, и дѣйствительно ли она возбуждала его ревность своимъ непостоянствомъ и ходила къ доктору N. При входѣ каждаго новаго лица къ допросу оно становится посреди комнаты, предъ висящимъ распятіемъ, и поднимая руку вверхъ, принимаетъ коротенькую присягу словъ изъ 20, въ томъ, что оно будетъ говорить истину. Лица, подлежащія допросу, отвѣчаютъ среди комнаты, а преступники со своихъ скамей, стоя: остальное время всѣ сидятъ. Здѣсь и высшимъ и низшимъ классамъ народа въ судѣ говорятъ не ты, а вы. При мнѣ же являлся къ

допросу и докторъ. Проговоривши безъ перемежки минутъ пять, онъ былъ тотчасъ отпущенъ. — Чѣмъ кончилось все это дѣло, не знаю, потому что я не могъ тратить нѣсколько часовъ въ день, чтобы за нимъ слѣдить. Замѣчательно, что публика здѣсь присутствующая, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за ходомъ всего дѣла, и когда преступникъ начинаетъ сбиваться въ показаніяхъ, противорѣчить себѣ и лгать, то поднимается глухой ропотъ между зрителями; тѣмъ большимъ сочувствіемъ они дарятъ человѣка увлеченнаго въ преступленіе силой обстоятельствъ, равно какъ и судью, умѣющаго распутать запутанное дѣло и вывести на свѣтлую воду преступленіе. Это такой контроль, отъ котораго не укроется ни одно движеніе. Публика мужская и женская безпрестанно смѣняется, одни уходятъ, другіе приходятъ и шопотомъ разспрашиваютъ ходъ дѣла. Въ судебной палатѣ нѣтъ ни одного полицейскаго сержанта, и порядокъ и тишина никогда не нарушаются. Объ этомъ палата проситъ своей надписью, на стѣнѣ, и публика не заставляетъ напоминать себѣ объ этомъ чрезъ полицію. Между тѣмъ не думайте, чтобы это была высшая или средняя публика, — большею частью тутъ бываетъ простой народъ. Весьма было бы полезно нашимъ молодымъ юристамъ прежде поступленія въ судьи, побывать въ европейскихъ судахъ, прислушаться и приглядѣться ко всему здѣ-

шнему порядку и сравнить одни суды съ другими. Здѣшніе судьи тоже юристы, только не молодые, а тершіе лямку адвокатовъ цѣлые десятки лѣтъ, прежде полученія мѣста судей. Основательное, а не верхоглядное теоретическое образованіе и честное поведеніе составляютъ въ судѣ постоянныя качества, и все это вмѣстѣ дѣлаетъ его предметомъ глубокаго уваженія всего общества. Впрочемъ о здѣшнихъ судьяхъ, адвокатахъ и присяжныхъ у насъ уже было писано такъ много, что считаю лишнимъ распространяться объ томъ, что извѣстно всякому читателю нашихъ журналовъ и газетъ. Изъ уголовного суда я отправился въ Полицейскій (*chambre de police correctionnelle*), находящійся въ томъ же зданіи. Полицейскій, стоящій у дверей, спросилъ мой паспортъ и тотчасъ же меня пропустилъ. Здѣсь президентъ съ двумя ассессорами и прокуроръ, въ тѣхъ же костюмахъ, но нѣтъ ни присяжныхъ, ни адвоката. Скамьи для подсудимыхъ у одной стѣны, всѣ другія заняты публикой, между которой встрѣчаются и дамы. Судья вызываетъ поочереді преступниковъ и допрашиваетъ, прокуроръ справляется въ толстой алфавитной книгѣ, не попадались ли они прежде, два секретаря записываютъ допросъ; пока я былъ въ судѣ около получаса, по крайней мѣрѣ семь человѣкъ были допрошены и приговорены къ извѣстнымъ наказаніямъ, болѣе всего за воров-

ство и бродяжничество. Эти преступники большею частью застарѣлыя изчадія уродливой жизни большихъ городовъ: безъ всякаго угрызенія совѣсти совершаютъ свои преступленія, шути въ нихъ признаются и безпечно принимаютъ наказанія исправительныхъ, смирительныхъ и рабочихъ домовъ, и тюремное заключеніе. Высидѣвши тамъ опредѣленный срокъ, многіе изъ нихъ опять явятся на то же поле дѣятельности, на которое съ самаго начала большею частію толкаетъ нищета и дурные примѣры, а потомъ влечетъ привычка, и такъ дѣло идетъ до тѣхъ поръ, пока выселятъ такихъ вредныхъ гражданъ въ какую нибудь Алжирію, на новыя мѣста съ новыми нравами. Тѣлеснаго наказанія, здѣсь вовсе не существуетъ. О вліяніи гласнаго судопроизводства и тѣлесномъ наказаніи у насъ очень много уже было говорено и писано. Объ этомъ мнѣ удалось слышать отъ одного русскаго Нѣмца, что у русскаго народа не развита честь и потому, кто выкатитъ ему бочку вина, того онъ изберетъ въ присяжные, и безъ тѣлеснаго наказанія съ нимъ не справишься, а въ добавокъ ко всему негдѣ взять ни судей, ни адвокатовъ, приготовленныхъ къ открытому судопроизводству. Но на эти возраженія стыдно отвѣчать. Такое низкое понятіе о чести русскаго народа могутъ имѣть только нѣмцы, или русскіе, еще меньше нѣмцовъ его знающіе

и понимающіе, хотя можетъ быть и любящіе его по своему, наподобіе глупой матери, которая говоритъ, что безъ розги не возможно воспитать ребенка.

Удалось мнѣ побывать и въ знаменитой Парижской исправительной тюрьмѣ (La prison des jeunes détenus), находящейся противъ кладбища Лашеза. Подобныя посѣщенія стоятъ довольно много хлопотъ, отъ которыхъ я избавился, благодаря почтенному нашему соотечественнику І. В. В., давно живущему въ Парижѣ. Онъ досталъ разрѣшеніе отъ министра внутр. дѣлъ, для посѣщенія этой тюрьмы. Нигдѣ такъ часто не прихотится показывать свой паспортъ, какъ въ Парижѣ: Французы по природѣ своей страстные во всемъ, въ бюрократіи просто азартны, тогда какъ Нѣмцы спокойные ея аматеры, Англичане..... по объ этомъ рѣчь впереди. И такъ мы втроемъ явились въ эту исправительную тюрьму. Какой-то солдатъ пошелъ объ насъ докладывать смотрителю и понесъ къ нему данную намъ индульгенцію. Черезъ минуту воротившись, пригласилъ насъ войти въ контору, гдѣ встрѣтилъ насъ какой-то пухлый, надутый, рыжій господинъ, вопросомъ: изъ любопытства что ли мы хотимъ осмотрѣть это заведеніе? Что было отвѣчать на подобный нелѣпый, невѣжливый и совершенно излишній вопросъ? Нашъ путеводитель нашелся однако сказать любопытному смо-

трителю, что мы его соотечественники и желаемъ знать, въ какомъ положеніи находится это заведеніе. Вѣроятно, тщеславному Французу хотѣлось услышать какой нибудь комплиментъ Франціи вообще и въ частности его заведенію, но кромѣ сквозъ зубы и съ неудовольствіемъ сказаннаго выше сего отвѣта онъ отъ насъ ничего не услышалъ и хотя-нехотя, а повелъ насъ по заведенію. Это огромное зданіе, въ которомъ содержится болѣе 500 человѣкъ преступниковъ, не старѣе 20 лѣтняго возраста. Репертуаръ преступленій чрезвычайно разнообразенъ, равно какъ и лѣта преступниковъ, но болѣе всего содержатся здѣсь за воровство, бродяжничество и мошенничество. Сословіе, доставляющее сюда преступниковъ, есть преимущественно пролетаріатъ, люди неимѣющіе не только земельной, но почти ни какой собственности и живущіе и умирающіе, какъ птицы небесныя. Мы обошли около 20 камеръ молодыхъ преступниковъ. Смотритель изъ угрюмага педанта чиновника, мало по малу обращался въ естественное свое состояніе болтуна-Француза и рассказывалъ намъ біографіи своихъ нравственныхъ паціентовъ. Каждый преступникъ содержится въ особенной камерѣ, въ которой помѣщается желѣзная кровать съ хорошимъ тюфякомъ, чистыми подушками, простыней и шерстянымъ одѣяломъ. Нѣкоторыхъ мы заставляли за трапезой, состоящей изъ бѣлаго хлѣба и

вареного гороха. Въ камерѣ стоитъ столикъ и стулъ, на стѣнахъ планочки, за которыми торчатъ разные рабочіе инструменты: слесарные, токарные, переплетные и т. д. Дѣло исправленія юныхъ преступниковъ начинается съ того, что безграмотныхъ учатъ грамотѣ. Для этого въ тюрьму приходятъ такъ называемые братья христіанскаго ученія (*Les frères de la doctrine chrétienne*); это собственно не духовныя лица, а міряне, посвящающіе себя на безмездное образованіе бѣднаго простаго класса народа. Они даютъ обѣты на годъ, на два и т. д., послѣ истеченія которыхъ они совершенно свободны возобновить или прекратить свое добровольное служеніе. Они носятъ одежду подобную духовнымъ лицамъ. Братство это пользуется отъ добровольныхъ пожертвованій большими средствами, и по своей нравственности—глубокимъ уваженіемъ общества. Приходятъ они въ эту тюрьму ежедневно и проводятъ въ ней по нѣскольку часовъ, поучая и просвѣщая несчастныхъ молодыхъ преступниковъ, между которыми много есть молодыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ. У каждаго заключеннаго мы видѣли разные учебныя книги; у нѣкоторыхъ видѣли образчики ихъ письма и рисованія. Сверхъ этого, самаго плодотворнаго средства исправленія, сюда приходятъ довѣренныя отъ правительства мастера, раздаютъ свои матеріалы и обучаютъ преступниковъ

безденежно различнымъ мастерствамъ, за что пользуются продажей ихъ издѣлій въ свою пользу. Это же правило существуетъ и въ другихъ тюрьмахъ для взрослыхъ, съ тою только разницею, что ихъ издѣлія, какъ болѣе совершенныя, приносятъ имъ самимъ задѣльную плату, которая отчасти идетъ на улучшеніе ихъ пищи, частію образуетъ запасный капиталъ, который выдается имъ на руки при выходѣ ихъ изъ тюрьмы. Я видѣлъ подобныя фабрикаты въ Берлинѣ и Парижѣ. Эта благотѣльная организація работъ въ тюрьмахъ къ несчастію имѣетъ свою тѣневую сторону: издѣлія заключенныхъ, какъ людей пользующихся казеннымъ содержаніемъ, продаются несравненно дешевле вольныхъ рабочихъ и такимъ образомъ своей конкуренціей отбиваютъ у этихъ задѣльную плату у ихъ хозяевъ, которые затрудняются сбытомъ ихъ произведеній. Келейное *одиночное* заключеніе молодыхъ преступниковъ, по видимому, не можетъ приносить съ собою обыкновенныхъ невыгодъ этого рода заключенія, они ежедневно посѣщаются своими учителями, и занятые работами, не могутъ очень скучать и ханжить въ своемъ невольномъ одиночествѣ. Сверхъ того ихъ могутъ посѣщать родители, родственники и знакомые. Въ двери каждой камеры сдѣлано отверстіе, въ которое стоитъ преступнику всунуть желѣзную задвижку, и къ нему тотчасъ же являет-

ся корридорный дежурный узнать, что ему нужно. Но система одиночнаго заключенія здѣсь такъ строго выполняется, что ни одинъ преступникъ, во все время своего здѣсь заключенія, не видитъ другаго: гулять по двору ихъ выпускаютъ по одиночкѣ и даже въ церкви для каждаго такъ хитро устроено отдѣльное мѣсто, что они не могутъ видѣть другъ друга. Смотритель съ видимымъ торжествомъ показывалъ намъ это фокусное устройство въ церкви кѣлочекъ для каждаго преступника. Цѣль такой строгости главная та, чтобы ни кто не могъ попрекать другъ друга старыми грѣхами по освобожденіи изъ тюрьмы, когда преступникъ совершенно исправится. Управление приискиваетъ имъ мѣста и слѣдитъ за ихъ поведеніемъ. Смотритель говоритъ, что эта система приноситъ самые благотворные плоды. Я видалъ довольно остроговъ и преступниковъ въ своемъ отечествѣ, но почти никогда не видалъ я такихъ одичавшихъ фizioномій, какія одна къ другой какъ будто на подборъ попадались мнѣ здѣсь. Эти искаженныя черты дѣтскихъ лицъ, эти дикобѣгающіе глаза, эта дрожащая рѣчь, никогда у меня не выйдутъ изъ головы. Нѣкоторыя фizioноміи до того страшны, что на первый разъ онѣ всякому покажутся сумасшедшими. Любителю и знатоку крaніоскопiи и фizioноміики здѣсь самая богатая жатва наблюденій. Невольно мы трое перекидывались за-

мѣчаніями по-русски, не понятными ни для смотрятеля, ни для преступниковъ. Особенно нашъ путеводитель съ своимъ острымъ и наблюдательнымъ взглядомъ дѣлалъ много интересныхъ замѣчаній. Признаюсь, что поклоняясь этому учрежденію, при видѣ нѣкоторыхъ физіономій, мы приходили въ отчаяніе на счетъ ихъ исправленія. Нашей русской простотѣ обращенія непріятнымъ казалась и манера смотрятеля, который и гладилъ, и ласкалъ преступниковъ, и называлъ ихъ: мой милый, а они отъ него какъ дикіе звѣри пятились въ уголъ. При исправленіи преступника французское фразерство конечно бесполезно; вѣдь это не русскія дамы, любящія милую французскую болтовню, прикрывающую большей частью самый сухой эгоизмъ и самую пошлую пустоту. Впрочемъ можетъ быть намъ такъ только показалось, а на дѣлѣ не такъ, и въ этомъ заведеніи господствуетъ не форма, а духъ христіанской любви и разумнаго пониманія падшей человѣческой природы. Нѣкоторые преступники на вопросы наши, за что они попали сюда, отвѣчали полупутя, другія боязливо и одинъ только съ искреннимъ раскаяніемъ о своемъ преступленіи. Не веселое впечатлѣніе вынесъ я изъ этого благотельнаго заведенія о вліяніи большихъ городовъ на развращеніе самыхъ юныхъ членовъ общества. Эти китоподобные города въ родѣ Парижа и Лондона, съ ихъ

чудовищнымъ богатствомъ и такой же нищетою, сами причиной того, что ихъ тюрьмы годъ отъ году увеличиваются. Промышленность можетъ процвѣтать и въ маленькихъ городахъ, и въ деревняхъ, особенно при настоящихъ путяхъ сообщенія, и, можетъ быть, для блага человѣчества когда нибудь начнется это передвиженіе городского народа на чистый деревенскій воздухъ.

Отсюда я прямо отправился на кладбище Лашеза; это собственно не кладбище, не нива Божія, а пышный городъ мертвыхъ. Здѣсь, какъ и въ городахъ живыхъ выстроены цѣлые дома, отгороженные одинъ отъ другаго каменными стѣнами и желѣзными рѣшетками; на самомъ видномъ мѣстѣ краснорѣчивая надпись гласить, кому принадлежитъ жилище. Здѣсь есть кварталы аристократическіе, ученые и нищіе. Философъ, историкъ и этнографъ найдутъ себѣ богатую жатву наблюденій на этомъ кладбищѣ: для архитекторовъ же это есть настоящая школа. Какихъ памятниковъ и какихъ надписей тутъ нѣтъ! Тщеславіе одного подстрекаетъ тщеславіе другаго и вотъ воздвигаются памятники, стоящіе цѣлыя сотни тысячъ франковъ! Есть и русскіе памятники, которые уже конечно не ударяютъ себя лицомъ въ грязь. Состязаніе богатствомъ вѣдь не то, что состязаніе талантами, оно возможно даже для Турокъ и Персіянъ, которые могутъ превосходить и удивлять своей

роскошью даже Европейцевъ. Кладбище Лашеза находится на довольно высокомъ холму, съ котораго открываются превосходные виды на Парижъ. Все оно густо насажено деревьями и прорѣзано мощеными улицами. Мѣста на немъ доступны только богатымъ людямъ, для бѣдныхъ же за кладбищемъ отведенъ клочокъ земли, въ которую ихъ кладутъ тоже за деньги, но дешевле, плотно одного къ другому, и то не навсегда, а только на пять лѣтъ, послѣ чего кости вырываютъ и вмѣстѣ съ другими, отлежавшими свой срокъ вблизи богатыхъ, сваливаютъ въ общую яму. Замѣчательно, что не смотря на громадное количество труповъ, здѣсь нѣтъ никакого зловонія, тогда какъ на Пятицкомъ кладбищѣ въ Москвѣ, въ прошломъ году въ майѣ мѣсяцѣ, я чуть не задохся; меня впрочемъ утѣшили могильщики, сказавши, что это пахнетъ не отъ покойниковъ, а отъ бойни, находящейся рядомъ съ кладбищемъ. Какимъ образомъ тутъ очутилась бойня и какъ она смѣетъ заражать воздухъ, тогда какъ эти заведенія состоятъ подъ самымъ строгимъ медицинполицейскимъ надзоромъ, для меня и до сихъ поръ остается необъяснимымъ.— Кромѣ кладбища Лашеза, есть еще нѣсколько большихъ кладбищъ въ Парижѣ и вездѣ тотъ же порядокъ, та же тѣснота. По богатству же это кладбище есть первое; называется оно такъ потому, что эта земля при-

надлежала нѣкогда монаху Лашезу, духовнику Людовика XIV. Какимъ ужъ образомъ устроилось тутъ кладбище, не знаю. Опишу вамъ хоть два памятника. Путеводитель нашъ вскорѣ при входѣ на кладбище привелъ насъ къ одному огромному памятнику, огороженному чугунной рѣшеткой и покрытому желѣзной крышей; памятникъ представляетъ катафалкъ, на которомъ въ позѣ мертвыхъ лежатъ рядомъ мужчина и женщина: это знаменитые Абельяръ и Элоиза, прославившіеся нѣсколько столѣтій тому назадъ своею любовію, разлученные родителями, ушедшіе въ разные монастыри и тамъ опять сошедшіеся: Абельяръ сдѣлался настоятелемъ монастыря, въ которомъ жила Элоиза. Ихъ погребли въ одномъ гробѣ въ какомъ-то городишкѣ. Первая революція перетасила ихъ на здѣшнее кладбище. Памятникъ ихъ постоянно уставленъ цвѣтами и разными голыми женскими статуэтками, которыя приносятся разными любящимися сердцами. Сюда притекають эти сердца приносить другъ другу обѣты въ вѣчной вѣрности на могилахъ примѣрныхъ любовниковъ. При выходѣ съ кладбища насъ поразила одна громадная колонна, выстроенная въ видѣ колпака около самыхъ воротъ. Подошли посмотреть и увидѣли, что это памятникъ какому-то богатому французскому купцу, выстроенный по его распоряженію и стоящій по крайней мѣрѣ 100,000

франковъ. Одинъ изъ насъ сказалъ при этомъ, экспромтомъ, приличную этому господину эпитафію, которая поражала насъ своей краткостію, силою и простотою, и возбуждала совсѣмъ не грустныя, а напротивъ веселыя чувства. Путеводитель нашъ рассказывалъ при этомъ, что однажды, осматривая нашу строящуюся новую церковь въ Парижѣ, съ высоты ея онъ былъ пораженъ неожиданно выросшимъ на кладбищѣ Лашеза столбомъ, и невольно обратился къ работникамъ, не знаютъ ли они, что это за громадный съ блестящей крышей столбъ явился на кладбищѣ? Какъ вы думаете, что отвѣчали работники? «Должно быть какой нибудь Русскій выстроилъ новый памятникъ». Все чудовищное, мотовское, расточительное, приписывается непременно Русскимъ. Нечего сказать, не завидная слава! Впрочемъ до сихъ поръ за границей фигурировали почти исключительно богатые люди, не знавшіе цѣны деньгамъ.

Мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть въ Парижѣ пріюты для малолѣтнихъ дѣтей: Crèches и Asiles, о которыхъ часто упоминалось въ нашихъ журналахъ. Благодаря тому же доброму путеводителю, я видѣлъ тѣ и другія заведенія. Въ Ясляхъ (crèches) находятъ пріютъ грудныя дѣти до 2 лѣтъ: сюда приносятъ ихъ матери, уходя изъ дому на работу; здѣсь дѣти на-

ходятъ спокойныя люльки съ чистымъ бѣльемъ, внимательный уходъ и пищу, состоящую изъ молока и бѣлаго хлѣба. Матери, кормящія грудью, приходятъ сюда среди дня покормить своихъ птенцовъ. Устроены и содержатся подобныя заведенія частною благотворительностью, въ которой главную роль играютъ дамы. Всѣхъ Яслей въ Парижѣ болѣе 20. Уходомъ за дѣтьми занимаются сестры милосердія, братства Св. Викентія. Сестры этого братства, какъ ангелы утѣшители являются вездѣ, и въ больницахъ, и въ сумасшедшихъ домахъ, и въ тюрьмахъ, и въ домахъ богатыхъ и бѣдныхъ больныхъ. Онѣ пользуются глубочайшимъ уваженіемъ всего народа; избави Боже, еслибы кто нибудь вздумалъ оскорбить сестру! за нее вступятся всѣ отъ мала до велика. За пріютъ своихъ дѣтей родители платятъ въ день по нѣскольку су. При каждомъ заведеніи есть свой докторъ. Эти заведенія тоже самое, что нѣмецкія Kinderbewahranstalten. Подробности устройства и управленія этихъ заведеній я надѣюсь представить въ особенной статьѣ, потому что польза ихъ несомнѣнна, равно какъ и необходимость ихъ устройства у насъ. Убѣжища (asiles) существуютъ во всякой общинѣ: это пріюты для дѣтей отъ 3 до 10 лѣтъ. Здѣсь они учатся, играютъ, поютъ и проводятъ цѣлый день, приходя утромъ и уходя вече-

ромъ. Пищу приносятъ съ собой (*). Воспитаніемъ и обученіемъ ихъ здѣсь занимаются женщины, состоящія подѣ надзоромъ мѣстныхъ священниковъ. Мы просидѣли около получаса въ одномъ такомъ пріютѣ. Воспитательницы показывали намъ разные фокусы, которые выдѣлываютъ ихъ дрессированные чело-вѣчки: вставали и садились всѣ вдругъ, по знаку дамы, поднимали и опускали руки тоже всѣ вдругъ по командѣ, читали таблицу умноженія съ разными кривляньями рукъ, пѣли, и наконецъ въ заключе-ніе спектакля отвѣчали на нѣкоторые вопросы учи-тельницы, какъ попугаи, безъ всякаго смысла. Да и какимъ образомъ требовать смысла, когда шести-лѣтнему ребенку учительница задаетъ вопросъ: что есть Богъ?, и тому подобныя. Неудовлетворитель-ность отвѣтовъ учительница приписывала тому об-стоятельству, что обыкновенно дѣти отвѣчаютъ на всякій выученный вопросъ всѣ хоромъ, въ одинъ голосъ, а при насъ ихъ спрашивали по одиначкѣ. Обращеніе съ дѣтьми по видимому не очень-то гу-

(*) Выходя изъ такого пріюта, я невольно обратилъ внима-ніе на разныя очень опрятныя корзинки, стоящія въ перед-ней и увидѣлъ въ нихъ яйца, масло, картофель, мясо, плоды и чистѣйшій бѣлый хлѣбъ. И это ѣдятъ дѣти про-стаго класса народа! Одежа на нихъ очень проста, но безукоризненно опрятна.

мѣнное: при насъ классная дама давала такіе толчки въ спину неуклюжимъ и неповоротливымъ, что дѣти сильно морщились; что же дѣлается безъ постороннихъ зрителей? Священникъ, по словамъ самой классной дамы, рѣдко заходитъ въ эту школу. Классная дама молодая, румяная, полная женщина, съ сильнымъ желаніемъ нравиться. Так. обр. я здѣсь видѣлъ тоже, что и въ нѣкоторыхъ нашихъ пріютахъ, мною осматрѣнныхъ: тѣ же уроки послушанія, ту же дрессировку, а не обученіе и воспитаніе, объ чемъ уже и было мною говорено въ одной изъ книжекъ покойнаго журнала Землевладѣльцевъ.

Мнѣ бы вовсе не хотѣлось описывать ни какого зданія: всѣ замѣчательныя уже нѣсколько разъ описаны самими Французами и разсѣяны по цѣлому міру въ видѣ иллюстрацій, гравюръ и фотографій, благодаря чему, мы знаемъ Парижъ лучше своей Москвы. Но зданіе, о которомъ я хочу говорить, еще только что строится и для насъ имѣетъ самый живой интересъ. Я хочу сказать нѣсколько словъ о нашей новой церкви въ Парижѣ. Число русскихъ путешественниковъ годъ отъ году увеличивается. Много было говорено и писано за и противъ этого передвиженія, теперь кажется уже никто не сомнѣвается, что эти путешествія въ общей сложности доставляютъ отечеству болѣе пользы, чѣмъ вреда. Дрянному человѣку вы нигдѣ не помѣшаете мѣтаться

и развращаться, но путешествуютъ конечно не одни дрянные люди, ни какой пессимистъ не откажется допустить между ними и такихъ людей, которые ѣдутъ для того, чтобы своими собственными глазами видѣть и убѣдиться въ томъ, что произвела западная цивилизація, и на какой ступени ея стоимъ мы. Парижъ и по климату, и по удобствамъ жизни, и по развитію всѣхъ сторонъ человѣческаго духа отъ великаго до смѣшнаго, представляетъ центръ, куда стремятся не одни русскіе, но даже и нѣмецкіе, и англійскіе, и американскіе путешественники. Послѣ того не удивительно, что въ прошлую зиму здѣсь проживало болѣе 2000 русскихъ семействъ. Наша церковь до сихъ поръ, съ давнихъ временъ, помѣщалась въ наемномъ домѣ, въ улицѣ Берри, № 12. Въ продолженіе десятковъ лѣтъ переплачена за квартиру такая сумма, на которую можно бы давно выстроить свое собственное помѣщеніе и для церкви и для причта. Около трехъ лѣтъ тому назадъ, при дѣятельной заботливости настоятеля церкви протоіерея Іосифа Васильевича Васильева, при пособіи правительства и частныхъ пожертвованій куплено въ Парижѣ мѣсто, стоившее около 300,000 франковъ и приступлено къ постройкѣ церкви византійскаго стиля, которая въ настоящее время приходитъ къ концу. Оригинальною красотою архитектуры, здѣсь совершенно не выда-

ной, изяществомъ и богатствомъ наружныхъ и внутреннихъ украшеній она будетъ привлекать вниманіе всѣхъ Французовъ болѣе, чѣмъ ихъ собственныя сѣрыя снаружи и грязныя внутри церкви. Пять золоченныхъ главъ будутъ блестѣть, какъ звѣзды, надъ сѣрой массой цѣлаго Парижа. Можно сказать съ увѣренностью, что Французы цѣлыми толпами будутъ останавливаться предъ церковью. Вліяніе одной уже внѣшности будетъ громадное: здѣсь нѣтъ ни одной иновѣрческой церкви сколько нибудь похожей на нашу. Церковь можетъ помѣщать до 2000 народа и будетъ стоить болѣе 300,000 р. сер. Замѣчательно, что болѣе всего на нее пожертвовало правительство и дворянство: купечество же наше, такъ любящее устроивать церкви и лить колокола, на здѣшнюю оказалось очень скупымъ, тогда какъ она одна принесетъ пользы болѣе, чѣмъ нѣсколько новыхъ церквей тамъ, гдѣ въ нихъ нѣтъ недостатка. На западѣ вообще имѣютъ самое дурное понятіе о нашей религіи, о нашихъ церквяхъ и нашемъ духовенствѣ, чему много содѣйствуетъ католическое духовенство и особенно іезуиты, распространяя самыя нелѣпыя слухи о томъ и другомъ. Пусть же видятъ сами, цѣлые миллионы католиковъ нашу церковь, наши обряды и наше духовенство. Я былъ въ Парижѣ во многихъ католическихъ церквяхъ, и ни въ одной не видѣлъ не только

благолѣпія, подобающаго дому Господню, но даже и опрятности. Духовенство католическое само стоитъ здѣсь низко въ глазахъ народа по причинѣ своихъ интригъ, преслѣдующихъ земныя цѣли. Чтобы разбивать его собственнымъ же его орудіемъ, направленнымъ противъ насъ, т. е. печатью, въ Парижѣ издается кружкомъ Русскихъ духовный журналъ: *L'Union Chrétienne*, въ которомъ сообщаются надлежащія понятія о русской религіи, церкви и духовенствѣ. Журналъ этотъ, существуя около году, приобрѣлъ уже почетъ у всѣхъ серьезныхъ духовныхъ журналовъ въ цѣлой Европѣ; но за то пажилъ страшныхъ враговъ въ іезуитахъ, старавшихся и доселѣ старающихся всѣми мѣрами ему вредить, и если можно, то и остановить его изданіе. Журналъ самымъ своимъ заглавіемъ обозначаетъ свою цѣль — единенія всѣхъ во Христѣ Иисусѣ; но это-то единеніе и не выгодно для людей, которые религію употребили для достиженія богатствъ и власти съ одной стороны и помраченія народа съ другой. Очень жаль, что этотъ журналъ у насъ въ Россіи почти не извѣстенъ. Я привезъ его съ собою, но у меня отобрали его въ таможи для пересылки въ цензуру. Когда его получу(*), то надѣюсь выписками изъ

(*) Я его получилъ мѣсяца черезъ два, по пріѣздѣ въ Москву, изъ канцеляріи Гражд. Губернатора, но другой книжки не

него ближе познакомить съ нимъ нашихъ читателей. Довольно сказать, что всѣ лучшія либеральныя французскія газеты отдають ему должную честь, и что онъ имѣетъ уже до 500 подписчиковъ во всѣхъ странахъ Европы. Это очень замѣчательно. Религіозныя журналы католическаго духовенства издаются постоянно въ убытокъ издателямъ и число подписчиковъ постоянно уменьшается. Духъ свободы, носящійся въ воздухѣ, всюду заставляетъ читать только либеральныя газеты. Газета Nord, не смотря на поддержку двухъ правительствъ во 100,000 франковъ, близка къ паденію; тогда какъ l'Opinion nationale, не существующая и году, имѣетъ уже около 20,000 подписчиковъ; Siècle около 90,000, потому что это двѣ самыя независимыя газеты. — Отъ русской церкви я немножко уже ушелъ въ сторону. Внимательный Императоръ Наполеонъ вокругъ цер-

получилъ еще и теперь, т. е. по истеченіи 4 мѣсяцовъ. Сколько времени и расходовъ стоятъ эти справки въ канцеляріи и неизвѣстно когда еще получится разрѣшеніе на выдачу книги. Иные стараются обходить эти правила, напр. книги прячутъ отъ таможеннаго осмотра. Какъ бы удобно было, еслибы при таможенныхъ находились особые чиновники для осмотра книгъ: что не позволено ввозить, то останавливать, а что разрѣшено, то сейчасъ же пропускать, а теперь не только духовныя, политическія, но и медицинскія книги и разныя учебники посылаются въ Иностранную Цензуру.

еви хочеть сломать безобразія ея зданія и сдѣ-
лать площадь и бульваръ, что обойдется не менѣе
100,000 франковъ. Вотъ каково уваженіе Импера-
тора Французовъ къ русской націи, которую иные
Русскіе уважають гораздо менѣе! Представьте себѣ,
что наши барыни приходятъ въ нашу церковь по
видимому только для того, чтобы порисоваться шири-
ною французскихъ кринолиновъ, съ французскими
молитвенниками и поболтать послѣ служенія другъ
съ другомъ по-французски. Мало этого, даже къ
священнику обращаются съ французскимъ языкомъ.
Трудно представить неуваженіе болѣе возмутитель-
ное для чести народа. И кого же удивлять здѣсь
французскимъ языкомъ, когда здѣсь и лакеи гово-
рятъ лучше ихъ по-французски? Не ужели наше
отечество такъ низко, что мы должны стыдиться
показываться Русскими? Еще черта неуваженія къ
своему народу: уѣзжая на лѣто изъ Парижа, рыс-
кать по разнымъ водамъ, нѣжныя матушки остав-
ляютъ дѣтей въ парижскихъ пансіонахъ, гдѣ ма-
лютки забываютъ свой языкъ и свою вѣру. Для
виду только приглашаютъ какого нибудь члена нашей
церкви въ Парижѣ, ходить въ пансіонъ и учить
закону Божію, и посмотрите, какъ торгуются съ
русскимъ учителемъ за каждую копейку! Являются
даже и такіе господа, которые безъ всякаго зазрѣ-
нія совѣсти отказываютъ портному, узнавши, что

онъ Русскій: откуда берется такое отчужденіе къ своему отечеству, я не берусь рѣшать.

Я нашелъ въ Парижѣ и русскаго ресторатора и русскаго портнаго. Имъ здѣсь такъ понравилось, что они и не думаютъ никогда выѣзжать изъ Франціи. Рестораторъ, бывшій крѣпостной человѣкъ князя К., здѣсь женился на Парижанкѣ и живетъ припѣваючи. Кто хочетъ имѣть русскій столъ и не быть обманутымъ французскими портными, тому могу рекомендовать этихъ двоихъ честныхъ промышленниковъ (*). Оба они одинаково хвалятъ французскіе законы, на сколько они до нихъ касаются. Они мнѣ рассказывали подробно всѣ свои отношенія къ мѣстному управленію, всѣ свои подати и весь ходъ своихъ дѣлъ, и по ихъ словамъ составлялась самая отрадная картина быта французскихъ гражданъ. Въ настоящемъ очеркѣ Парижа я считаю неумѣстнымъ помѣщать всѣ эти рассказы. Особенно хвалили мнѣ здѣсь единогласно всѣ Русскіе полицію.

(*) *Адресъ портнаго:* Rue de Colennes, 4. M. Bergfeld. Онъ изъ Остѣ-Зейскихъ губерній.

Адресъ русской рестораціи: Rue de Anjou-Saint-Honore, 8; надъ ней русскими буквами написано: русскій трактиръ, прислуга здѣсь не русская, при мнѣ былъ уморительный гарсонъ Нѣмецъ, собиравшійся въ Россію. Вся Французская прислуга очень недовольна своими хозяевами за ихъ дурное содержаніе.

Настоящая французская городова́я стража устроена по образцу английской, кажется въ послѣдніе годы Людовика Филиппа. Она состоитъ изъ городскихъ сержантовъ (*sergents de ville*) подъ начальствомъ особыхъ офицеровъ. Въ городскіе сержанты министерство полиціи выбираетъ большею частію изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ (*), лучшихъ людей по нравственности, развитости и расторопности, и даетъ имъ хорошее содержаніе: по 100 франк. (25 р. с.) въ мѣсяцъ, кромѣ казенной одежды. Форма ихъ — синій фракъ со шпагой и трехугольной шляпой. Большая часть носить козлиную бородку. Въ нѣкоторыхъ же государствахъ, какъ напр. въ Австріи, совсѣмъ напротивъ, въ полицейскую и пожарную команду назначаются нижніе чины, по своимъ нравственнымъ и физическимъ недостаткамъ, не способные къ строевой службѣ, и даютъ имъ около 3 талеровъ въ годъ жалованья кромѣ казеннаго содержанія. Должность французскихъ сержантовъ состоитъ въ наблюденіи порядка и тишины на улицахъ. Если васъ кто нибудь обидѣлъ или обманулъ при свидѣтеляхъ, стоитъ только обратиться къ поли-

(*) Въ Англіи въ полицію выбираются мирные граждане и носятъ гражданскую форму. Идеаль английской полиціи на твердой землѣ подвергся разнымъ метаморфозамъ, смотря по характеру народовъ и правительствъ.

цейскому сержанту, и виновникъ будетъ задержанъ и отправленъ къ полицейскому комиссару, а отъ него по снятіи допроса въ полицейскій судъ. Свидѣтели здѣсь не разбѣгаются отъ происшествія на улицѣ, какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ странахъ, а каждый считаетъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать истину, и сами вызываются идти въ судъ. Послѣ этого всякому понятно, что здѣсь исторіи оскорбленія женщинъ, подобныя нашимъ, совершенно невозможны. Не говоря уже о бдительной, разумной и неподкупной полиціи, здѣсь самъ народъ не позволить совершиться ни одному скандалу, въ родѣ описываемыхъ въ нашихъ газетахъ, какъ напр. недавно сообщено въ Моск. Вѣдом. о рыцарскихъ подвигахъ какихъ-то офицеровъ, на Тверск. бульварѣ. Здѣсь ни общество, ни полиція, не посмѣютъ ни на чинъ, ни на званіе. Каждый Французъ считаетъ долгомъ своей чести вступить за женщину и горе ея оскорбителю!—Если же васъ кто нибудь обманулъ или обидѣлъ безъ свидѣтелей, то и въ такомъ случаѣ неизлишне сообщить сержанту, потому что онъ будетъ слѣдить за такимъ лицомъ, и если это какой нибудь мошенникъ, то навѣрное рано ли, поздно ли, но его поймаетъ на мѣстѣ преступленія. Безкорыстіе, вѣжливость и бдительность городскихъ сержантовъ снискали имъ всеобщее уваженіе и сдѣлали полицію всезнающею и всеиль-

ною, потому что весь народъ оказываетъ ей содѣйствіе въ отысканіи нарушителей общественнаго порядка (*) и законовъ. Это не то, что полиція напр. Персидская, которой трепещутъ всѣ. А между тѣмъ назначеніе одно и тоже, только разные основанія. Къ французскому сержанту вы подходите съ удовольствіемъ: спросить ли объ чемъ, или пожаловаться на что. Самыя лица ихъ располагаютъ въ свою пользу: это большею частію очень представительныя фязіоміи, между которыми безмысленныхъ и безобразныхъ ни одной. (Тоже самое я видѣлъ и въ Лондонѣ). Правда, наши Русскіе говорили мнѣ, что во время крымской войны сержанты шпионили надъ Русскими, живущими въ Парижѣ.

Парижъ раздѣляется на общины и управляется общинами: община дѣлаетъ разкладку податей, оцѣнку имущества и т. д. Вы можете заводить какое угодно заведеніе безъ всякаго позволенія, но его у васъ оцѣнять и назначать законный налогъ. Не смотря на то, что налоги значительны, но какъ они

(*) Въ первыхъ числахъ Августа на Рождественѣ мы видѣли слѣд. происшествіе. Мертвецки пьяный старикъ въ безобразнѣйшемъ видѣ, оскорбительномъ не только для жеппинъ, но и для мужчинъ, идетъ среди улицы и ругается. Два будочника смотрятъ и хохочутъ, не смотря на то, что нѣсколько человекъ велятъ имъ этого пьяницу отвести въ Часть.

назначаются и берутся со всѣхъ уравнительно, съ богатыхъ больше, съ бѣдныхъ меньше, и такъ какъ нѣтъ привилегированныхъ классовъ отъ нихъ свободныхъ, то никто ими не тяготится и платятъ охотно за всякое лишнее окно. Богатые, какъ и слѣдуетъ, несутъ здѣсь всю тяжесть налоговъ; но за то блаженствуютъ пролетаріи: они, говорятъ, платятъ не болѣе 30 к. с. съ человѣка въ годъ. И не удивительно, что весь простой народъ стоитъ горой и стѣной за Наполеона III. Со стороны даже досадно смотрѣть на это, по видимому, раболѣпство народа, а между тѣмъ оно есть дань благодарности. На всѣхъ окнахъ эстампныхъ магазиновъ вы видите императора съ семействомъ; на улицахъ горластыя бабы продаютъ эти портреты. Одна особенно усердно оретъ около Тюильери: *voici le petit prince imperial qui est tout-à-fait gentil et qui est très bien fait!* » И народъ безпрестанно останавливается и покупаетъ эти портреты. Когда умеръ принцъ Жеромъ, то нѣсколько дней сряду продавались его медали и печатные некрологи, въ толпѣ только и слышалось: *Je vais voir le cercueil du prince Gérome. Comment! vous n'avez pas encore été voir le cercueil?* и проч. Въ день погребенія, съ ранняго утра не было рѣшительно прохода по главнымъ площадямъ и улицамъ, все это было затоплено народомъ.

Видѣть Парижъ и не сказать нѣсколько словъ о

его кафе-ресторанахъ, садахъ, театрахъ, площадяхъ и т. д. нельзя, здѣсь кипитъ Парижская жизнь.

Парижскіе кафе-рестораны блещутъ роскошною мебелью, мраморными столами (*) и газовымъ освѣщеніемъ. Лучшіе кафе-рестораны на бульварахъ: тутъ по вечерамъ и до поздней ночи ликуетъ парижское богатое населеніе, мужское и женское. Бульвары впрочемъ не стоятъ нашихъ московскихъ: это жиденькія деревца, тянущіяся по окраинамъ тротуаровъ самыхъ широкихъ въ Парижѣ улицъ. Цѣны на этихъ бульварахъ не ищите ни какой, но за то превосходные широкіе тротуары и по обѣимъ сторонамъ улицъ богатѣйшіе магазины. Цѣны въ здѣшнихъ кафе-ресторанахъ на все очень умѣренныя, не такія, какія обираютъ съ нашихъ мотовъ петербургскіе Французы. Здѣсь объ такихъ цѣнахъ ни одинъ хозяинъ не осмѣлился бы не только сказать, но и подумать. Для сравненія я приведу только одинъ примѣръ: игра на билліардѣ въ продолженіе цѣлаго часа здѣсь стоитъ 1 франкъ, а въ Петербургѣ 1 р. сер. Небольшая разница! Но есть

(*) Мрамору такая бездна около Парижа, что здѣсь всюду встрѣчаете мраморные столы. Счастливый Парижъ! Природа щедро надѣлила его всѣмъ. Представьте, что въ 60 верстахъ отъ него залегаютъ такіа каменоломни, что въ цѣломъ Парижѣ нѣтъ ни одного зданія изъ кирпича. А у насъ все есть, и ничего нѣтъ на своемъ мѣстѣ!

здѣсь кафе-рестораны, которые удивляютъ своей дешевизной. Представьте себѣ, что за 1½ франка вамъ даютъ обѣдъ изъ 5 блюдъ, съ десертомъ и полубутылкою вина. Только одна громадность потребления можетъ такъ удешевлять потребности. Я самъ лично былъ въ 2 такихъ кафе-ресторанахъ и видѣлъ постоянный приливъ посѣтителей: мужчинъ, женщинъ и дѣтей цѣлыми семьями. Французы и Француженки вообще не любятъ возиться съ горшками, плошками и ложками у себя дома и обѣдаютъ въ трактирахъ. Всѣ писатели нападаютъ на это, какъ на отсутствіе семейной жизни. Но мнѣ кажется, семейная жизнь состоитъ не въ вареніи и ѣдѣ дома щей и каши, а въ духѣ свободы, любви и уваженія другъ къ другу всѣхъ членовъ семьи. Въ этомъ отношеніи, ни одинъ народъ не сдѣлалъ столько, сколько Французы. Здѣсь нѣтъ нужды мужу и женѣ, ненавидя другъ друга, жить вмѣстѣ. Старые люди, привыкшіе къ другому порядку такое поведеніе называютъ развращеніемъ нравовъ, потому что оно не имѣетъ нужды скрываться, а истиннаго развращенія они не видятъ, потому что оно скрывается подъ маскою смиренія и благочестія. Что касается до живости и легкомыслія Французовъ и Француженокъ, то можно ли винить природу, что она сотворила ихъ не Лапландцами и не Эскимосами? Всѣ ихъ собранія въ садахъ, на

улицахъ, гуляньяхъ, кофейнахъ и т. д. полны жизни и веселья; но едва ли найдется хоть одинъ не офранцузившійся Русскій, на кого бы они не навели своимъ однообразіемъ и пустотой скуки. У всякаго племени свои природныя нравственныя и физическія качества и судить одно по другому нельзя, хотя очень любопытно ихъ сравнивать. Для меня было очень интересно видѣть Jardin Mabille, столько разъ воспѣтый и воспѣваемый нашими французофилами, какъ земной рай. Я былъ въ немъ два раза и видѣлъ его и при маломъ и при огромномъ стеченіи публики. Садикъ убранъ съ большимъ вкусомъ. Слишкомъ вольныя выходки легкаго поведенія женщинъ, единственныхъ его посѣтительницъ, тщательно предупреждаются полицейскими сержантами. Дамы большію частію одѣты и съ большимъ вкусомъ, и съ большою роскошью. Природный вкусъ Французовъ виденъ во всякой гризеткѣ, дворничихѣ и торговкѣ. Нигдѣ не встрѣтишь разомъ такого множества богатыхъ костюмовъ и нигдѣ не можетъ быть такого соперничества въ желаніи блеснуть своею красотою, пышностью и вкусомъ, какъ въ Jardin Mabille. Если бы привести сюда безвкусныхъ, расчетливыхъ и серьезныхъ Нѣмокъ, посмотрѣть на здѣшнихъ фей, то онѣ бы могли окаменѣть отъ изумленія: муаръ антикъ, дорогое кружево, ленты, перья и великолѣпнѣйшіе цвѣты видны въ такомъ

изобиліи и въ такомъ прекрасномъ соединеніи, что невольно привлекають вниманіе всѣхъ. Здѣсь я замѣтилъ нѣсколько шляпокъ изъ свѣтлыхъ креповъ съ соломенными и волосяными тончайшими кружевами и съ такими чудными цвѣтами, что они казались живыми, особенно бѣлыя астры. Легкія ба-режевыя платья Француженки носятъ съ длинны-ми шлейфами, которые онѣ очень мило приподни-мають и которыми вообще занимаются съ дѣтскою рѣзвостью, при чемъ показываютъ и гибкость таліи, щегольски обутую ножку и шитые воланы, по-крывающіе ихъ кринолины. Здѣшнія камеліи, какъ видите, далеко выше нашихъ обыкновенныхъ ка-мелій; объ махровыхъ же и говорить нечего; у насъ нѣтъ и сотой доли тѣхъ богачей и богатствъ, ко-торыя въ Парижѣ могутъ пріобрѣтать самые доро-гіе цвѣтки и прилично ихъ содержать. Нашъ Пе-тербургъ въ сравненіи съ Парижемъ тоже, что Тверь въ сравненіи съ Петербургомъ. Орнестръ въ Jardin Mabille очень хорошъ; нигдѣ я не слыхалъ бальной музыки, выполняемой съ такою легкостію и увле-ченіемъ, и никто кажется въ цѣломъ мірѣ не можетъ упиваться ею съ такою страстью, какъ Французы и Француженки: ихъ танцы дѣйствительно мимика чувствъ, а не кукольная комедія. Что касается до разговоровъ, занимающихъ все это випящее жизнью общество, то ихъ знаетъ всякій, кто читалъ хоть

одинъ романъ съ гризетками, съ ихъ *bals-masqués*, ихъ интригами и вообще ихъ до крайности однообразными средствами привлекать къ себѣ поклонниковъ. Мужчины здѣсь бываютъ, можно сказать, одни только достаточные, уже по тому одному, что плата за мужской билетъ въ обыкновенные дни 2 франка, а въ праздничные 5 фр., тогда какъ съ дамы всегда только 50 сант., а наконецъ и потому, что съ тощимъ кошелькомъ нельзя привлечь сердца ни одной здѣшной красавицы, которой одинъ костюмъ стоитъ большею частью не менѣе 200 р. сер., что ужъ тутъ и тянуться какому нибудь бѣдному студенту? Они имѣютъ своихъ подругъ и свои мѣста сборищъ, по своему карману. Судя по костюму и манерамъ, я здѣсь видѣлъ однихъ только богатыхъ мужчинъ, разнаго возраста и званія. Есть между ними совершенные мальчуганы, какъ и между дамами встрѣчаются самыя молоденькія дѣвочки. Нѣкоторыя дамы пріѣзжаютъ сюда съ своими вѣрными кавалерами только прогуляться и поглядѣть на другихъ. Для этой же цѣли иногда пріѣзжаютъ сюда дамы хорошаго общества, особенно иностранки, чтобы видѣть самимъ, что привлекаетъ сюда даже очень порядочныхъ мужчинъ. Красивыя лица между гризетками очень нерѣдки. Къ чести здѣшнихъ посѣтителей надобно сказать, что всѣ здѣшніе балы проходятъ прилично: о сценахъ, устраиваемыхъ пь-

ными кавалерами въ иныхъ благородныхъ собраніяхъ здѣсь никогда не услышите. Все неприличіе состоитъ въ слишкомъ свободномъ обращеніи женщинъ съ знакомыми мужчинами, на пр. кавалеръ танцуетъ съ сигаркою во рту, дама подбѣгаетъ и взмахомъ руки выбиваетъ у него изо рту сигару, пскры и пепель сыплются во всѣ стороны, на это впрочемъ никто не обращаетъ вниманія. Нѣкоторыя дамы танцуя ужъ слишкомъ часто и высоко поднимаютъ свои платья и выкидываютъ ногами разныя штуки. Но око сержанта за всѣмъ слѣдитъ зорко и ни кому не дастъ пощады: даму выведетъ вонъ, а кавалера, кто бы онъ ни былъ, хоть какой нибудь посланникъ, за нарушеніе правилъ приличія представитъ въ полицейскій судъ. Здѣсь нѣтъ никакихъ ни директоровъ, ни старшинъ, а всѣ проходящіе сюда гулять за свои деньги равны; одинъ законъ стоитъ вездѣ отъ Jardin Mabille и до Тюильери—выше всѣхъ.....

Въ театрахъ Парижскихъ я не имѣлъ особеннаго желанія быть и прежде, а побывавши въ Большой оперѣ, не пошелъ бы ни въ какой другой французскій театръ, еслибы даже это не стоило никакихъ денегъ, что составляетъ весьма немаловажный аргументъ, потому что здѣшнія цѣны еще выше петербургскихъ и московскихъ. Пробѣгая газету, я увидѣлъ, что на Оперномъ театрѣ даютъ Петра Медичи.

Любопытство толкнуло послушать модную французскую оперу, и вотъ я явился въ кассу за билетомъ. На стѣнѣ противъ кассы виситъ внутренній планъ театра со всѣми мѣстами: выбирайте, какое понравится и платите деньги. Я еще въ Нѣмецкихъ земляхъ слышалъ, что въ Парижѣ кресла стоятъ не дешевле 10 франк., и въ этомъ здѣсь окончательно убѣдился; поэтому, привыкши къ нѣмецкой экономіи, я выбралъ мѣсто въ 3 ярусѣ ложъ за 1 р. 25 к. с. Ложи крошечныя, а въ каждой по 5 мѣстъ: на мою бѣду еще влѣзла какая-то толстая дама, которой я долженъ былъ, по долгу французской вѣжливости, уступить свое мѣсто на передней скамеечкѣ. Отъ этой бабицы несло жаромъ, какъ отъ горячо натопленной печи, и она заняла своимъ кринолиномъ почти всю ложу. Сосѣднія ложи напичканы были гризетками, безцеремонно ведшими между собой интимную бесѣду о своихъ любовныхъ дѣлахъ. Я провлялъ свою судьбу, загнавшую меня въ этотъ адъ. Въ добавокъ къ тому, хотъ бы вознаградила сама опера, но и тутъ неудача. Кромѣ одной пѣвицы Тодески, какъ я слышалъ, нашей Рижской уроженки, ни одного голоса, содержаніе пустое, такая же и музыка. При томъ вмѣсто оперы пришлось видѣть на сценѣ и балетъ, и фонтаны, и иллюминацію, и полунагихъ нимфъ, выползающихъ изъ раковинъ, и чертъ знаетъ, что было бы еще, еслибы я не убѣ-

жалъ послѣ 2 акта. Видно, что для Французовъ искусство, само по себѣ безъ разныхъ фокусовъ, не существуетъ, и приходится забавлять ихъ и фонтанами, и нимфами, и плясуньями съ разнѣнными по бокамъ платьями. Какое сравненіе съ нѣмецкой добросовѣстной оперой! Многіе Французы, какъ наши пустозвоны, хлопаютъ среди пѣнія и осыпаютъ рукоплесканіями и пѣвца, и полунагую нимфу, и хорошо бьющій на сценѣ фонтанъ. Сидятъ они въ театрѣ совсѣмъ не по нашему: у насъ франты во фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ, какъ будто бы на какомъ парадѣ, здѣсь кто въ сюртукѣ, кто въ пальто, и притомъ въ шляпахъ, и весьма рѣдкіе въ перчаткахъ. При окончаніи акта, вскакиваютъ и не дожидаясь выхода сосѣдей, преспокойно шагаютъ по кресламъ къ выходу, какъ мальчишки на ходуляхъ. Точно тоже дѣлаютъ и капельдинеры, разнося афиши, либретто и т. д. — Вообще здѣсь не терпятъ ни какаго принужденія и стѣсненія человѣческой свободы, даже извозчики. Въ какой бы ужасъ пришли наши блюстители порядка и благочинія, еслибы увидѣли извозчика преспокойно растянувшагося поперекъ на своемъ сѣдалищѣ и такимъ образомъ везущаго своихъ сѣдоковъ посреди самаго многочисленнаго гулянья, напр. въ Булонскомъ лѣсу. При этомъ невольно припоминается одинъ блюститель порядка, изругавшій при цѣлой толпѣ народа актера частнаго театра

и сбившаго съ головы его шляпу за то, что тотъ въ разсѣянности вышелъ на сцену не совсѣмъ застегнутый... Вывалившись изъ театра какъ изъ бани, на нашихъ прекрасныхъ извозчикахъ конечно получишь навѣрняка ревматизмъ или горячку; здѣсь къ счастью этого можно избѣгнуть. Стоитъ взять закрытую извозничью карету. Послѣ этого визита къ французскимъ музамъ, я уже болѣе ни въ какой театръ не заглядывалъ: интереснѣе гораздо видѣть Французовъ не въ театрѣ, а на улицѣ. Всѣхъ театровъ въ Парижѣ считается болѣе 20, и только 4 носятъ названіе Императорскихъ и получаютъ пособіе отъ казны; остальные существуютъ сами собою. Афиша здѣшняя—настоящій номеръ газеты, съ очень занимательнымъ фельетономъ, а между тѣмъ стоитъ только 6 к. сер. Говорятъ, что всѣ театры бываютъ ежедневно полны народомъ. При бродячей жизни Французовъ, при отличномъ парижскомъ климатѣ и населеніи въ два милліона, въ этомъ явленіи нѣтъ ничего удивительнаго. Въ частныхъ театрахъ цѣна значительно дешевле.

Изъ множества мѣстъ, мною здѣсь видѣнныхъ, я не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о *Jardin des plantes*. Это огромный ботаническій и зоологическій садъ, въ которомъ кромѣ живыхъ растений и животныхъ, находятся еще богатѣйшіе анатомическій и зоологическій музеи, доступные для публики

ежедневно съ 2 часовъ, безъ всякихъ билетовъ. Въ садъ же можно входить всегда. Тутъ же читаются публичныя лекціи естественной исторіи знаменитѣйшими профессорами. Въ анатомическомъ музѣѣ при мнѣ ходила огромная толпа народа мужчинъ и женщинъ, начиная съ хорошо одѣтыхъ и кончая блузниками. За стеклами лежитъ много превосходныхъ восковыхъ препараторъ, показывающихъ устройство человѣческаго организма, съ французскими названіями мускуловъ, нервовъ и т. д. Вообще здѣсь простому народу открыто множество средствъ нагляднымъ образомъ знакомиться съ науками и искусствами, что у насъ иногда бываетъ недоступно даже для гимназистовъ. Ну какой гимназистъ увидитъ во всю свою жизнь телескопъ? а здѣсь на Площади Согласія можно ежедневно его видѣть и въ него, смотрѣть: стоитъ только заплатить 5 к. сер. Какой-то блузникъ возитъ его на телѣжкѣ и этимъ себя пропитываетъ. Въ Jardin des plantes я впервые видѣлъ двухъ живыхъ гиппопотамовъ, этихъ отвратительнѣйшихъ животныхъ, съ ихъ глупѣйшими мордами и глазами, и голой кожей. Они все время лежали на солнцѣ въ бассейнѣ, нарочно для нихъ устроенномъ.

Много было говорено и писано въ нашихъ газетахъ о недавно основанной здѣсь Сѣверной конторѣ: Office du Nord. Это собственно контора агент-

ства; основана она послѣ Крымской войны, когда сношенія Россіи съ Франціей противъ прежняго времени въ нѣсколько разъ усилились и когда препятствія для путешествія Русскихъ за границу уничтожились. Но для меня эта контора составляла предметъ любопытства, не съ ея коммерческой стороны, а со стороны литературной. При ней устроены кабинетъ для чтенія русскихъ газетъ и журналовъ. Я слышалъ отъ Русскихъ, въ Парижѣ, что есть еще такой же кабинетъ, но забылъ въ какой улицѣ. Сѣверная же контора находится на лучшемъ мѣстѣ: на бульварѣ Мадлены, № 5 или 7, на правой сторонѣ. Двѣ комнаты съ покойной мебелью составляютъ кабинетъ для чтенія. Журналы здѣсь выписываются слѣдующіе: Петерб. и Моск. Вѣдомости, Отеч. Записки, Современникъ, Библіот. для Чтенія, Русскій Вѣстникъ, Иллюстрація, Рус. Бесѣда и Журн. Землевладѣльцевъ. Сверхъ того Journal de st. Pétersbourg, le Nord и еще кое-какіе французскіе журналы. Я былъ здѣсь нѣсколько разъ и каждый разъ находилъ нѣсколько Русскихъ, которые какъ-то подозрительно оглядывали вновь приходящихъ, и если сіи грѣшныя въ добавокъ къ тому просто постуденчески громко разговаривали между собою, то нашихъ почтенныхъ соотечественниковъ какъ-то странно подергивало отъ родныхъ звуковъ; на нѣкоторыхъ физіономіяхъ легко можно было про-

читать: «ты, братъ, пожалуйста не вздумай со мной заговорить по-русски, во 1) я тебя незнаю, да во 2) почему ты думаешь, что я Русскій?....Развѣ положена какая нибудь неизгладимая печать, по которой можно узнать Русскаго? Кажется я и одѣтъ, и держусь, и говорю какъ Французъ?» Во время моего путешествія много мнѣ удавалось видѣть своихъ соотечественниковъ въ разныхъ мѣстахъ и всюду одно и тоже прятанье одного отъ другаго, если они незнакомы между собой. Много мнѣ удавалось видѣть и Англичанъ. Тѣ дѣлаютъ совсѣмъ на оборотъ: ищутъ другъ друга и передаютъ всѣ секреты путешествія: гдѣ выйдешь и покойнѣе останавливаться, какая гостинница дешевле и лучше, гдѣ хорошо кормятъ, что есть интереснаго въ городѣ и т. д. И будьте спокойны, если какая нибудь гостинница сдѣлала гадость съ однимъ Англичаниномъ, то ни одинъ уже ее не посѣтитъ во всю ея жизнь. Нѣмцы также общительны и дружелюбны между собой. Французовъ путешествующихъ я не видалъ, да и вообще они не любятъ оставлять своей прекрасной Франціи и рыскать по всему свѣту. Одни только Русскіе бѣгаютъ и какъ будто стыдятся другъ друга. Чрезвычайно странное и поразительное явленіе! И что за причипа его, объяснить невозможно. Разъ мы идемъ съ товарищемъ по улицѣ Риволи, около магазиновъ, вдругъ

слышимъ русскую рѣчь мужчины съ женщиной, мы тоже заговорили по-русски, но наши соотечественники сконфузившись поспѣшили исчезнуть, хотя въ ихъ рѣчи не было ничего, могущаго ихъ конфузить. Но я съ своими размышленіями далеко оставилъ Сѣверную контору. За чтеніе журналовъ я платилъ каждый разъ по 50 сантимовъ (12 к. с.); не знаю, что платятъ постоянные читатели.

Чрезвычайно странно видѣть, что въ Сѣв. конторѣ, назначенной для Русскихъ (*), нѣтъ ни одного человѣка, не только говорящаго по-русски, но хоть бы умѣющаго разобрать заглавіе русскихъ журналовъ. Будь эта контора устроена для Англичанъ, тутъ непременно всѣ служащіе говорили бы по-англійски. Англичанинъ смѣло ѣдетъ на твердую землю, не зная ни одного языка кромѣ своего собственнаго, и вездѣ находитъ и гостиницы, и конторы, и магазины, и комиссіонеровъ, знающихъ его языкъ. На насъ же смотрятъ какъ на людей, для которыхъ нечего много заботиться: «они должны знать всѣ языки, да къ тому же имѣютъ къ нимъ способность.» Такое невниманіе иностранцевъ къ себѣ встрѣчаемъ мы, не смотря на проживаемыя нами деньги, за границей; и это невниманіе ниско-

(*) По газетамъ видно, что она уже закрыта.

лько не оскорбляетъ насъ. Прїѣзжай къ намъ какойнибудь пустѣйшій болтунъ иностранецъ, о которомъ мы заранѣе знаемъ, что онъ навретъ объ насъ ужасную дичь. Мы не только открываемъ свои объятія, добываемъ денегъ подъ страшные проценты, чтобы его угостить,—нѣтъ, мы стараемся показать въ его присутствіи, что мы сами не Русскіе, а иностранцы, его соотечественники. Мы стыдимся своей вѣры, своего языка, своего народа. Впрочемъ объ этой матеріи говорено уже очень много и многое, какъ мнѣ кажется, попало на добрую почву молодого поколѣнія.

Въ Парижѣ есть даже издатель русскихъ книгъ Петръ Франкъ, тоже ни слова не понимающій по-русски. Рукописи покупаются и книги издаются по рекомендаціи Русскихъ, живущихъ въ Парижѣ. Корректоръ вѣроятно какойнибудь Русскій, наборщики же Французы, не знающіе русской азбуки. Кромѣ Сѣверной конторы и Петра Франка, встрѣтите русскія книги въ 2 магазинахъ на улицѣ Риволи, гдѣ точно также ни слова не понимаютъ по-русски и на вашъ спросъ русскихъ книгъ, подають вамъ всѣ, какія у нихъ есть; добирайтесь сами, чего вамъ нужно. На одномъ изъ оконъ какого-то магазина надпись: здѣсь говорятъ по-русски, но, какъ видно, только съ цѣлю отыскиванія дачъ, квартиръ, и т. д., для очень богатыхъ людей. Сверхъ того у нѣко-

торыхъ банкировъ встрѣтите тоже русскую надпись: жѣняютъ деньги: но ни гдѣ ни слова не говорятъ по-русски. Для Англичанъ же обыкновенно пишутъ: Englisch spoken. Эту надпись вы встрѣчаете на каждомъ шагу. У нѣкоторыхъ банкировъ въ окнахъ выставлены даже наши русскіе кредитные билеты, рядомъ съ бумажными деньгами всѣхъ другихъ націй. Покупаются здѣсь наши кредитные билеты, говорятъ, съ уступкой 30%, купить ихъ у банкировъ можно съ уступкой 20%. Но такъ какъ ввозить ихъ въ Россію запрещено, не понимаю, за чѣмъ ихъ покупаютъ банкиры и кому продаютъ? Бумажныя деньги другихъ націй покупаются и продаются по нарицательной цѣнѣ; только платится бездѣлица за промѣнъ, а свободно ввозятся во всѣ государства. Не хотите имѣть золота, отправляясь въ Англію, возьмите англійскихъ бумажекъ; отправляясь въ Германію — прусскихъ или баварскихъ (Объ австрійскихъ нечего говорить, ихъ никто не покупаетъ). Съ своими родными ассигнаціями Французъ, Нѣмецъ и Англичанинъ свободно вѣзжаетъ въ свое государство.

Изъ окрестностей Парижа, самая замѣчательная есть Версаль. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть этотъ маленькій, устроенный Бурбонами рай, которымъ такъ гордятся Французы; ѣзды туда отъ Парижа по желѣзной дорогѣ не болѣе 20 минутъ; такимъ обра-

зомъ, въ одно прекрасное утро я съ товарищемъ русскимъ, незамѣтно пролетѣлъ пространство, разделяющее Парижъ отъ Версаля, любуясь разнообразными и живописными видами по обѣимъ сторонамъ дороги. Вообще вся Франція, мною видѣнная, есть ничто иное, какъ огромный садъ; мѣстность же отъ Парижа до Версаля, около 20 верстъ, есть продолженіе Парижа только въ миниатюрѣ и въ зелени. До самаго Версаля непрерывно тянутся зданія фабрикъ, дачъ, фермъ, самыхъ разнообразныхъ архитектуръ. Холмистая мѣстность способствуетъ разнообразію видовъ, густая зелень садовъ, виноградниковъ и засѣянныхъ полей, невольно привлекаетъ къ себѣ ваши глаза и даетъ имъ отдыхъ послѣ утомительнаго однообразія Парижскихъ сѣрыхъ зданій. Не даромъ цѣлыя толпы Парижанъ ежедневно нѣсколько разъ отправляются гулять въ Версаль. Дешевизна переѣзда удивительная: взадъ и впередъ мѣсто 2 класса стоитъ $2\frac{1}{2}$ франка. На какое гулянье съѣздите вы у насъ за 62 к. с.? И при дешевизнѣ цѣны, управленіе дороги получаетъ огромные барыши. Наконецъ показался городъ довольно красивый и большой, устроившійся у ногъ Версаля. Со станціи желѣзной дороги мы взяли извозищью коляску и чрезъ 10 минутъ подъѣхали къ дворцу. Не успѣли мы войти на дворъ, какъ ко мнѣ подскочилъ человѣкъ во фракѣ, съ номеромъ

на груди, объявилъ себя коммиссіонеромъ и предложилъ мнѣ путеводить меня, назначая за часъ по 2 франка. Я принялъ было его услуги, но въ минуту Французъ выказалъ столько деспотической власти надо мною, что я рѣшился замѣтить ему, что я самъ намѣренъ располагать своимъ временемъ и самъ составилъ программу куда за чѣмъ итти, а его дѣло только объяснять мнѣ, что я пожелаю знать. Видя, что я не новичекъ въ знакомствѣ съ людьми его разбора, знаю ихъ манеру болтать вздоръ и нелѣпости, обращать вниманіе своего слушателя на ничтожные предметы, чтобы только продлить время своей заработной, и вообще распоряжаться своею жертвою съ удивительнымъ своеволіемъ, — обиженный Французъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ липпій, и что онъ никогда никому не служилъ на такихъ условіяхъ. Я спокойно сказалъ ему, что онъ можетъ оставить меня, и отправился прежде всего въ музей. Весь Версальскій громадный дворецъ, показавшійся мнѣ вдвое больше нашего Зимняго, въ настоящее время наполненъ одиѣми картинами и статуями. Я бродилъ въ немъ болѣе 4 час. и успѣлъ сдѣлать только самый бѣглый ихъ обзоръ. Тутъ одна французская живопись и преимущественно историческая: въ картинахъ здѣсь можно прочесть всю исторію Франціи, отъ Хлодвика и до сего времени. Преобладающій хара-

ктеръ картинъ военный, а Наполеоновская галерея вся дышетъ войной. Новѣйшая живопись также посвятила себя изображенію воинственныхъ подвиговъ современныхъ Французовъ: тутъ берутъ Абдель-Кадера, тамъ Малаховъ курганъ, далѣе Сольферино и т. д. Между картинами есть произведенія первыхъ современныхъ мастеровъ, употребившихъ свой талантъ на изображеніе солдатскихъ мундировъ, порохового дыма и человѣческаго мяса. Геніи, какъ простые смертные, подчиняются запросу: чего больше спрашиваютъ и за что дороже даютъ, то и производятъ. Для французскаго народа эти галереи — лучшая школа, воодушевляющая къ воинственнымъ подвигамъ. Для кого особенно нуженъ этотъ духъ, тотъ можетъ дорого платить за подобныя картины. — Нѣкоторыя комнаты въ дворцѣ — музеѣ, остались въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были при Бурбонахъ, въ немъ жившихъ. Мѣстоположеніе дворца и виды изъ оконъ во всѣ стороны, трудно представить лучше: Бурбоны были люди со вкусомъ и не жалѣли французскихъ денегъ на украшеніе своихъ жилищъ. Великолѣпнѣйшіе фонтаны, пруды, сады и статуи предъ окнами, парки, холмы и лѣса вдали, заставляютъ васъ забыть, откуда и куда вы пріѣхали, вы въ какомъ-то очарованномъ царствѣ. Но это еще не все: Бурбонамъ прискучало и это волшебство, и они устроили еще, недалеко отъ большаго

дворца, два маленькихъ, отдѣленныхъ отъ большаго великолѣпнѣйшимъ паркомъ. Эти два дворца суть знаменитые: большой и малый Трианоны. Первый выстроенъ Людовикомъ XIV для госпожи Ментенонъ, малый Людовикомъ XV для Дюбарри и другихъ его любовницъ, которыхъ у него не было счету. Кромѣ любовницъ, онъ любилъ ботанику, и до сихъ поръ деревья, посаженные при немъ, стоятъ съ надписями. Здѣсь расточались безъ мѣры народныя деньги, въ которыхъ пришлось отдать кровавый отчетъ несчастному Людовику XVI съ семействомъ. Марія Антуанета, по словамъ Французовъ, не знала счету въ деньгахъ, и тоже любила жить лѣтомъ въ Трианонахъ. Въ саду къ нимъ прилежающемъ и доселѣ сохранились ея затѣи: швейцарскія хижины, гроты, башни, скотные и птичныя дворы, фермы, оранжереи и т. д. Народъ не любилъ ее какъ Австрiянку, а ея роскошная жизнь, ея праздники и балы въ Трианонахъ въ то время, какъ народъ бѣдствовалъ, приготовили трагическую развязку.....

Набродившись и наглядѣвшись до упаду, надобно было возвращаться въ Парижъ. Спрашиваемъ встрѣчныхъ горожанъ: гдѣ пройти на станцію желѣзной дороги. «Ступайте прямо, потомъ на право и чрезъ 5 минутъ будете тамъ». Идемъ 15 минутъ и все не тамъ. Спрашиваемъ попавшихся солдатъ объ

томъ же: «ступайте на право, потомъ на лѣво и прямо упретесь въ станцію». Идемъ, идемъ и все не упираемся ни во что. Спрашиваемъ опять какихъ-то солдатъ, сидящихъ около гауптвахты: гдѣ станція? «Ступайте назадъ и потомъ на лѣво, и увидите станцію.» Пошли и все-таки не увидѣли. Наконецъ сжалился какой-то молодецъ и довелъ насъ до самаго путевого дрора, мимо котораго мы нѣсколько разъ проходили, по милости болтуновъ Французовъ, которые сами хорошо не знаютъ, гдѣ какое зданіе, и никогда въ этомъ не сознаются, а наврутъ столько, что по ихъ словамъ никогда ничего отыскать нельзя. Вотъ бы Суворовъ кѣмъ остался доволенъ—это Французами. У нихъ нѣтъ ни одного незнайки, всѣ и все знаютъ и обо всемъ толкуютъ какъ знатоки.

Наконецъ нужно было выѣзжать изъ Париза. Кажется бы, какія тутъ могли быть затрудненія для путешественника — вольной птицы. Но старинная Меттерниховская дипломатія, еще и доселѣ не совсѣмъ испустившая духъ, изобрѣла, какъ всѣмъ извѣстно, визированіе паспортовъ. На этотъ разъ я, кажется, могъ вздохнуть свободно отъ этихъ узъ, потому что ѣхалъ въ свободное государство, гдѣ всякій приходитъ и уходитъ (и даже дѣлаетъ все, не нарушающее закона, что ему угодно) безъ спроса

начальства. Изъ Парижа я прямо отправлялся въ Лондонъ и потому въ счастливомъ невѣдѣніи блаженствовалъ, что мнѣ не придется шататься изъ одного конца города въ другой, по разнымъ посольствамъ; но мое блаженство было весьма кратко-временно. Мой добрый знакомый, Парижской старожилъ І. В. В. подозрѣвая мое невѣдѣніе, прямо сказалъ мнѣ, чтобы я визировалъ свой паспортъ въ нашемъ посольствѣ. «Да помилуйте, для чего же? возопилъ я, у насъ въ Россіи всякому ученику уѣзднаго училища извѣстно, что въ Англіи одними путями для жизни меньше, именно, что тамъ нѣтъ никакихъ паспортовъ и ихъ не спрашиваютъ и у иностранцевъ; пріѣзжай хоть съ Алеутскихъ острововъ и будь хоть первѣйшій разбойникъ, для Англичанъ все равно. Пока у нихъ будешь жить законно, никто тебя не обезпोकитъ ни какимъ вопросомъ: кто ты и откуда; но если попался любезный въ какомъ нибудь преступленіи— не взыщи; и безъ паспорта съумѣютъ тебя отправить въ тюрьму, въ каторжную работу, или даже и головку снимутъ.» И пошелъ было я ораторствовать въ этомъ духѣ, но мой пріятель преспокойно сказалъ, что все это ему очень хорошо извѣстно, но паспортъ все-таки нужно визировать, не ради Англіи, а ради Франціи, изъ которой иначе не выпустятъ стражи пастоящаго правительства, и

что сами Англичане, сколько ни проклинаютъ, а приѣзжаютъ во Францію съ паспортами, и уѣзжая домой, здѣсь ихъ визируютъ въ своемъ посольствѣ, и парижской префектурѣ. Повѣсивши съ отчаяніемъ голову, отправился я въ наше посольство. Здѣсь очень скоро приложили печать къ моему паспорту, взяли за это пошлины 2 франка, и сказали, чтобы я отправился въ парижскую префектуру, засвидѣтельствовать тамъ свой паспортъ. Наше посольство къ счастью было отъ моей квартиры въ 20 шагахъ, а префектура по крайней мѣрѣ версты три. Что дѣлать—поѣхалъ. Приѣхалъ туда около 3 часовъ, а присутствіе продолжается только до 4, вхожу въ комнату, въ нижнемъ этажѣ, полицейской сержантъ указываетъ мнѣ послѣднее мѣсто на скамьѣ, вплоть занятой разными лицами, чающими движенія воды.....Предо мной длинный прилавокъ, за прилавкомъ скрываются какія-то подъяческія фizioноміи. Чающие движенія воды по очереди по вызову сержанта подходятъ къ этимъ скрытымъ за прилавкомъ жрецамъ бюрократіи, и отъ одного переходятъ къ другому, отъ другаго къ третьему. Одинъ запишетъ вашу фамилію, которую конечно по возможности переверетъ, другой составитъ по вашему паспорту краткій вашъ формуляръ и напишетъ его въ 2 экземплярахъ: одинъ оставить у себя, другой передастъ третьему своему

товарищу, этотъ помѣтитъ вашъ паспортъ и укажетъ вамъ проходить далѣе, гдѣ въ глубинѣ другой комнаты какой-то господинъ приклепнетъ вамъ печать префектуры и укажетъ еще господина вдали, который подмажетъ свою руку; на путѣ изъ этого чистилища, у дверей васъ останавливаетъ еще господинъ, который примазываетъ еще печать: первая была отъ префектуры, а эта отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, которое находится въ университетской улицѣ, но для удобства публики держитъ здѣсь своего печатника. Послѣ этого креститесь и бѣгите безъ оглядки вонъ, пока еще не надумали куда нибудь прикладывать печать. Вотъ такъ царство бюрократіи! Въ другихъ странахъ васъ по крайней мѣрѣ утѣшаетъ то, что сами бюрократы большею частію такіе невѣжды, что не понимаютъ всей тягости и всего озлобленія, въ публикѣ ими производимыхъ: они тянутъ свою ляжку безъ всякаго понятія объ лучшемъ порядкѣ вещей. Французскіе же бюрократы отвратительнѣе тѣмъ, что они знаютъ лучший порядокъ вещей и вопреки своему убѣжденію съ азартомъ исполняютъ то, что имъ приказано. За то къ чести ихъ надобно сказать, что хоть не берутъ ни большихъ, ни малыхъ взятокъ. Это немножко примиряетъ съ ними. Но вѣрно не такъ думалъ одинъ молодой Англичанинъ, который нѣсколько времени подождавши своей очереди, вскочилъ и подошелъ къ прилавку, прося

прописать его паспортъ поскорѣе. Сержантъ очень вѣжливо попросилъ его сѣсть и дожидаться очереди. Минутъ черезъ 5 онъ опять подошелъ къ прилавку и опять получилъ тотъ же результатъ. Наконецъ онъ уже, не смотря на настояпія полицейскаго, уперся у прилавка и съ злобой и презрѣніемъ къ подъячимъ потребовалъ своего паспорта. Сержантъ опять подскочилъ на выручку своихъ кліентовъ и тутъ завязался очень крупный разговоръ между нимъ и сержантомъ, который предлагалъ ему дилемму: или сѣсть, или выйти вонъ. Кое-какъ усмирили гордаго сына свободной Англіи и поспѣшили дать ему паспортъ, боясь какаго нибудь скандала. Русскій путешественникъ, видѣвшій со мной эту сцену, винилъ Англичанина за нетерпѣливость и неуваженіе мѣстныхъ обычаевъ и законовъ. Я ему представилъ слѣдующее: если бы по мѣстнымъ законамъ и обычаямъ морили васъ въ присутственномъ мѣстѣ съ гододу, или грабили васъ, неужели бы вы не протестовали? Мы не дорожимъ временемъ, мы не знаемъ куда его дѣвать, а для промышленнаго человѣка, особенно Англичанина, знающаго ему цѣну, каждый часъ стоитъ очень дорого. И если мѣстные жители не смѣютъ выражать своихъ жалобъ и неудовольствій на нелѣпыя и стѣснительные законы, то надобно благодарить тѣхъ добрыхъ иностранцевъ, которые смѣло своимъ протестомъ указываютъ де-

спотическому правительству, гдѣ оно переходитъ уже за границы человѣческаго терпѣнія.....

П И С Ь М О Х И И.

Отъ Парижа до Лондона.

И въ Парижѣ мою жизнь отравляла дождливая и холодная погода: безъ зонтика и безъ пальто пельзя было высунуть носу изъ квартиры. Одни Французы способны веселиться въ такую погоду подъ открытымъ небомъ: ни концерты Мюзарда, ни балы въ Мабилѣ, ни Cafées Chantantes не обращаютъ вниманія на погоду и постоянно полны народомъ. Что за бѣда, если пойдетъ дождь: можно сидѣть подъ зонтикомъ, или забраться подъ крышу балльных залъ, нарочно для того устроенныхъ и выплясывать тамъ всевозможныя пляски. И погода, и удовольствія, и шумъ парижской жизни мнѣ ужасно надоѣли и я рѣшился двинуться въ путь далѣе по предположенному плану. Потребовалъ счета отъ хозяина и не мало былъ удивленъ, когда увидѣлъ, что за 24 дня, мной проведенные въ Парижѣ, я долженъ былъ заплатить за квартиру 100 франковъ, за которыя хозяинъ отдавалъ мнѣ квар-

тиру на цѣлый мѣсяцъ. Я не говорилъ, что непременно пробуду мѣсяцъ, но только: можетъ быть 2, 3 недѣли, а можетъ быть и цѣлый мѣсяцъ. Къ послѣднему слову привязался продувной Французикъ и представилъ мнѣ счетъ за цѣлый мѣсяцъ.» Что же я долженъ былъ бы заплатить, еслибы я пробылъ нѣсколько дней, спросилъ я спекулятора на карманы и довѣріе иностранцевъ къ французской честности. Вы съ меня просили по 4 франка въ день; я сказалъ, что пробуду 2, 3 недѣли, а можетъ быть и мѣсяцъ и просилъ уступки, какая же выгода была бы мнѣ платить за нѣсколько дней 100 франковъ, когда я долженъ былъ заплатить за нихъ нѣсколько франковъ?» Хозяинъ сконфузился и безсвязно отвѣчалъ, что онъ уже записалъ въ книгѣ мою квартиру на мѣсяцъ, но наконецъ удовольствовался тѣмъ, что за каждый день получилъ съ меня по 4 франка. Это безсовѣстность еще мелкая, какъ я узналъ въ послѣдствіи отъ другихъ путешественниковъ. Въ гостинницахъ самымъ наглымъ образомъ приписываютъ и обсчитываютъ иностранцевъ и ни одному слову и обѣщанію ихъ содержателей вѣрить нельзя, и жаловаться бесполезно. Ихъ книги, въ которыхъ они записываютъ свои коммерческіе обороты, пользуются въ глазахъ судовъ полнымъ довѣріемъ. Мнѣ говорилъ одинъ Русскій, что онъ заплатилъ по одному счету ихъ магазина

два раза, потому только, что онъ изорвалъ данную изъ магазина квитанцію въ полученіи денегъ въ первый разъ. Лучше всего за все купленное рассчитываться въ магазинѣ и тотчасъ же забирать съ собой и не давать своего адреса, чтобы не подвергать себя вторичному платежу. Не нужно очаровываться французскою любезностью и готовностью ихъ все присылать на домъ. Эта любезность граничить съ одной стороны съ мошенничествомъ, а съ другой съ наглостью, потому что если вамъ принесутъ на домъ товаръ, то васъ заставятъ непременно что нибудь купить, чтобы только отъ нихъ отвязаться. Вообще французскіе торговцы ужасные нахалы, отъ которыхъ не знаешь, какъ вырваться: если вы только посмотрите вещи и ничего не купите, то рискуете услышать грубость и увидѣть насмѣшливый взглядъ, особенно обидные для Русскихъ, какъ сѣверныхъ варваровъ. Не мѣшаетъ это имѣть къ свѣдѣнію всѣмъ неопытнымъ путешественникамъ. Здѣсь такъ развита промышленность, что всѣми средствами стараются сбывать фабрика-ты, пользуясь даже, сравнительно съ нашими купцами, незначительными процентами. 12 Іюня уложивши свои пожитки на крышу извозничей кареты и самъ усѣвшись внутри ея, я отправился на путевой дворъ желѣзной дороги, ведущей въ Кале. Плата за вещи въ извозничей каретѣ опредѣлена

таксою: за каждый чемоданъ 20 сантимовъ, т. е. около 5 к. с. кромѣ платы съ пассажировъ въ конецъ, какъ бы онъ великъ ни былъ, въ 1 фр. и 20 сант. т. е. около 30 к. с. Уже не одинъ разъ мною было говорено объ удобствахъ здѣшнихъ извозицыхъ экипажей. Это не то, что у насъ обнявшихся съ чемоданами ѣхать на сквернѣйшемъ галиберѣ и платить не менѣе французской кареты, а въ пролеткахъ вдвое и втрое. Вагоны 2-го класса и этой дороги такъ же неудобны, какъ и прочихъ французскихъ дорогъ. Въ виртембергскомъ королевствѣ вагоны 3-го класса не хуже здѣшнихъ 2-классныхъ. Спутниками моими въ купе оказались Англичане: мужъ съ женой и двѣ Француженки, одна старуха, другая молодая съ двумя дѣтьми. Англичанину уже подъ 40 лѣтъ, женѣ его около 35, но нѣжность ихъ другъ къ другу такъ велика, какъ будто бы они не давно обвѣнчались. Надобно было видѣть ужасъ жены, когда мужъ на одной станціи, прежде чѣмъ остановился поѣздъ, отворилъ дверь своего купе и всталъ, чтобъ выдти вонъ! Эту нѣжную семейную дружбу я видѣлъ во всѣхъ Англичанахъ, попадавшихся мнѣ во время моего путешествія. Не даромъ вся Англія славится семейной жизнью. Рѣдко удавалось мнѣ видѣть Англичанина, который бы путешествовалъ одинъ: почти всегда ему сопутствуетъ жена, богатые же ѣдутъ съ цѣлымъ семействомъ.

Нѣмцевъ же я видѣлъ постоянно однихъ безъ женъ и безъ семействъ: вѣрно Нѣмку ни чѣмъ не оторвешь отъ роднаго очага съ кофейникомъ, а можетъ быть и нѣмецкая экономія тутъ играетъ главную роль. Замѣчательно, что Англичане не только мужчины, но и женщины въ вагонахъ постоянно смотрять въ свой англійскій гидъ (у Англичанъ свои гиды и самые лучшіе изъ всѣхъ, напечатанныхъ на всѣхъ языкахъ) и на карты при немъ находящіяся и каждый имѣетъ свою маленькую записную книжку, въ которую и вписываетъ свои дорожныя замѣтки. Англичане т. обр. путешествуя вдвоемъ не скучаютъ и не имѣютъ пужды заводить знакомствъ въ вагонѣ; они сидятъ себѣ рядомъ или другъ противъ друга и ведутъ свою родную бесѣду. На оборотъ, какъ только ввалится въ вагонъ Русскій или Нѣмецъ, особенно же Французъ, сей часъ же начинаются знакомство и болтовня, иногда самая утомительная и непріятная для лицъ постороннихъ. Люди недюжинные вездѣ вѣдь не на каждомъ шагу попадаютъ, а пошлую болтовню кому пріятно слушать! Мои спутники Англичане, не говорящіе ни слова по-французски, осматривали Парижъ и оттуда ѣхали въ Кале, чтобы, взявши здѣсь по близости изъ пансіона своихъ дѣтей, отправиться въ Лондонъ. Я спросилъ, зачѣмъ же они отдаютъ своихъ дѣтей во французскіе пансіоны? «Потому что здѣсь лучше климатъ,

и для того, чтобы научить ихъ французскому языку. Такова ужъ мода.» Признаюсь, меня покорило отъ этого слова изъ устъ Англичанина. На другой день мнѣ удалось видѣть этихъ дѣтей: дѣйствительно, климатъ и пища въ пансіонѣ должны быть превосходные, потому что дѣти смотрятъ жирными румяными пышками, но французскій языкъ по видимому имъ достается не легко, особенно мальчику, а ему-то онъ и можетъ принести существенную пользу при торговыхъ, или другихъ сношеніяхъ съ Франціей. Конечно, и дѣвочкѣ онъ можетъ пригодиться для путешествій, но не думаю, чтобы французская литература была для женщины полезнѣе и питательнѣе англійской. А между тѣмъ и въ Англіи можетъ быть именно потому только и мода на французскій языкъ, чтобы читать Дюма съ братією. На одной станціи въ вагонъ вошло еще двое Англичанъ и между всѣми ими живо завязался разговоръ о всемъ видѣнномъ ими въ Парижѣ. Всего болѣе всѣхъ ихъ занималъ бывшій не задолго предъ этимъ смѣтръ арміи на Марсовомъ полѣ. Воинственный азартъ Французовъ дѣйствительно способенъ обратить на себя вниманіе каждаго: на смотру вы не знаете, на что болѣе смѣтрѣть — на самодовольство ли марширующихъ солдатъ, или десятковъ тысячъ зрителей, у которыхъ блещутъ глаза отъ восторга при видѣ солдатъ. Такъ ужъ французскій народъ

сотворенъ Богомъ: звукъ военной трубы всѣхъ Французовъ приводитъ въ азартъ. Конечно, изъ разговоровъ Англичанъ можно было вывести одно заключеніе, что въ Парижѣ все, исключая впрочемъ Елисейскихъ полей, хуже чѣмъ въ Лондонѣ: извозчики дрянные, кафе-рестораны кормятъ всякой гадостью, промышленники обманщики и т. д. Однимъ словомъ, говорилось тутъ все, что только говорится въ подобныхъ случаяхъ кваснымъ патріотизмомъ, которыми такъ богаты всѣ дюжинные люди. Изъ всего разговора я воспользовался однимъ только полезнымъ для себя свѣдѣніемъ, именно, что въ Кале, куда мы ѣхали, лучшая и не дорогая гостинница есть Hôtel Victoria. Въ этомъ отношеніи ни на кого такъ положиться нельзя, какъ на Англичанъ: во всемъ свѣтѣ они знаютъ и выбираютъ лучшія, удобнѣйшія и недорогія гостинницы. Молодая Француженка съ дѣтьми ѣхала въ одинъ изъ ближайшихъ городовъ. Она то и дѣло болтала съ своими дѣтьми, изъ которыхъ одному около 2, другому около 4 лѣтъ. Фразы: какой прекрасный видъ, какъ это мило и т. д. то и дѣло вылетали изъ ея рта и дѣти повторяли тѣже фразы безъ всякаго смысла, какъ попугай. Она ни разу не объяснила старшему своему очень острому ребенку, отъ чего какой нибуть ландшафтъ прекрасенъ, или милъ, но учила его, какъ учатъ попугаевъ, затверживать фразы. И

это я видѣлъ не одинъ разъ. Что же послѣ того удивляться, что Французы, выходятъ пустыми фразами, когда ихъ съ дѣтства приучаютъ только къ фразамъ. Слыша, что ея сосѣдка иностранка говорить очень хорошо по-французски, она со вздохомъ обратилась къ ней и сказала: «какъ я завидую вамъ, что вы знаете разные языки: мы такъ кромѣ своего языка не знаемъ ни одного; въ пансіонахъ нашихъ надъ нѣмецкимъ смѣются и никто не учится кромѣ Нѣмокъ, а по-англійски учатъ насъ плохо и мало, да рѣдкія изъ насъ имѣютъ и охоту учиться по-англійски. А какъ бы пріятно было знать разные языки!» Такая наивная грусть не мало меня позабавила и, наведши разговоръ на воспитаніе во французскихъ пансіонахъ, я узналъ, что въ большей ихъ части и обученіе и воспитаніе идетъ не много лучше нашего, что такъ выпѣшность: танцы, присѣданья, болтовня и зубреніе безъ толку разныхъ учебныхъ руководствъ составляютъ сущность воспитанія. Значить, только Германія и Англія могутъ хвалиться своимъ воспитаніемъ и образованіемъ; Франція же можетъ служить плохимъ примѣромъ, а между тѣмъ въ странахъ полуцивилизованныхъ именно ей-то болѣе всего и подражаютъ. Ребенокъ 4 лѣтъ, который злился на свою мать и все дѣлалъ вопреки ея приказаніямъ, ясно свидѣтельствовалъ, что и изъ школы, и изъ своей семьи молодая мать не вынесла

никакихъ идей о воспитаніи. — Старуха Французка ѣхала изъ Парижа домой, въ Кале. Съ глубокой горестью рассказывала она, что ея единственная дочь 20 лѣтъ недавно, вопреки ея желанію, ушла въ общину сестеръ милосердія, что когда мать начинала ее упрощивать не идти, то дѣвушка рѣшительно сказала, что она совершенно-лѣтняя и сама можетъ располагать своей судьбой. Послѣ этого мать уже болѣе не настаивала на своемъ желаніи. Я любопытствовалъ узнать, всѣ ли женщины во Франціи такъ эманципированы и старуха со слезами сказала, что у нихъ взрослая дѣвушка вообще сама себѣ госпожа, особенно въ среднемъ сословіи, гдѣ ее не связываютъ ни надежды на наслѣдство, ни расчеты на выгодный бракъ и т. п. Вошедшія на одной станціи сестры милосердія той же общины Св. Сульпиція, куда поступила дочь старухи, утѣшали ее, что ея дочь пошла по хорошему пути и слѣд. горевать и жаловаться нечего. Сестры милосердія этого братства пользуются величайшимъ почестомъ и возобновляютъ ежегодно свои обѣты. На станціи въ Грейлѣ я встрѣтилъ одного Нѣмца, ѣдущаго въ Лондонъ, который, принявши меня за Нѣмца, первый познакомился со мной. Не говоря ни слова по-французски, онъ на французской почвѣ былъ, какъ запуганный заяцъ. Вечеромъ въ 10 ч. пріѣхали въ Кале и я цѣлыя сутки отдыхалъ въ рекомендован-

ной Англичанами гостинницъ и осматривалъ городокъ; къ сожалѣнію постоянно дождливая погода показала мнѣ Кале не въ привлекательномъ видѣ. Узкія улицы, по которымъ текутъ вонючія помой, бросались мнѣ первыя и въ носъ и въ глаза. Мѣстоположеніе города очень хорошо и строеніе въ немъ очень порядочное: сравнивать нельзя съ нашими уѣздными городами, а между тѣмъ въ немъ не болѣе 10,000 жителей. И сколько въ немъ древнѣйшихъ хорошо сохранившихся зданій, которыми во всей Европѣ очень дорожатъ; климатъ здѣсь очень хороший; но нынѣшнее лѣто холода и дожди, свирѣпствующіе на всемъ западѣ, мѣшали здѣсь пользоваться морскими ваннами и здоровая морская атмосфера постоянно была наполнена густѣйшими туманами. Впрочемъ не смотря ни на что, я видѣлъ на здѣшней пристани большое число прогуливающихся Англичанъ и Англичанокъ съ французскими гувернантками. Пристань здѣшняя деревянная и тянется отъ берега по крайней мѣрѣ на версту въ море, для прочности дерево смолится и потому на пристани поражаетъ васъ очень сильный запахъ, который съ примѣсью соляныхъ испареній рекомендуется въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ. Отъ этого-то вѣроятно Англичане и любятъ деревянную пристань въ Кале, болѣе чѣмъ гранитную въ Дуврѣ, не смотря на то, что послѣдняя несравненно больше и красивѣе.

Въ Кале можно купить очень недорого очень хорошія раковины, кто любитъ полакомиться устрицами и разными рыбами, которыя здѣсь очень дешевы, и все это запить прекраснымъ бордо, бургонскимъ или шампанскимъ.

Пробывши сутки, я отправился на англійскомъ пароходѣ въ Дувръ, всего переѣзду $1\frac{1}{2}$ часа. Погода была тихая, но въ этомъ узкомъ проливѣ постоянная толчея и при тихой погодѣ нельзя ходить по палубѣ: такъ и бросаетъ изъ стороны въ сторону. Большую часть пассажировъ укачало, не смотря на краткость перехода. Въ туманѣ не далѣе какъ за версту можно было разглядѣть мѣловые берега Англіи. Въ Дуврѣ превосходная и огромная купеческая гавань, въ которой могутъ помѣщаться тысячи кораблей. Только остановился пароходъ, какъ ко мнѣ подошелъ таможенный чиновникъ, осмотрѣть мой дорожный мѣшокъ. Вотъ тебѣ и свобода торговли въ свободной странѣ, которую намъ описываютъ въ родѣ земнаго рая, невольно подумалъ я. Откуда ни возмись какой-то бѣсъ коммисіонеръ, который говоритъ на всѣхъ языкахъ. Онъ взялся доставить мои чемоданы, по осмотрѣ ихъ въ таможнѣ, въ гостинницу, въ которой я вздумалъ остановиться по указанію одного служащаго на пароходѣ. Если вездѣ, то преимущественно въ Англіи, путешественнику непременно

нужно имѣть адреса гостинницъ отъ людей, заслуживающихъ довѣрія. Нигдѣ нѣтъ въ гостинницахъ такого грабежа, какъ въ Англіи. Я рѣшился здѣсь переночевать, потому что не хотѣлось пріѣзжать въ Лондонъ ночью. Я спросилъ комнату въ Dover Castle Hotel близъ самой пароходной пристани, мнѣ отвели комнату въ 3 этажѣ очень чистую, видъ на море очаровательный; но въ ней стоитъ только огромная кровать, туалетъ и одинъ стулъ. Мнѣ хочется закусить и напиться кофе, говорятъ: пожалуйста въ другую комнату во 2 этажѣ. Это говорятъ: bedroom—спальня, а тамъ sittingroom—гостинная и столовая. Пошелъ внизъ и нашелъ комнату, убранную со всемъ комфортомъ. Думаю, вѣрно въ Англіи такіе нравы, что въ одной и той же комнатѣ и спать и ѣсть, нельзя, но хоть бы для проѣзжихъ съ материка сдѣлали исключеніе и не таскали бы съ одного этажа въ другой. Дѣлать нечего, въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не суйся. Крайній комфортъ не только комнатъ, но и отхожихъ мѣстъ мирилъ меня со всемъ. Во всѣхъ Европейскихъ гостинницахъ опрятные ватерклозеты, въ теплыхъ комнатахъ; но здѣсь все это доведено до изящества. Лакеи завитые и въ такихъ фракахъ, что ужъ я приготовлялся быть ограбленнымъ. Ожиданія мои не замедлили сбываться. Коммиссіонеръ, прибѣжавши изъ таможни, объявилъ мнѣ, что

у меня въ чемоданахъ найдено нѣсколько серебряныхъ ложекъ и другихъ вещей, за которыя пошлина 6 р. с. съ фунта. Вотъ тебѣ и богатая Англія и свобода торговли! Я сказалъ, что пусть оставлятъ ложки въ таможенѣ, я на обратномъ пути ихъ возьму, а платить пошлины не хочу, потому что я везу ихъ не на продажу. Бѣда ѣздить съ чемоданами, а безъ нихъ невозможно: вездѣ покупаешь то, что у насъ или крайне дорого, или вовсе нельзя найти. За перевозку моихъ вещей съ пристани до таможи около 50 сажень взяли съ меня 3 шиллинга—90 к. с. таможенные рабочіе по таксъ, тогда какъ въ Германіи это стоитъ не болѣе 20 к. с.; да коммисіонеру за хлопоты 2 шил. (60 к. с.), тогда какъ въ Германіи за 20 к. с. былъ бы очень благодаренъ; наконецъ въ довершеніе всего на слѣдующій день краснорожая, толстая вдова, хозяйка прислала мнѣ незабвенный счетъ, по которому я долженъ былъ заплатить за одни сутки около 8 р. с.; за прислугу въ самыхъ дорогихъ германскихъ гостинницахъ берутъ по 10 грошей, а здѣсь втрое дороже—3 шиллинга,—за двѣ комнаты, въ одной изъ которыхъ я спалъ, въ другой сидѣлъ и ѣлъ, 3 р. с. и т. д. Ну, подумалъ, что-то ждетъ меня въ Лондонѣ? Какъ ни красиво мѣстоположеніе Дувра, окруженнаго горами и морями, но я поспѣшилъ въ Лондонъ: ужь если и быть

грабимымъ, такъ по крайней мѣрѣ не даромъ, хотъ посмотрю этотъ первый городъ въ мірѣ. Въ 5 час. вечера я отправился изъ Дувра въ Лондонъ; вагоны 2 класса ничѣмъ не лучше 3 класса, въ которомъ старикъ кондукторъ отыскалъ мнѣ совершенно пустое купе. Цѣна 2 класса 14 шиллинговъ, 3 класса 9 шил. не болѣе какъ за 140 верстъ. Спутницей моей оказалась одна молодая Англичанка, съ маленькимъ ребенкомъ, котораго она тотчасъ же развернула изъ одѣяльца и показывая его со всѣхъ сторонъ мнѣ, съ гордостью говорила: «какой здоровый и большой, а вѣдь ему только 6 мѣсяцевъ». Вотъ думалъ я, что значать другіе нравы и другое воспитаніе: у насъ дѣтей прячутъ отъ дурнаго глазу, а здѣсь показываютъ первому встрѣчному. На ближайшей станціи моя спутница вышла и я остался одинъ; на станціяхъ здѣсь, какъ и во Франціи, останавливались на одну, на двѣ минуты. Станціи самыя простыя и маленькія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ простые навѣсцы, чтобы пассажиры въ ожиданіи поѣзда могли укрыться отъ дождя: но на всѣхъ станціяхъ и выходятъ, и входятъ пассажиры, и принимаютъ, и выдаютъ и корреспонденцію, и посылки; на ближайшихъ къ Лондону станціяхъ, верстъ за 15 начинаютъ попадаться громадныя объявленія, выставленныя разными лондонскими промышленниками, ремесленниками, фа-

брикантами и т. д. Одинъ рекомендуетъ свою ваксу, другой чай, третій лѣкарство, четвертый вновь изобрѣтенное мыло и т. д. И шарлатанство и честный трудъ здѣсь стоятъ рядомъ на огромныхъ доскахъ, извѣщая объ себѣ аршинными буквами. И такъ дорога, уставленная этими объявленіями, идетъ точно между памятниковъ на кладбищѣ. Наконецъ чрезъ 4 часа ѣзды стали видны блестящіе огни громаднаго города, въ который мы въѣхали вечеромъ въ 10 часовъ въ воскресенье.

П И С Ь М О X I V .

Л о н д о н ъ .

Лондонъ въ воскресенье, какъ извѣстно, совершенно мертвый городъ. При въѣздѣ въ него въ 11 часу ночи я на самыхъ широкихъ и длинныхъ улицахъ, обставленныхъ громадными домами, почти вовсе не видалъ ни одного живаго существа и въ весьма рѣдкихъ магазинахъ огонь. Самый серьезный Берлинъ укладывается спать не ранѣе 11 часовъ а Лондонъ въ воскресенье, можно сказать, спитъ цѣлый день. Днемъ точно такъ же, какъ и ночью на улицахъ рѣдко встрѣтите пѣшехода, или прогремить

экипажъ. Не только магазины, но даже аптеки въ воскресенье заперты. Это самый лучший день для осмотра городскихъ улицъ и зданій, потому что вы не встрѣтите никакой толкотни. Гдѣ же сидѣть и что дѣлать по воскресеньямъ Лондонское народонаселеніе? Для рѣшенія этого вопроса подойдите къ первой церкви и на дверяхъ ея вы прочитаете печатный указъ пынѣшней королевы, написанный чрезвычайно тяжелымъ слогомъ, подобнымъ нашимъ канцелярскимъ бумагамъ. Этотъ указъ построенъ слѣд. образомъ: во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ религія считалась и доселѣ считается основаніемъ нравственнаго развитія и семейнаго и общественнаго благосостоянія (въ чемъ никто изъ здравомыслящихъ не сомнѣвается). Богъ заповѣдалъ шесть дней трудиться, а седьмой посвящать на служенье Ему. Англичанамъ предписывается подъ опасеніемъ разныхъ взысканій исполнять эту заповѣдь Божию, по этому повелѣвается всѣмъ, имѣющимъ власть и судьямъ, предупреждать нарушеніе этой заповѣди въ народѣ, а нарушившихъ ее подвергать строгому наказанію. Въ слѣдствіе всего этого воскресенье празднуется Англичанами совершенно такъ же, какъ суббота Евреями; не только закрыты мѣста общественныхъ сборищъ и увеселеній, но и въ частныхъ жилищахъ Англичанъ не увидите и не услышите ни чего нарушающаго еврейское празднованіе воскресенья:

даже дѣтямъ запрещается играть въ куклы и тому подобныя игры. Отецъ семейства сидитъ дома, читаетъ своимъ домочадцамъ Библию и объясняетъ ее; когда же все это утомить и наскучить, то вся семья сидитъ молча, поглядывая другъ на друга, и ранехонько ложится спать. Такое праздничанье еще сносно для человѣка, живущаго въ довольствѣ и въ своей семьѣ, но что дѣлать въ своей квартирѣ человѣку одинокому или нищему, у котораго дѣти просятъ хлѣба? Всякое притѣсненіе рождаетъ желаніе отъ него освободиться; если нельзя силою, то прибѣгаютъ къ хитрости. Точно тоже происходитъ и въ Лондонѣ. Въ городѣ въ воскресенье не позволено жить всякому, какъ ему угодно и вотъ толпы народа спѣшатъ за городъ. Есть надежда, что такой одряхлѣвшій обычай праздновать воскресенье скоро совсѣмъ умретъ и останутся объ немъ одни только сужденія. Вы скажете, что Англичане упорно держатся обычаевъ старины, и на этомъ уваженіи къ ней и на отвращеніи къ скачкамъ основывается ихъ обдуманность, постоянство и твердость убѣжденій. Все это совершенно справедливо; дѣйствительно, Англичанѣ не прежде бросаютъ старое, какъ убѣдятся въ его негодности и тогда только принимаютъ новое, лучшее. Но въ неудобствахъ этого праздничанья убѣждено большинство, и не разъ уже этотъ вопросъ былъ подни-

маесть въ парламентѣ. — Обычаи континентальной Европы все легче и легче начинаютъ приниматься на англійской почвѣ. До Крымской войны здѣсь съ древнѣйшихъ временъ всякій человѣкъ, не брѣющій бороды, сравнивался съ неопрятнымъ козломъ, и одинъ членъ верхняго парламента, носившій бороду, былъ предметомъ насмѣшекъ и нареканій всѣхъ Англичанъ. Нелюбовь ихъ къ волосамъ на лицѣ была такъ велика, что даже военные не носили усовъ. Въ Крымскую войну, побратавшись съ Французами, Англичане заимствовали у нихъ настоящую козлиную бородку, а теперь эта мода распространилась такъ, что въ Лондонѣ вы видите во всѣхъ слояхъ общества такія же широкія и длинныя бороды, какія только можете встрѣтить на мусульманскомъ востокѣ, гдѣ онѣ служатъ предметомъ особеннаго попеченія и знакомъ высокой породы и высокихъ душевныхъ качествъ. Если бы встали Веллингтоны и Нельсоны и посмотрѣли бы на эти нѣкогда презрѣнныя бороды, находящіяся теперь въ такой чести, то они вѣроятно не захотѣли бы оставаться среди своихъ бородатыхъ соотечественниковъ, обратившихся во французскихъ обезьянъ; но за то надобно отдать справедливость, что остальные французскія моды, безусловно господствующія въ цѣломъ мірѣ, здѣсь не могутъ похвалиться такимъ владѣтельствомъ: имъ подражаютъ, но не безусловно и отъ

того эти видоизмѣненные моды выходятъ очень смѣшны. Я нарочно былъ въ Гайдъ-паркѣ, чтобы видѣть огромную массу зажиточнаго и высшаго общества; тамъ катаются въ экипажахъ и верхами: то и другое движеніе трудно представить, не выдавши его, лошади и экипажи верхъ совершенства. Англійскія Леди и Миссъ отличаются своимъ наѣздничествомъ, и своею нармандскою строгой красотой, объ которой такъ много у насъ пишется и говорится. Во Франціи я видѣлъ гораздо болѣе хорошенькихъ женщинъ, чѣмъ здѣсь, но такихъ прекрасныхъ оваловъ лицъ съ такими лицевыми углами, какъ здѣсь, я не встрѣчалъ. За то Англичанкамъ не достаетъ граціи въ манерахъ и вкуса въ костюмахъ. Меня болѣе всего поражали дамскія шляпки своимъ безобразіемъ: онѣ похожи скорѣе на маленькія шапочки, чѣмъ на шляпки, которыя дѣлаютъ всю фигуру очень смѣшной, особенно при страсти ихъ носить, волосы завитыми. На каждомъ шагу встрѣчаете не только молодыхъ дѣвицъ и дамъ, но даже старухъ съ волосами совершенно распущенными во всю длину и только на концѣ завитыми, и въ такихъ крошечныхъ шляпкахъ! Остальной, костюмъ имѣетъ болѣе сходства съ французскимъ, но видоизмѣненнымъ по своему вкусу, или лучше сказать, безвкусію. Мужчины тоже видоизмѣняютъ парижскіе фасоны по своему вкусу и климату,

за что впрочемъ нельзя ихъ не похвалить. Ихъ портные, зная прихотливую натуру своихъ кліентовъ, отличаются точностію въ исполненіи ихъ желаній и работаютъ очень хорошо и дешево. Не понравится какая нибудь малость, и портному отдають передѣлать, или вовсе не берутъ платья. По этому здѣшніе портные едва ли не лучше и не аккуратнѣе всѣхъ. Кто хочетъ дѣлать себѣ прочное суконное платье, тотъ не найдетъ нигдѣ лучше суконъ и дешевле работы какъ, здѣсь: меня удивляла эта дешевизна послѣ нашей не только столичной, но и уѣздной дороговизны: особенно хороши здѣсь трико: это шелкъ, а не шерсть по своей мягкости. Кто хочетъ дѣлать щегольское платье изъ тонкаго сукна, тотъ пусть заказываетъ въ Парижѣ: высшіе сорта суконъ здѣсь совершенный атласъ; работа не дороже петербургской и московской. Въ Берлинѣ дешевы и хороши сукна, и самая дешевая работа, но не взыщите на фасонахъ: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Нѣмецкое безвкусіе извѣстно всякому; сдѣлають вамъ такое платье, что совѣстно будетъ показаться въ нашихъ не только столицахъ, но и провинціяхъ. Надобно отдать справедливость, что у нашихъ портныхъ и портнихъ очень много вкуса, который служитъ выраженіемъ вкуса общества. Но я заговорился о такихъ предметахъ, которые любителямъ высокаго покажутся очень низкими; между

тѣмъ по моему понятію эти мелочи служатъ тоже выраженіемъ народной жизни, которую по возможности подмѣтить и описать составляетъ задачу моихъ писемъ. Но начну лучше по порядку описывать мои впечатлѣнія и наблюденія.

Въ Лондонъ я вѣхалъ ночью 3-го іюля среди густаго холоднаго тумана, болѣе указывающаго на осень, чѣмъ на лѣто. Въ Парижѣ мнѣ дали нѣсколько адресовъ и я, взявши извозчикью карету, бодро отправился въ путь по пустыннымъ улицамъ всемірнаго города. Дорога вела мимо церкви Св. Павла, которая въ ночной темнотѣ представлялась еще въ громаднѣйшихъ размѣрахъ, чѣмъ она есть. Веселое чувство при вѣздѣ въ новый городъ у меня скоро смѣнилось тревожнымъ, когда первый адресъ оказался ошибочнымъ и я не нашелъ того Нѣмца, бывшаго въ Россіи, у котораго мнѣ совѣтовали остановиться. Я поѣхалъ въ другое мѣсто, гдѣ останавливаются Русскіе, но и тамъ такая же неудача. Былъ у меня и еще адресъ, но не точный, безъ обозначенія № дома. Въ отчаяніи я велѣлъ извозчику везти меня въ первую ближайшую гостинницу, и я скоро очутился въ нѣмецкой довольно порядочной гостинницѣ. Но прежде надобно было заплатить извозчику. Здѣсь плата по таксѣ за каждую милю $\frac{1}{2}$ шиллинга, да за каждый чемоданъ по 4 пенса, т. е. около 10 к. с. Я разъѣзжалъ по

городу съ небольшимъ часъ, слѣд. проѣхалъ никакъ не болѣе 6 англійскихъ миль, и слѣд. долженъ былъ заплатить за все не болѣе 4 шиллинговъ, съ меня извозчикъ взялъ 6 шиллинговъ, потому будто бы, что мы проѣхали около 10 миль. Такая такса по милямъ, которыя извѣстны только постояннымъ здѣшнимъ обывателямъ, конечно извознику даетъ полный произволъ брать съ незнающихъ лондонскихъ разстояній, что ему угодно. И послѣ этого случалось, что ѣдешь кажется не болѣе версты, а платишь за 2 мили. По этому здѣсь гораздо выгоднѣе брать извозниковъ по часамъ. Каждый часъ ѣзды здѣсь стоитъ 2 шил. (60 к. с.), извозничьи экипажи такія же кареты, какъ во Франціи, и сверхъ того очень мягкія и удобныя одноколки; ѣзда здѣшнихъ извозниковъ по часамъ гораздо тише не только французской, но и нѣмецкой. Здѣсь извозчикъ не даетъ карточки съ обозначеніемъ своего экипажа, какъ въ Германіи и Франціи; надобно помнить или записывать № экипажа на всякій случай. Извозничьи лошади хуже нѣмецкихъ; держать ихъ компанія. Разсчитавшись съ извозникомъ, я уговорился съ хозяиномъ гостиницы въ цѣнѣ за №, но никакъ не могъ согласиться о пищѣ и питьѣ. Онъ настоятельно требовалъ, чтобы я по крайней мѣрѣ два раза въ день у него ѣлъ и пилъ, а мнѣ это казалось во 1) крайне стѣснительнымъ и во 2) крайне нахальнымъ.

Стѣспительно по тому, что я располагалъ все время моего пребыванія здѣсь бродить и ѣздить по городу и слѣд. ѣсть и пить тамъ, гдѣ приведетъ случай. Нахально потому, что неслыханное дѣло, чтобы гдѣ нибудь въ гостинницѣ заставляли насильно ѣсть и пить. Плутоватый кельнеръ всячески старался вырвать мое согласіе и предлагалъ съ меня въ день за все про все брать 25 шил. (7 р. с.), и тогда только отвязался, когда я согласился ѣсть два раза въ день съ условіемъ, чтобы мнѣ тотчасъ же подавали счетъ. Я уже видѣлъ, что имѣю дѣло съ мошенниками, но все-таки не думалъ, что съ мошенниками такими, какихъ еще мнѣ не удавалось видѣть во всю мою жизнь. Проходятъ сутки, а счета все не подаютъ подъ разными предлогами, прошли и другія, все счета нѣтъ. Я рѣшился разсчитаться и уѣхать въ другую гостинницу, которую я уже успѣлъ узнать въ это время. Каково же было мое изумленіе, когда мнѣ подали такой счетъ, въ которомъ всего мною съѣденнаго и выпитаго, было записано вдвое болѣе и приписано то, чего я совсѣмъ не спрашивалъ. Еще хотѣли было требовать денегъ за то, что я не взялъ предлагаемаго мнѣ хозяиномъ за 20 шил. въ день экипажа. Когда мнѣ его навязывали, то я сказалъ, что когда буду въ немъ имѣть нужду, то возьму. Къ этимъ словамъ хотѣли привязаться и содрать съ меня деньги. Во время моего расчета

вошелъ ко мнѣ добрый знакомый, живущій здѣсь около 20 лѣтъ. Я ему разсказалъ все наглѣе грабительство гостинницы и изъявилъ намѣреніе идти жаловаться въ судъ. «Напрасно, сказалъ онъ мнѣ. Вы не имѣете свидѣтелей за себя, а за хозяина вся прислуга. Эта жалоба будетъ только тратой времени, и денегъ, которыя должны будете заплатить за бездоказательное обвиненіе въ пользу богоугодныхъ заведеній». По его совѣту, я отдалъ грабителямъ, что они захотѣли съ меня взять, около 12 р. с. и перебрался на жительство уже не въ гостинницу, а *maison meublée*, содержимый Француженкой, гдѣ помѣстился и дешево и удобно и уже не подвергался грабежу. Каковы здѣшніе люди, разскажу маленькій эпизодъ. На столѣ въ прежней моей квартирѣ, прозванной моимъ пріятелемъ вертепомъ, оставалась визитная карточка моего гостя. «Возьмите ради Бога ее съ собой, или изорвите. А то знаете, что можетъ случиться: не смотря на то, что на вашемъ счетѣ росписался хозяинъ въ полученіи денегъ, но какъ вы уѣдете, то онъ, зная мою квартиру, можетъ явиться ко мнѣ и потребовать этихъ денегъ вновь отъ меня, какъ отъ поручившагося въ ихъ уплатѣ; иначе подастъ жалобу въ судъ. Ходи и оправдывайся, какъ знаешь.» Тоже самое замѣчаніе онъ мнѣ сдѣлалъ и другой разъ, когда я рекомендовалъ ему моего портнаго, дѣлавшаго мнѣ въ Лондонѣ

платье, но я успокоилъ его тѣмъ, что счетъ, на которомъ расписался портной въ полученіи отъ меня денегъ, я буду беречь и, въ случаѣ нужды, перешлю въ Лондонъ. Горькіе опыты научили моего знакомаго быть осторожнымъ среди самыхъ утонченныхъ мошенниковъ. Послѣ такихъ продѣлокъ Германія съ ея мелкими плутами кажется честнѣйшей Аркадіей. Наши же отечественные мошенники, которыми мы такъ возмущаемся, не имѣя случая видѣть иностранныхъ, суть не болѣе, какъ ребятишки-школьники на поприщѣ мошенничества. Правда и то, что мы не столько обижаемся ихъ мошенничествомъ, сколько его безнаказанностью, весьма нерѣдко, предъ судомъ полиціи и общественнаго мнѣнія. Въ Англіи на этотъ счетъ можно быть совершенно покойнымъ: если вы имѣете положительныя улики или свидѣтелей, что васъ обманули, можете быть увѣрены, что васъ удовлетворятъ вполне, а преступника накажутъ тоже вполне безъ всякаго лицепріятія; ни какія связи и богатство не помогутъ. Объ томъ, чтобы можно было дать блюстителю правосудія взятку, здѣсь не приходится въ голову не только ни одному честному и невинному человѣку, но даже ни одному мошеннику и преступнику. По всему этому здѣсь можно жить совершенно покойно и безопасно, не смотря на то, что Лондонъ кишитъ первоклассными мошен-

никами, и что въ немъ болѣе 100,000 человѣкъ бродягъ, не имѣющихъ пристанища. Ловятся на удочку мошенниковъ только люди безпечные, или совершенно безсмысленные, и болѣе всего иностранцы, не знающіе здѣшнихъ порядковъ, съ которыми впрочемъ познакомиться не требуется большаго ума и продолжительнаго времени. Послѣ этого вы уже совершенно покойно засыпайте въ Лондонѣ, зная, что никакой волшебною силою вы прямо съ постели не можете попасть въ тюрьму и что ни какой чародѣй не смѣетъ пробраться въ вашу комнату, если она хорошо заперта, безъ позволенія суда. За мошенниками на улицахъ и въ публичныхъ мѣстахъ такъ зорко смотрятъ полисмены, что здѣсь трудно подвергнуться какой нибудь непріятности, напр. покражѣ часовъ, кошелька и т. п., что у насъ не только уже въ столичныхъ, но и губернскихъ многочисленныхъ городахъ случается весьма часто. Я говорю трудно, но не невозможно; конечно за какимъ нибудь ротозѣмъ, или идіотомъ не можетъ усмотрѣть самая бдительная полиція, и его обчистятъ мошенники при первомъ удобномъ случаѣ.

Перебравшись на новую квартиру, я вздохнулъ свободнѣе и началъ свои экскурсіи по городу. Прежде всего считаю нужнымъ сказать для собирающихся путешествовать въ Лондонъ нѣсколько словъ о квартирахъ. Какъ въ Парижѣ, такъ и въ Лондонѣ

несравненно выгоднѣе останавливаться въ *chambres garnies*, чѣмъ въ гостинницахъ. Лондонскія гостиницы за тѣ удобства, которыя вамъ даютъ, берутъ бѣшеную цѣну. Обращикъ чисто англійской гостиницы я уже представилъ въ описаніи Дувра. Въ самомъ Лондонѣ онѣ еще удобнѣе и еще дороже; въ такой гостинницѣ за одинъ день заплатишь столько, сколько въ *maison meublée* за цѣлую недѣлю. Въ Германіи на короткое время не стоитъ нанимать частныхъ квартиръ, которыя очень дешевы и удобны, потому что и самыя гостинницы не очень дороги, но въ большихъ городахъ Франціи и Англіи не богатый путешественникъ долженъ бѣгать гостинницъ какъ огня, и вездѣ запасаться адресами хорошихъ *maison meublée*. Въ Парижѣ эти меблированные квартиры содержатся большею частію Французами, не многія—Англичанами для своихъ соотечественниковъ и еще меньше Нѣмцами и другими иноплемениками. Въ Лондонѣ же живетъ болѣе 100,000 Нѣмцевъ, изъ этого числа надобно положить $\frac{9}{10}$ людей, пришедшихъ сюда ни съ чѣмъ и здѣсь промышляющихъ всемъ, получше самихъ Англичанъ. Нѣмцы содержатели гостинницъ, портные, сапожники, слесаря, столяры и т. д. попадаютъ на каждомъ шагу. Здѣшніе Нѣмцы, пріобрѣтши мѣстный характеръ неутомимой и жадной промышленной дѣятельности, съ тѣмъ вмѣстѣ утратили характеръ

нѣмецкой честности и довольства малымъ. Демонъ корысти обуялъ ихъ совѣсть; изъ всѣхъ мошенниковъ промышленниковъ Лондона самые безсовѣстные—Нѣмцы. Я говорю конечно о большинствѣ, а не обо всѣхъ и говорю по тому, что видѣлъ и слышалъ самъ. Лучше всего въ Лондонѣ искать меблированныхъ квартиръ, содержимыхъ Французами, у которыхъ обыкновенно останавливаются ихъ соотечественники. За чистую комнатку въ 3 этажѣ дома на Golden Square съ завтракомъ, обѣдомъ и чаемъ съ меня брала Француженка по 3 шил. въ день, т. е. по 90 к. с., а въ первомъ этажѣ за прекрасную комнату 6 шил.; но у ней не было ни одной свободной комнаты, а ждать я не могъ, по этому и нанялъ 2 комнатки у другой Француженки на Neumarket, близъ Regentstreet за 25 шил. въ недѣлю: цѣна по здѣшнему очень дешевая, да и по нашему не дорогая. Можно ли имѣть у насъ за 1 р. 20 к. 2 комнаты въ центрѣ города? Замѣчательно, что въ Парижѣ и Лондонѣ можно жить несравненно удобнѣе и дешевле, чѣмъ въ Москвѣ и Петербургѣ: надобно только знать извѣстныя мѣста для квартиръ, обѣдовъ и т. д. И при этомъ не надобно забывать, что такія дешевыя мѣста по своей опрятности и удобствамъ не хуже нашихъ первоклассныхъ гостинницъ, въ которыхъ берутъ за все невѣроятныя цѣны. Во Франціи и Англіи дороговизна

понятна, громадное населеніе и дороговизна первыхъ потребностей жизни—вотъ ея причина; у насъ же населеніе даже нашихъ столицъ равняется тамошнимъ второкласснымъ городамъ, предметы первыхъ потребностей дешевле, чѣмъ во всей Европѣ, а между тѣмъ въ нашихъ столицахъ самая скромная жизнь обходится дороже, чѣмъ такая же жизнь во Франціи и Англіи, съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь вы имѣете европейскія, а у насъ азіатскія удобства жизни. И эту страшную дороговизну, и эти наши удобства, къ сожалѣнію, знаютъ во всей Европѣ не хуже насъ и за все стараются съ Русскихъ брать дороже, чѣмъ съ другихъ, а на всякую справедливую претензію Русскаго дѣлаютъ презрительную гримасу, которой смыслъ слѣдующій: «Фи, еще претензіи, тогда какъ дома у себя за все платятъ въ три-дорога, ничего не имѣютъ порядочнаго и не претендуютъ.» Нѣкоторые въ болѣе вѣжливыхъ выраженіяхъ выскажутъ вамъ все это прямо въ глаза. Теперь нѣсколько словъ о Лондонскомъ климатѣ.

Проснувшись первый день въ Лондонѣ, я подумалъ, что еще нѣтъ и 4 часовъ, такъ было темно, посмотрѣлъ на часы, половина десятого. Вставши и подошедши къ окну, я понялъ задачу: надъ всемъ городомъ висѣла свинцовая туча, придававшая всѣмъ предметамъ траурный видъ; это впрочемъ

была не дождевая туча, которая въ одномъ положеніи долго оставаться не можетъ, а должна или разсѣяться, или пролиться дождемъ: нѣтъ, это была тяжелая туча специфическаго лондонскаго тумана, висящаго надъ городомъ по нѣскольку недѣль сряду и загораживающаго собою животворящіе лучи солнца. Мнѣ тотчасъ же пришло въ голову огромное число самоубійствъ въ Лондонѣ, случающееся болѣе всего именно въ дурную погоду. Теперь я понялъ очень ясно, что не бывши эксцентрикомъ, отъ этихъ мертвящихъ и все покрывающихъ трауромъ тумановъ можно придти въ отчаяніе и даже лишиться себя жизни. И такая миленькая погода въ Лондонѣ, говорятъ, стоитъ постоянно Ноябрь, Декабрь, Январь, Февраль, Мартъ; въ видѣ же сюрпризовъ являются туманчики и въ остальное время года. Пышнѣе безалаберное лѣто съ своими постоянными дождями и холодами не можетъ служить украшешемъ лондонскому климату. — Возвѣвши на Лондонское небо, я рѣшился никакъ не оставаться здѣсь болѣе недѣли, а если будутъ такіе же туманы, при которыхъ въ 10 ч. утра надобно зажигать свѣчу, то выѣхать еще скорѣе. Такихъ тяжелыхъ тумановъ я съ роду не видалъ и жить подъ ихъ вліяніемъ чувствовалъ себя рѣшительно неспособнымъ. Но на мое счастье съ переѣзда на новую квартиру погода разгулялась, т. е. проконче-

ный туманъ исчезъ, и на небѣ вступили въ борьбу простыя дождевыя облака съ солнцемъ, въ борьбу, оканчивающуюся обыкновенно тѣмъ, что если утромъ свѣтитъ солнце, то послѣ обѣда начинается дождь, или на оборотъ. Все-таки это было благодатью въ сравненіи съ незабвеннымъ туманомъ.

Я легко отыскалъ въ Лондонѣ одного земляка, живущаго здѣсь уже около 20 лѣтъ, который былъ столько обязателенъ, что взялся быть моимъ путешводителемъ и показалъ мнѣ все замѣчательное, что я желалъ видѣть. Безъ такого руководителя въ короткое время въ такомъ городищѣ увидишь весьма мало. Сверхъ того я встрѣтилъ въ Лондонѣ еще нѣсколько Русскихъ, которые сообщили мнѣ много любопытныхъ свѣдѣній. Жизнь общественная внесена въ мои замѣтки на столько, на сколько я могъ ее видѣть. Семейной жизни Англичанъ, къ сожалѣнію, я не видалъ, только слышалъ объ ней много хорошаго.

На большихъ и бойкихъ улицахъ вамъ бросится въ глаза множество народу того и другаго пола, дурно одѣтаго, грязнаго, нерѣдко съ подбитыми физиономіями и съ сивушнымъ запахомъ, на каждомъ углу оборванцевъ мальчишекъ съ вѣничками и щетками, предлагающихъ вамъ свои услуги и на каждомъ шагу, гдѣ бы вы ни выходили изъ экипажа, какихъ-то жалкихъ созданій, въ

родѣ тѣхъ, которыя шатаются у насъ по трактирамъ, отворяющихъ вамъ дверцы и просящихъ милостыни. Васъ это на первый разъ ужасно озадачиваетъ. Какъ, у этой владычицы морей, въ этой цивилизующей весь міръ столицѣ такая нищета, грязь и пьянство! Но это еще цвѣтки. Вы идете прогуливаться вечеромъ и на самыхъ лучшихъ въ городѣ улицахъ находите цѣлые хоробы публичныхъ женщинъ, разряженныхъ и разрумявленныхъ, которыя безъ церемоніи подхватываютъ васъ подъ руки и тащутъ въ свои жилища. Не малаго труда стоитъ освободиться отъ ихъ нахальныхъ объятій безъ помощи полиціи, которая и тутъ готова на помощь по первому вашему призыву, но которая не имѣетъ никакого права, запрещать кому бы то нибыло дѣлать съ собою все, что ему угодно, не вредящее прямо обществу, или частнымъ лицамъ. Свобода здѣсь не пустое слово, какъ во Франціи: здѣсь ни одной гризеткѣ ни одинъ полицейскій не смѣетъ запретить одѣваться или танцовать, какъ она хочетъ. Разъ, говорятъ, на Regents—street, самой шумной улицѣ, по которой по ночамъ производится самое сильное движеніе гризетокъ, полисменъ хотѣлъ арестовать мужчину и женщину въ платьяхъ, оканчивающихся выше колѣнъ; но долженъ былъ отпустить, когда ему сказали, что они Шотландцы и носятъ свой національный костюмъ. Англичане очень хорошо понимаютъ, что

при полной свободѣ безнравственность выплываетъ наружу, но терпятъ ее потому, что, какъ говорить они, все-таки свобода имѣетъ гораздо болѣе выгоды, чѣмъ невыгоды. При полной свободѣ выплываютъ наружу всѣ таланты и добродѣтели, которыя при сжимательной системѣ на вѣки остались бы никому не извѣстными и бесполезными. Земля не рай: одно добро не существуетъ, и отъ сопоставленія съ зломъ еще болѣе выигрываетъ. Съ вечера вы уже не увидите ни одной порядочной женщины ни на одной улицѣ. За то днемъ женщины всевозможныхъ возрастовъ и состояній на улицахъ двухъ—съ—половиной—милліоннаго города такъ же безопасны отъ всѣхъ непріятностей, какъ и у себя дома. Ночью на лондонскихъ улицахъ раздолье для непорядочныхъ людей, за которыми впрочемъ зорко смотрятъ полисмены и не позволяютъ дѣлать вреда людямъ порядочнымъ. Я увѣренъ, многіе скажутъ въ сердцахъ: да чертъ ли въ нихъ, что они смотрятъ, когда они не имѣютъ право запретить развратнымъ женщинамъ надѣвать безстыжихъ костюмовъ и вести себя самымъ нахальнымъ образомъ къ явному вреду для нравственности. Успокойтесь и не огорчайтесь. Англичане разсуждаютъ слѣд. обр.: люди равны и должны пользоваться одинаковыми правами. Если вы пользуетесь полной свободой, то по какому праву

можно лишить ее другого, если онъ не лишился гражданскихъ правъ по приговору суда за какое нибудь преступленіе. Вы говорите, что развратъ уже самъ по себѣ есть преступленіе, неограниченная свобода развратныхъ женщинъ вредитъ общественной нравственности и нарушаетъ общественныя приличія. Въ дѣлахъ совѣсти судья одинъ Богъ, а не человѣческое мнѣніе и тѣмъ болѣе не полиція. Плоха та нравственность, которая держится только потому, что не видитъ соблазна: такой не совершеннѣйшей нравственности люди возмужалые не уважаютъ и ни во что не цѣнятъ. Общественныя приличія—понятіе условное, и развѣ не случается, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ наиболѣе наблюдаютъ за ихъ сохраненіемъ, тамъ-то наиболѣе и господствуетъ всеобщее развращеніе нравовъ, еще опаснѣйшее потому, что оно тайно и прикрито маскою приличія. Но вы скажете: что же ручается наконецъ, что развратныя женщины не будутъ такъ же нахальствовать въ Лондонѣ и днемъ, какъ теперь ночью, если полиція не имѣетъ права запретить имъ показываться? Нравы, нравы и общественное мнѣніе, которое въ свободной странѣ сильнѣе всякой полиціи. Тотъ же волокита, который любезничаетъ съ женщиной на улицѣ ночью, отвернется отъ нея днемъ, и так. обр. ей не зачѣмъ являться на улицѣ въ это время. Между тѣмъ какъ у насъ въ боль-

шихъ городахъ не только ночью, но и днемъ шатаются пьяныя пары по улицамъ и порядочной женщинѣ безъ провожатаго грозитъ множество непріятностей отъ нашей благовоспитанной и благонравной публики, особенно военной. Я нисколько не оправдываю этого прискорбнаго явленія лондонской жизни, но только объясняю, почему оно существуетъ именно въ такой рѣзкой формѣ, въ какой не существуетъ нигдѣ. Нравы Парижа конечно отъ частыхъ государственныхъ переворотовъ несравнено развращеннѣе нравовъ Лондона, между тѣмъ въ Парижѣ все благоприлично. Моя хозяйка, старуха Француженка, живущая въ Лондонѣ болѣе 20 лѣтъ, не можетъ съ нимъ примириться и немилосердно бранитъ его за распущенность нравовъ. «Всякая дѣвчонка и всякій мальчишка здѣсь, говорила она мнѣ въ страшномъ волненіи, располагають собою, какъ хотять и живутъ какъ имъ нравится.» Что лучше: болѣзнь, ли загнанная внутри и незамѣтно подтачивающая весь организмъ, или таже болѣзнь, отложившаяся въ видѣ какого нибудь нарыва, или язвы. И въ томъ и другомъ случаѣ организмъ страдаетъ, но въ первомъ вы не знаете, какія употребить лѣкарства; во второмъ же случаѣ и распознаваніе, и леченіе, да большею частію и самое страданіе организма легче, когда болѣзнь отложилась въ одно какое нибудь наружное мѣсто. Правда,

что въ первомъ случаѣ болѣзнь не имѣетъ такого безобразнаго вида, какъ во второмъ, но бѣгаютъ, гоняются за одною внѣшностью обыкновенно только люди, не вышедшіе изъ младенческаго состоянія. Англичане уже давно вышли изъ этого возраста и равно презираютъ какъ маскированіе общества приличною внѣшностью, такъ и казенную регламентацію каждаго шага жизни. Они сами знаютъ, что у нихъ много дурнаго, и сами первые публично и громко объ немъ говорятъ, чтобы его исправить съ основанія, а не замазать только для соблюденія благовидной внѣшности. Но сами же они очень хорошо знаютъ, что, благодаря полной свободѣ, у нихъ гораздо больше хорошаго, чѣмъ дурнаго, и предъ всѣми иностранцами Англичанинъ гордо держитъ свою голову.—Откуда берутся эти несчастныя женщины, эти толпы оборванныхъ мальчишекъ и пьяныхъ мужчинъ и женщинъ, бродящихъ повидимому безъ всякаго дѣла, даже днемъ? Въ Лондонѣ, я слышалъ, столько разнаго рода учрежденій, въ которыхъ желающій трудиться можетъ найти и пріютъ, и пищу, что рѣшительно ни одинъ человѣкъ не можетъ умирать съ голоду; и между тѣмъ здѣсь въ нѣкоторыхъ кварталахъ царствуетъ нищета, живущая въ подвалахъ, лишенная воздуха, свѣта, пищи и питья. Миѣ говорили, что обыкновенно бѣдствуютъ тѣ, которые не желаютъ трудиться и что англій-

скій работникъ, участь котораго наиболѣе подвержена всѣмъ случайностямъ при неимѣннй работы, очень прихотливъ въ пищу и питье. Представьте себѣ, что простой чернорабочій ѣстъ одинъ только бѣлый хлѣбъ, мясо и пьетъ пиво. Съ тѣмъ, что нищенствуютъ большею частью тѣ, которые не желаютъ трудиться, я невольно соглашался, зная это явленіе особенно въ Москвѣ, гдѣ пропасть нищихъ, бѣгающихъ Юсуповскаго дома, въ которомъ ихъ кормятъ и одѣваютъ, но за то заставляютъ работать. И у насъ свободу такъ же любятъ, какъ и въ Англіи. Пишу простаго рабочаго народа я самъ видѣлъ въ лондонскихъ public houses, въ родѣ нашихъ харчевенъ, въ которыхъ онъ и пьетъ, и закусываетъ. Дѣйствительно, нашему рабочему и не грезится такая пища, при неимѣннй которой Англичанинъ считаетъ себя несчастнымъ бѣднякомъ и забивается въ кварталы нищеты. Слѣд. лондонскій павперизмъ, о которомъ уже было говорено на всѣхъ языкахъ, если сравнить съ павперизмомъ другихъ городовъ, о которыхъ нѣтъ такихъ громогласныхъ и точныхъ свѣдѣній, то онъ не представить въ себѣ ничего особенно ужасающаго. Въ другихъ странахъ весь рабочій народъ въ столицахъ живетъ въ свиныхъ клѣвахъ и не знаетъ, что такое чистый воздухъ и хорошая вода, и нерѣдко валомъ валится отъ горячекъ и другихъ болѣзней; быть не совершеннолѣтнихъ ремесленниковъ и мастеровъ

выхъ въ добавокъ еще украшается жестокимъ обращеніемъ хозяевъ; въ нѣкоторыхъ странахъ въ неурожайные годы цѣлыя провинціи ѣдятъ древесную кору и мрутъ отъ голоду, а между тѣмъ все-таки постоянно указываютъ на Англію, какъ источникъ пролетаріата и павперизма. Задѣльная плата рабочимъ здѣсь такъ высока, что они могутъ жить съ комфортомъ и оставлять запасецъ на случай прекращенія работы. Здѣсь поденщики получаютъ по 5 шиллинговъ въ день (1 р. 50 к. с.). Явленіе бродящихъ мальчишекъ и взрослыхъ, чистящихъ ваши сапоги и платье, отворяющихъ окна вашей кареты и т. д. происходитъ изъ того же нежеланія трудиться правильнымъ образомъ. Здѣсь есть пропасть легкаго труда, который предпочитается людьми лѣнивыми. Конечно легкій трудъ и цѣнится недорого, но есть и въ Лондонѣ, и у насъ, такъ называемыя забубенныя головушки, которымъ что въ ротъ, то и спасибо, и вотъ они чистятъ ваши сапоги, держатъ вашу лошадь, отворяютъ окна вашей кареты, ходятъ обвѣшанные съ головы до ногъ вывѣсками магазиновъ и т. д. Точно такого же характера и женщины обыкновенно падаютъ такъ низко, что наконецъ рѣшаются торговать сами собой. Въ Англіи всѣ женщины въ своей дѣятельности и отношеніяхъ къ семейству свободнѣе, чѣмъ гдѣ либо, въ Европѣ; въ семействахъ же простаго

рабочаго народа дѣвушка совершенно располагаетъ собою не рѣдко едва вышедши изъ дѣтскаго возраста, особенно при столкновеніяхъ съ мужчинами на фабрикахъ и другихъ подобныхъ заведеніяхъ, на которыхъ здѣсь находятся цѣлыя сотни тысячъ людей обоего пола. Если не дано ей порядочнаго направленія, то она легко попадаетъ въ число жертвъ разврата и увеличиваетъ собою ихъ число. Дурные родители махаютъ рукой: съ плечъ долой. Такія паденія молоденькихъ дѣвушекъ не менѣе часто дѣлаются и въ другихъ странахъ, гдѣ въ полной силѣ владычествуетъ семейный деспотизмъ и гдѣ женщина трагуется не много выше, чѣмъ самка человѣческой породы. Слѣд. свободу опять-таки винить тутъ не за что. Говорятъ, что англійское право убѣжища даетъ въ Лондонѣ пристанище цѣлымъ сотнямъ тысячъ пришельцовъ изъ разныхъ странъ, пришельцовъ, изъ которыхъ многіе не могутъ похвалиться доброю нравственностію. Все это говорятъ въ упрекъ Англіи; но она гордо и спокойно, въ сознаніи своей правоты, смотритъ на ребячьи выходки континентальныхъ болтуновъ. Эмигранты приносятъ не одну нищету и не одну безнравственность, но нерѣдко и большіе капиталы, и таланты, и не смотря на то, что право убѣжища все таки не дешево обходится Англичанамъ, они стоятъ за него противъ всѣхъ происковъ не только

чужихъ, но и своего правительства. Это одно уже даетъ имъ право гордо держать голову предъ всѣми: Англичанинъ не пойдетъ никуда искать убѣжища, а къ нему приходятъ всѣ, и не только простые подзаконные люди, но даже и такіе, которые ставятъ себя выше законовъ. Сколько изгнанныхъ королей и имъ подобныхъ особъ, въ счастливое время подсмѣивавшихся надъ покровительствомъ Англичанъ всѣмъ выходцамъ, нашли здѣсь свое убѣжище! — Что касается до лондонскихъ бродягъ, то количество ихъ соразмѣрно количеству населенія. Бродяги есть во всѣхъ большихъ городахъ, не смотря на паспорта и на всѣ самыя строгія полицейскія мѣры, даже добросовѣстно исполняемыя; тамъ, гдѣ полиція дѣлится съ мошенниками, и говорить нечего, что бродяги гораздо вреднѣе для общества, чѣмъ въ Лондонѣ, гдѣ полиція самымъ добросовѣстнымъ, зоркимъ и искуснымъ образомъ слѣдитъ за всякимъ бродягой и мошенникомъ. Разрастаніе городовъ ведетъ съ собой очень много самыхъ печальныхъ явленій, въ которыхъ собственно нельзя винить общества; виновать въ нихъ духъ стараго времени, доселѣ сгущающій промышленность въ огромные центры, какъ будто при настоящихъ путяхъ сообщенія необходимо нужно подобное напичкиваніе городовъ жителями, какъ боченковъ сельдями. Легко сказать, въ Лондонѣ около 2,500,000 жителей на пространствѣ

к'нихъ нибудь 50 верстъ въ окружности. Въдь это населеніе равняется населенію многихъ цѣлыхъ государствъ, разбросанныхъ на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ верстъ кругомъ. Папская область имѣетъ не болѣе 2 мил. жителей, Данія не болѣе 2 мил. и т. д. Надобно желать, чтобы многочисленные промышленныя заведенія распространялись на новыхъ, не заселенныхъ мѣстахъ, около желѣзныхъ дорогъ, въ разстояніи по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ отъ большихъ городовъ, и безъ того переполненныхъ жителями.—При такомъ громадномъ народонаселеніи однако едвали какой нибудь городъ можетъ похвалиться такою чистотою, какъ Лондонъ. Туманы и дожди зависаютъ отъ Бога, но что только зависитъ отъ человѣка, все сдѣлано въ пользу жителей для сохраненія ихъ здравія. Вода проведена въ городъ изъ верховьевъ Темзы, пыльные улицы безпрестанно поливаютъ, дворы и улицы вымощены и держатся такъ же чисто, какъ паркетъ; не смотря на то, что нѣкоторыя улицы очень узки, здѣсь нигдѣ не услышите зловонія, какъ въ Парижѣ; для доставленія жителямъ мѣстъ для прогулокъ разбиты среди и близъ самаго города громаднѣйшіе парки, въ одномъ изъ которыхъ (близъ Букингамскаго дворца) цѣлыя озера воды, по которымъ взадъ и впередъ снуютъ лодки катающихся дѣтей и взрослыхъ мужчинъ и

женщинъ. Я уже не говорю о маленькихъ садахъ (скверахъ), разбросанныхъ по всему Лондону. Одинъ изъ парковъ, Гайдъ-паркъ служитъ мѣстомъ катанья всей англійской публики. Какихъ не увидите тутъ экипажей и лошадей, и цѣлыя сотни прекрасныхъ амазонокъ. Риджентсъ-паркъ служитъ мѣстомъ для прогулокъ и зоологическимъ садомъ. Въ немъ лучший звѣринецъ въ цѣломъ мірѣ, основанный лѣтъ 20 тому назадъ частными людьми съ небольшими средствами, постепенно увеличивавшійся и теперь приносящій значительные доходы. Цѣна за входъ 1 шиллингъ. Чего чего-тамъ вы не увидите! какихъ тамъ нѣтъ звѣрей и птицъ! И все это годъ отъ году пополняется и улучшается вновь, не то что иное какое нибудь учрежденіе, выросшее вдругъ по щучьему велѣнію и потомъ гниющее въ одномъ положеніи цѣлые десятки лѣтъ. Какой бы зоологическій паркъ можно было устроить въ нашихъ Сокольникахъ! Но виноваты, прежде надобно бы провести туда желѣзную дорогу; иначе никто на нашихъ скверныхъ и дорогихъ извозчикахъ не поѣдетъ туда смотрѣть даже самыхъ рѣдкихъ звѣрей.

Я не буду описывать всего того, что я видѣлъ, но буду говорить только о томъ, что мнѣ кажется особенно интереснымъ. Въ одинъ прекрасный день, осмотрѣвши съ моимъ добрымъ спутникомъ Націо-

пальную Галерею (въ которую этотъ же самый нашъ землякъ провожалъ художника Иванова, долго любовавшагося здѣсь нѣкоторыми картинами) мы при выходѣ остановились въ раздумѣ, куда направить стопы. Предъ нами въ воздухѣ гордо поднимались двѣ статуи на высокихъ колоннахъ: направо Веллингтона и прямо Нельсона. Замѣчательно, что Англичане не ищутъ цѣльныхъ громадныхъ камней для памятниковъ. Обѣ колонны сложены изъ простаго кирпича и на верху стоятъ фигуры ихъ великихъ людей. Около колонны Нельсона теперь строятъ какой-то утлый памятникъ въ честь Крымской войны: готовы уже и надписи, возвѣщающія нѣчто въ родѣ того, что *Concordia res parvae crescunt*, и въ числѣ барельефныхъ фигуръ я видѣлъ какихъ-то четырехъ солдатъ, должно быть Англичанина, Француза, Сардинца и Турка. Далѣе предъ нами мелькали какіе-то шпицы и башни очень оригинальной архитектуры. Я нѣвольно спросилъ, что это за зданіе? Парламентъ и Вестминстерское аббатство, былъ отвѣтъ. Мы тотчасъ же взяли маленькій кебъ на двухъ колесахъ и отправились прямо туда. Мой спутникъ по дорогѣ указалъ мнѣ старый заброшенный дворецъ Карла I (white Hall), предъ окнами котораго былъ казненъ этотъ король, потомъ зданіе министерствъ и главное казначейство. Все это не громадно и не пышно. Наконецъ мы подъѣхали къ

храму славы и гордости Англіи—къ зданію новаго Парламента, построеннаго на мѣстѣ стараго.

Новый Парламентъ даже по своей внѣшности можетъ назваться славою и гордостію Англіи — величественнѣе этого громаднаго зданія въ готическомъ вкусѣ трудно что нибудь и представить. О томъ, сколько доселѣ стояла его постройка и сколько еще будетъ стоять (потому что оно и теперь еще не окончено) ходятъ баснословные рассказы. Вѣрно одно, что Англичане, вездѣ расчетливые, не жалѣютъ для него никакихъ денегъ и архитекторъ, водвигая памятникъ государства настоящаго вѣка, съ тѣмъ вмѣстѣ воздвигаетъ и себѣ безсмертный памятникъ. Архитектура парламента совершенно одна и таже съ архитектурой Вестминстерскаго аббатства—его ближайшаго сосѣда, одного изъ древнѣйшихъ зданій Лондона. Мы вошли въ самое зданіе и какъ засѣданія Палатъ еще не начинались, то пошли бродить по его безконечнымъ корридорамъ и лѣстницамъ; мимоходомъ осмотрѣли нѣсколько огромныхъ залъ въ верхнемъ этажѣ, назначенныхъ для собраній комитетовъ, состоящихъ изъ членовъ парламента для разсмотрѣнія какаго нибудь вопроса. Около дверей висятъ вывѣски, объ какихъ предметахъ будутъ толковать въ каждомъ комитетѣ. Самыя комитетскія залы меблированы по образцу, какъ я увидѣлъ послѣ, палатскихъ залъ. Проходя мимо

одного комитета, мы видѣли около его дверей адвоката въ его форменной мантии и нѣсколько частныхъ лицъ, что-то жузжащихъ ему въ уши. Мы невольно заглянули въ программу засѣданія и увидѣли, что дѣло идетъ о привиллегіяхъ какой-то компаніи, дѣятели которой и выставили своего бойца отстаивать свои права. Кажется противъ такого способа рѣшенія дѣлъ и у насъ никто не будетъ ратовать. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ корридорахъ висятъ дорогія картины и стоятъ статуи великихъ людей Англіи. Ровно въ 5 часовъ началось засѣданіе Верхней Палаты. Названіе верхней теперь уже не имѣетъ смысла, потому что обѣ палаты находятся въ нижнемъ этажѣ и отдѣлены только одной пустой залой, въ которую вы входите прямо съ подъѣзда. Зала эта уставлена статуями и украшена картинами. Въ корридорахъ, ведущихъ изъ этой залы въ ту и другую палату, стоятъ столики съ закусками и лакомствами. При входѣ въ Парламентъ нѣтъ ни швейцара, ни лакеевъ, которые бы сдерживали съ васъ, или заставляли васъ снимать колоши и пальто. Вы отправляетесь по всѣмъ лѣстницамъ и корридорамъ, ничего не снимая ни съ головы, ни съ плечъ, ни съ ногъ: одни только полисмены нападаютъ вамъ вездѣ довольно часто, въ своихъ синихъ фракахъ и черныхъ лакированныхъ шляпахъ. При входѣ въ Палату Лордовъ мы встрѣтили какого-то

джентльмена, облитого золотыми галунами и съ какимъ-то блестящимъ знакомъ, въ родѣ звѣзды, на груди. Я принялъ его за большаго человѣка, но мой спутникъ шепнулъ мнѣ, что это ни больше, ни меньше, какъ нѣчто въ родѣ нашего швейцара, которому онъ подалъ свою карточку и мой Лордъ преважно понесъ ее къ дѣйствительному Лорду, знакомцу моего спутника. Мы между тѣмъ вошли въ двери Палаты и видѣли, какъ Лордъ въ мантии и парикъ кивнулъ головой въ отвѣтъ на нашу карточку и тогда уже мы смѣло заняли мѣсто около скамей Лордовъ. Описывать самую залу было бы и долго, и по описанію составить ясное объ ней понятіе довольно трудно. Вошли мы въ залу тоже, въ чемъ были, не снимая колошъ; сняли только шляпы. Сами же члены парламента снимаютъ шляпы только при входѣ въ Палату, а потомъ опять надѣваютъ. Этотъ прекрасный обычай, особенно полезенъ и пріятенъ для людей плѣшивыхъ, которые так. обр. ни гдѣ не рискуютъ простудить головы. Англичане кромѣ церквей и судовъ вездѣ ходятъ и сидятъ въ шляпахъ: въ кофейняхъ, въ музеяхъ, въ магазинахъ, въ театрахъ и т. д. Французы подражаютъ имъ сильнѣе, Нѣмцы слабѣе, но все-таки есть движеніе впередъ. Въ Верхней Палатѣ скамьи для Лордовъ наподобіе нашихъ университетскихъ стоятъ съ двухъ боковыхъ сторонъ; одна сторона правительственная,

другая оппозиціонная. Посреди стоитъ столъ, за которымъ сидятъ нѣсколько Лордовъ въ мантияхъ, и парикахъ; передъ ними лежатъ книги законовъ: это въ родѣ нашихъ статсъ-секретарей. Впереди стола сидитъ президентъ, тоже въ мантии и парикѣ. Всѣ остальные члены въ простыхъ сюртукахъ и даже большею частію безъ перчатокъ. На верху залы сдѣланы хоры для стенографовъ, для женъ Лордовъ и для дипломатическаго корпуса. Попасть въ Палату иначе нельзя, какъ имѣя какого нибудь знакомаго члена. При насъ говорилъ первый современный ораторъ и замѣчательнѣйшій по своимъ талантамъ и доблестямъ человекъ, Лордъ Брумъ, прежде бывшій простой адвокатъ. Если бы онъ мнѣ попался гдѣ нибудь на улицѣ или въ кофейной, то я принялъ бы его не болѣе какъ за какого нибудь честнаго, но бѣднаго ремесленника. Лице его правда полно думы, но думы, повидимому, не легкой. Жизнь прожить не поле перейти; а прожить жизнь подобно Лорду Бруму, изъ бѣднаго адвоката сдѣлавшемуся членомъ Верхней Палаты, въ образованнѣйшей странѣ, всякій согласится, было не легко. Ни одно изъ лицъ, бывшихъ въ Палатѣ Лордовъ, такъ не симпатично и такъ не просто, какъ лице Лорда Брума: къ нему кажется всякій ребенокъ смѣло подбѣжить, да и рассказать всѣ свои ребячьи нужды. Этотъ не большого ро-

ста живой старичекъ съ большой головой, съ густыми сѣдыми волосами и такими же нависшими бровями, въ длинномъ сюртукѣ и узенькихъ и коротенькихъ брюкахъ, мнѣ кажется, ни у кого не выйдетъ изъ памяти, кто хоть разъ его видѣлъ. Онъ сидѣлъ на первой скамьѣ около стола; первый всталъ и началъ говорить, опершись одной рукой объ столъ, поговорилъ минутъ 5 и сѣлъ; потомъ вскочилъ и опять началъ говорить, и опять скоро усялся. Такъ какъ онъ говорилъ безъ одушевленья, то словъ его почти было вовсе не слышать. Но его надобно слушать, когда онъ говоритъ по цѣлому часу и съ одушевленіемъ. Тогда голосъ его гремитъ, какъ громъ, не смотря на то, что ему около 80 лѣтъ. Онъ пользуется громадной популярностью въ Англіи, которую онъ исполнилъ и честно заслужилъ, не прибѣгая ни къ какимъ низенькимъ средствамъ въ родѣ Пальмерстона и ему подобныхъ рыцарей. За нимъ говорилъ молодой человекъ лѣтъ 22, какой-то Лордъ Арджиль, не смотря на свои лѣта, уже блестящій ораторъ. Всѣхъ присутствующихъ лордовъ было около 30 человекъ; и въ Англіи вѣдь тоже есть сибариты, которые не очень-то любятъ утруждать свои головы общественными дѣлами. Такіе господа или вовсе не ѣздятъ въ Палату, или пріѣзжаютъ попозже; но за то имъ такая и честь. Объ нихъ отзываются съ прене-

бреженіемъ, а въ странѣ свободной общественнымъ мнѣніемъ не дорожить нельзя всякому, кто хочетъ имѣть какое нибудь значеніе. Постоявши здѣсь, мы отправились въ Нижнюю Палату, въ которой засѣданіе еще не начиналось. Придверница провела насъ туда и я осмотрѣлъ и эту залу, какъ двѣ капли воды похожую на Палату Лордовъ, съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь стоитъ каѳедрa, на которой сидитъ не президентъ, а спикеръ, управляющій ходомъ засѣданій. Ни мой спутникъ, ни я не имѣли ни одного знакомаго въ Палатѣ Общинъ члена и потому быть здѣсь во время ихъ засѣданія не могли. Забылъ сказать, что около той и другой палаты находится нѣсколько комнатъ, въ которыхъ члены могутъ прогуливаться и отдыхать, и множество шкафовъ съ книгами, которыя они могутъ читать. Члены парламента всѣ люди грамотные и не бѣгаютъ книги, какъ чертъ ладону. При выходѣ изъ парламента мы встрѣтили идущаго туда архіепископа лондонскаго, одного изъ богатѣйшихъ лондонскихъ землевладѣльцевъ, въ широкой шляпѣ, длинномъ сюртукѣ и сапогахъ до колѣнъ. Нѣсколько далѣе попался намъ Лордъ Дизраели, подѣзжающій къ парламенту вмѣстѣ съ своей женой.

Не смотря на всѣ доблести Лордовъ, все-таки очень жаль, что почти вся англійская земля, т. е. земельная собственность принадлежитъ имъ. Самый

Лондонъ построенъ на господской землѣ 40 или 50 Лордовъ, которые отдаютъ свою землю подъ строенія, обыкновенно на 80 лѣтъ, говорятъ, впрочемъ за умѣренную цѣну. Но какими благодѣтелями народа они ни будь, а все-таки жить вѣчно на правахъ завоевателей не очень гуманно, а именно такова система англійскихъ майоратовъ. Обобраваши народъ, нужно же кое-что для него и сдѣлать, чтобы заткнуть ему глотку благодѣянiемъ. Вѣдь и откупщики заводятъ школы и пріюты, и строятъ цѣлыя колокольни. Богатому человѣку легко. быть благодѣтелемъ человѣчества.

Изъ парламента мы отправились прямо въ Вестминстерское аббатство, бывшее нѣкогда дѣйствительнымъ монастыремъ, а теперь только носящее его имя. Здѣсь, какъ извѣстно, погребаются великіе люди Англiи, и стоятъ имъ памятники. Самый лучший памятникъ на могилѣ Уильбельфурса, 50 лѣтъ боравшагося въ парламентъ за освобожденіе негровъ. Лице его на памятникѣ совершенно лице праведника, полное добра и страданій за другихъ. Половина церкви отдѣлена легкой перегородкой и въ ней стоятъ скамьи, на которыхъ сидятъ и учатся бѣдные мальчики ближайшихъ мѣстъ. Церковь занята воспитаніемъ и даже въ своихъ нѣдрахъ даетъ имъ помѣщеніе. При выходѣ изъ церкви мы встрѣтили 2 огромныя толпы: одну не здѣшнихъ

школьниковъ, а другую дѣвочекъ, приходившихъ сюда вмѣстѣ съ своими учителями и учительницами осматривать соборъ и изучать исторію своего отечества по находящимся здѣсь памятникамъ. Костюмъ мальчиковъ меня поразилъ: онъ очень похожъ на костюмъ нашихъ архіерейскихъ пѣвчихъ. Мы узнали, что онъ существуетъ въ этой школѣ уже нѣсколько столѣтій въ память ея основателя.

Вышедши отсюда, мы наткнулись на огромную толпу народа, уже расходящуюся по сторонамъ. Мимо насъ проѣхала какая-то закрытая карета. Оказалось, что по рѣшенію суда провезли преступника въ тюрьму и народъ расходился послѣ засѣданія суда. Мы направили стопы къ Букингамскому дворцу, въ которомъ обыкновенно живетъ королева зимой (лѣтомъ она живетъ въ разныхъ мѣстахъ, въ Виндзорѣ, на островѣ Уайтѣ и въ Шотландіи, среди обожающихъ ее подданныхъ). Дворецъ богатѣйшей въ мірѣ королевы болѣе похожъ на домъ частнаго человѣка, чѣмъ на дворецъ, но онъ окруженъ громаднымъ паркомъ и пользуется очень хорошимъ воздухомъ и перспективой. Два какіе-то красные часовые ходятъ около крыльца. Мнѣ хотѣлось кстати посмотреть ужъ и Сентъ-Джемскій дворецъ, существующій цѣлые вѣка. Я долго разсматривалъ его со всѣхъ сторонъ и вблизи и издали, и долженъ повторить слова Петра I, что въ Англіи дворцы

похожи на госпитали, а госпитали на дворцы. Дѣйствительно Сентъ-Джемскій дворецъ очень похожъ на старинный военный госпиталь: низенькій, грязнаго цвѣта, съ маленькими окнами съ зелеными кое-гдѣ шторами, съ разными башенками, на подобіе сушиленъ, своими же толстѣйшими стѣнами, узкими и низкими воротами, онъ похожъ немножко и на острогъ. Между тѣмъ уваженіе къ прошедшему у Англичанъ такъ сильно, что въ его тѣснѣйшихъ зѣлахъ происходятъ всѣ церемоніи выходовъ, пріемовъ и тому подобныхъ торжественныхъ придворныхъ событій. Для этихъ случаевъ королева пріѣзжаетъ сюда нарочно изъ своего Букингамскаго дворца. Кстати нѣсколько словъ о королевѣ. Свою королеву Викторію Англичане уважаютъ не только какъ королеву, но и какъ женщину и мать, могущую служить образцомъ всѣмъ своимъ подданнымъ. Она ведетъ истинно семейную жизнь безъ баловъ и вечеровъ, среди своихъ дѣтей, которыхъ, говорятъ, даже сама учитъ первоначальной грамотѣ, хотя на содержаніе она получаетъ отъ парламента столько денегъ, что можетъ всѣ дворы затмить своимъ блескомъ, еслибы хотѣла. Всегда не говорливые и скупые на похвалы, Англичане объ ней говорятъ съ восторгомъ; даже иностранцы здѣсь живущіе о королевѣ говорятъ также съ восторгомъ. Народъ совершенно свободный, кажется, нельзя заподозрить въ рабской лести.

На такую свободную и сознательную любовь конечно королева может полагаться вѣрнѣе, чѣмъ Неаполитанскій король или Римскій первосвященникъ на свои вѣрныя арміи. Королева не можетъ призывать войскъ въ Лондонъ безъ разрѣшенія парламента; да и за чѣмъ они ей? Ежедневныя смотры и парады ни кого не забавляютъ въ Англіи; военному же дѣлу армію учатъ въ лагеряхъ. Дѣло другое, смотрѣть войскъ въ виду какихъ нибудь политическихъ событій, грозящихъ войной. Тогда вся Англія, какъ одинъ человѣкъ, свободно поднимается на ноги и не только идетъ смотрѣть свои войска, но и добровольно становится въ ихъ ряды. Такое напр. зрѣлище представляли англійскіе волонтеры.

Отъ Сентъ-Джемскаго дворца вверхъ къ Риджентс-Стритъ идетъ улица клубовъ, въ которой находятся лучшіе клубы въ городѣ: морской, армейской и т. д. Эти клубы, новѣйшей архитектуры, составляютъ красивѣйшія зданія въ Лондонѣ. Въ сравненіи съ ними Сентъ-Джемскій дворецъ настоящій острогъ. Клубовъ здѣсь очень много для всѣхъ классовъ народа и для всѣхъ политическихъ убѣжденій. Есть клубы даже для разныхъ народностей: Поляки имѣютъ свои клубы, Нѣмцы свои, Итальянцы свои. Въ нѣкоторыхъ клубахъ здѣсь говорятъ рѣчи, читаютъ лекціи и т. д. Всѣ министры бываютъ въ клубахъ своихъ партій, гдѣ узнаютъ желан-

нія своихъ друзей и высказываютъ свои. Клубы здѣсь нѣсколько похожи на наши, только по своей формѣ; по своему же содержанію не имѣютъ ни малѣйшаго сходства. Членами клуба могутъ быть всѣ, желающіе и могущіе заплатить извѣстную сумму за входъ за извѣстное время точно такъ же, какъ и у насъ. Въ богатыхъ клубахъ плата эта около 140 р. с. за годъ; въ клубахъ для средняго класса народа около 30 р. с. Главное времяпровожденіе въ клубахъ состоитъ въ чтеніи газетъ и книгъ. Каждый клубъ имѣетъ свою библіотеку и выписываетъ множество всевозможныхъ газетъ. Я былъ въ одномъ клубѣ, гдѣ бывають Русскіе, для которыхъ выписываются Моск. и Петерб. Вѣдомости, приплывающія сюда обыкновенно не ранѣе двухъ недѣль послѣ своего выхода. Клубъ, въ которомъ я былъ, принадлежитъ къ разряду среднихъ, но удобствъ въ немъ для посѣтителей болѣе и желать нельзя. Одна великолѣпная зала съ колоннами и мраморными столами, заваленными всевозможными газетами и наполненная всевозможною мебелью для посѣтителей, невольно тянетъ къ себѣ въ гости. Даже наши чисто русскіе купцы, обыкновенно равнодушные ко всему кромѣ своихъ кармановъ и не любящіе чтенія, здѣсь скоро дѣлаются самыми яростными читателями, политиками и посѣтителями клубовъ. Нигдѣ такъ скоро не привыкають наши соотече-

ственники къ новымъ порядкамъ, какъ въ Англіи, и нигдѣ такъ скоро не пристращаются къ нимъ, какъ здѣсь. Вѣрно свобода имѣетъ свое чарующее дѣйствіе на людей всякаго развитія. Какъ только встаетъ отъ сна всякій здѣшній житель, изъ какой бы страны онъ ни происходилъ, спѣшитъ прочитывать газету, кто побогаче въ кофейной—побѣднѣе въ кабачкѣ, public house, гдѣ можно напиться кофе, пива или джину и закусить. Въ клубахъ обыкновенно бывають по вечерамъ, или не ранѣе обѣда. Нашей картежной игры здѣсь, говорятъ, не существуетъ; у богатыхъ людей здѣсь есть другой родъ азарта поколоссальнѣе нашего—это страсть держать пари, и на какой нибудь пустѣйшій предметъ идутъ десятки тысячъ фунтовъ стерлинговъ; самые знаменитые наши картежники и значительнѣйшіе клубные куши по 1 р. с. въ пикетъ или въ преферансъ здѣсь спрятались бы въ кусты, какъ зайцы: здѣсь десятки тысячъ фунтовъ, пущенные на какаго нибудь скакуна, выигрываются и проигрываются совершенно равнодушно. Въ здѣшнихъ клубахъ, да и вообще въ Лондонѣ никого не удививши своимъ богатствомъ; здѣсь центръ богатствъ цѣлаго міра и то, что у насъ считается громаднымъ, здѣсь не обратитъ на себя ничьего вниманія. Отъ того, говорилъ мнѣ мой землякъ, наши русскіе путешественники и не любятъ Лондона, что на ихъ

тщеславное мотовство никто не обращает вниманія, не такъ какъ въ Парижѣ, гдѣ объ немъ будутъ кричать во всѣхъ кофейняхъ и газетахъ. Но за то здѣсь ничто новое не ускользаетъ отъ вниманія народа, особенно новое по части наукъ, искусствъ, художествъ и промышленности. Объявите какое угодно представленіе или какую бы то ни было лекцію, посѣтители явятся: изъ самаго шарлатанства они умѣютъ извлекать пользу. При мнѣ здѣсь одинъ Русскій давалъ концертъ изъ русскихъ пѣсенъ и слушателей были тысячи. Явись давать концертъ Китаецъ и къ тому соберутся тысячи. Любознательность Англичанъ можетъ сравниться только съ любознательностью ихъ единокровныхъ Сѣвероамериканцевъ. Не смотря на свой холодный видъ, эти народы по преимуществу полны жизненнаго огня, ни чѣмъ неудовлетворяющагося и безпрестанно требующаго новой себѣ пищи. Кромѣ клубовъ въ Лондонѣ бездна кофейнъ и кабаковъ. Въ первыхъ собираются пообѣдать, напиться кофе и почитать люди достаточные; во вторыхъ для той же цѣли люди бѣдные. Не думайте впрочемъ, чтобы кабаки были похожи на наши, нѣтъ, это скорѣе наши трактиры. Конечно, здѣсь какъ и въ нашихъ трактирахъ можно напиться пьянымъ, и дѣйствительно любители этого рода наслажденій и напиваются, но въ здѣшніе кабаки (public houses) ходятъ большею

частью весьма порядочные люди, потому что здѣсь все дешевле, чѣмъ въ кофейняхъ. Надъ однимъ кабачкомъ вблизи Тоуэра красуется и до сихъ поръ голова Петра I, который будто бы заходилъ сюда выпить и закусить, и самый кабачокъ носитъ названіе царской головы (czar's head). Для простаго народа сверхъ того есть мѣста для вечернихъ собраний, гдѣ можно послушать музыку, пѣніе, потанцевать за очень умѣренную плату. Одно изъ такихъ заведеній въ родѣ парижскаго Мабья, только не на открытомъ воздухѣ, а въ прекрасномъ зданіи, было стѣна объ стѣну съ моей квартирой, и я, сидя дома, ежедневно слышалъ бальную музыку; наконецъ сходилъ посмотрѣть и самый балъ: это такъ называемые Argyle's rooms. Плата за входъ 1 шиллингъ. Танцевальная зала не меньше залы Московскаго благороднаго собранія, съ хорами и широкимъ балкономъ внутри залы; за входъ на хоры и на балконъ прибавляется еще $\frac{1}{2}$ шиллинга, но за то отсюда очень удобно наблюдать все движеніе въ залѣ. Огромный оркестръ помѣщается на другомъ балконѣ, противоположномъ первому. Крыша надъ залой стеклянная; колонны и стѣны выложены мраморомъ; все это при яркомъ газовомъ освѣщеніи представляетъ ослѣпительный видъ. Распоряжаются танцами какіе-то люди со звѣздами на груди въ отличіе отъ другихъ; въ послѣдствіи я узналъ, что

эти господа со звѣздами суть ни больше ни меньше, какъ лакеи этого заведенія. Между дамами я видѣлъ довольно хорошенькихъ лицъ въ очень богатыхъ костюмахъ, но одѣтыхъ съ удивительнымъ безвкусіемъ. Отношенія мужчинъ и женщинъ крайне приличны, хотя здѣсь, какъ я слышалъ, не бываетъ ни одна порядочная женщина. Вольныхъ тѣлодвиженій, какія можно видѣть въ парижскомъ Мабилѣ, я здѣсь ни одного не видалъ. Но за то на стѣнѣ прочиталъ очень оригинальное объявленіе отъ директоровъ этого заведенія, что двѣ недѣли тому назадъ какіе-то злонамѣренные люди насыпали въ танцевальной залѣ на полу перцу; если будутъ открыты виновники этого поступка, то они подвергаются штрафу въ 5 ф. стерлинговъ и не будутъ имѣть куда входа. Англичане за всякіе проступки бьютъ по самому чувствительному мѣсту—по карману: наказаніе ощутительно и для виновнаго, и полезно для общественной казны. Но по моему понятію, за такую гнусную выходку, которой я ни какъ не ожидалъ въ Англіи, славящейся своимъ уваженіемъ къ женщинамъ, слѣдовало бы угостить тюремнымъ заключеніемъ. На станціяхъ желѣзныхъ дорогъ я читалъ объявленія, что такой-то Джонъ за то, что въ пьяномъ видѣ беспокоилъ пассажировъ, или такой-то Томъ за то, что хотѣлъ выскочить изъ вагона, прежде чѣмъ остановился поѣздъ и т. д., были пред-

ставлены къ суду и тоже оштрафованы отъ 5 до 10 фун. стерлинговъ. Между тѣмъ ихъ проступки не такъ злокачественны, какъ посыпаніе пола танцевальной залы перцемъ.

Мнѣ было чрезвычайно любопытно сравнить англійскіе суды съ французскими и вотъ мы отправились въ Сити, въ ратушу (Guildhall). Здѣсь мы видѣли нѣсколько пустыхъ палатъ, назначенныхъ для правосудія. Комнаты эти очень не велики и немного въ нихъ мѣстъ для публики. Въ одной только мы застали производство суда: зала была полна народомъ. Судъ производилъ одинъ изъ альдерменовъ (помощниковъ лорда мера, или по нашему городскаго головы). Преступленіе полицейское—воровство; за неимѣніемъ мѣста публика стояла на ногахъ; мы постояли не много и отправились далѣе осматривать ратушу. Выходя, мы замѣтили на стѣнѣ у входа огромную таблицу, на которой написаны всѣ судебныя издержки. Очень бы хорошо было, если бы и въ нашихъ судахъ выставлена была таблица, съ обозначеніемъ судебныхъ издержекъ на прим. за написаніе прошенія, за справку о ходѣ дѣла и т. д.; тогда бы издержки не имѣли характера взятокъ. Въ главной залѣ ратуши, въ которой былъ торжественный приѣмъ отъ города Людовику Наполеону, меня поразили, кромѣ ея древней архитектуры, двѣ статуи какихъ-то уродливыхъ вооруженныхъ ры-

парей. Мой спутникъ объяснилъ мнѣ, что эти статуи стоятъ здѣсь цѣлые вѣка и суть не что иное, какъ герои народной фантазіи въ родѣ нашихъ Ильи Муромца, или Алеши Поповича. Въ другомъ царствѣ давно бы ихъ приказали сломать, какъ не соответствующія своему назначенію и безобразящія залу. Заходили мы и въ ту знаменитую залу, гдѣ новымъ лордомъ-меромъ даются обѣды всѣмъ бывшимъ его предшественникамъ, которые конечно остаются еще въ живыхъ. Зала, кромѣ своей древности и нѣсколькихъ хорошихъ картинъ на стѣнахъ, въ числѣ коихъ множество портретовъ лордовъ-меровъ, ничего особеннаго не представляетъ: ни громадности, ни роскоши, напротивъ биткомъ набита самыми простыми кожаными креслами. Очень хорошія картины висятъ на стѣнахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ залахъ, гдѣ производится правосудіе. Искусство здѣсь не заключено въ особенные недоступныя гаремы, а тѣсно соединяется съ обыденною жизнію. Обѣдъ лордъ-мера, какъ я слышалъ, обходится ему очень не дешево, говорятъ до 20,000 р. с. Изъ этого можно вывести безошибочное заключеніе, какіе же тузы выбираются въ лордъ-меры? Правда, для честолюбиваго человѣка за то и должность-то представляетъ много заманчивости. Лордъ-меръ ничего не имѣетъ схожаго съ другими представителями городскихъ обществъ во всѣхъ другихъ го-

сударствахъ: это своего рода король въ городѣ—Сити; у него своя полиція и свои суды; у него даже ключи отъ городскихъ воротъ, въ которые сама королева не можетъ безъ него проѣхать, конечно только какъ королева. Какъ частное лицо, она можетъ ѣздить, когда ей вздумается, но когда она ѣдетъ какъ королева, то лордъ-меръ въ своей красной мантии и въ парикѣ встрѣчаетъ ее съ ключами на подносі. Конечно во всей этой церемоніи въ настоящее время есть много смѣшнаго, кукольнаго; но зато всѣ эти обычаи старины составляютъ живую англійскую исторію. Въ Лондонѣ на каждомъ шагу историческіе памятники: мнѣ указывали множество частныхъ домовъ, которымъ по 400 и 500 лѣтъ отъ роду, и никто не думаетъ ихъ ломать и перестраивать: такъ велико уваженіе къ прошедшему. Но надобно имѣть хорошаго путеводителя, чтобы ихъ найти. Многіе изъ огромныхъ памятниковъ такъ застроены, что ихъ совсѣмъ не видать; такъ напр. церковь ордена Тамплиеровъ, очутившаяся на дворѣ какого-то безконечнаго зданія. —Удалось мнѣ видѣть и самого нынѣшняго Лорда-мера, производящаго судъ въ другомъ зданіи, назначенномъ для этой же цѣли (Mansionhouse). Процессъ производился тяжёбный, незначительный; допрашивалъ подсудимаго адвокатъ въ обыкновенномъ сюртукѣ, а лордъ-меръ, сидя на своей каедрѣ, подписывалъ какія-

то бумаги и только изрѣдка вбрасывалъ въ допросъ кое-какіе свои вопросы. На немъ была тоже обыкновенная одежда, но съ шитымъ золотомъ воротникомъ. Нынѣшній Лордъ-меръ человѣкъ лѣтъ 55, но съ свѣжимъ румянымъ лицомъ, какъ всѣ англійскіе старики, умѣющіе благодаря своему воздержному образу жизни и гимнастическимъ упражненіямъ, доживать до глубокой старости въ добромъ здоровьѣ. Публики въ судѣ было немного и большая часть стояла по неимѣнію мѣстъ. Внѣшнее отличіе англійскихъ судовъ отъ французскихъ въ томъ, что допрашиваемый здѣсь отвѣчаетъ съ повышеннаго мѣста въ родѣ кафедры, тогда какъ во французскихъ, стоя посрединѣ комнаты. Внутреннее же отличіе въ томъ, что въ уголовномъ процессѣ допрашивается не обвиняемый, а свидѣтели за и противъ него и допрашиваются не судьею, а адвокатами обѣихъ сторонъ. Судья же дѣлаетъ общій выводъ. Конечно, въ англійскомъ судѣ обвиняемому предоставлено гораздо болѣе средствъ оправдаться, и смотрятъ на него гораздо гуманнѣе, чѣмъ во французскомъ.

Отсюда отправились мы посмотрѣть Банкъ, въ которомъ лопатками пересыпается золото всѣхъ странъ міра, и Биржу, въ которую проведены электрическія проволоки тоже изъ цѣлаго міра. Въ биржевой залѣ каждый имѣетъ свой столикъ и

свое мѣсто, за которое платится около 2 ф. въ годъ. Тутъ засѣдаютъ представители извѣстныхъ домовъ, читаютъ депеши, письма и отвѣчаютъ на нихъ, за ключаютъ разныя торговыя дѣла, а между дѣломъ почитываютъ и газеты. Какихъ, какихъ тутъ нѣтъ фizioномій: и молодыхъ и старыхъ, веселыхъ и мрачныхъ, говорящихъ всѣми языками и исповѣдающихъ всѣ вѣры! Но когда все это смирно сидитъ по мѣстамъ занятое своими соображеніями, то эту своего рода законодательную палату цѣлаго міра легко принять за какую нибудь школу; такой скромный характеръ имѣетъ все содержаніе, а между тѣмъ бѣднѣйшій школьникъ ворочаетъ милліонами. Около 3 часовъ по разнымъ свѣдѣніямъ опредѣляются биржевыя цѣны на все, и все народонаселеніе биржевой залы выползаетъ на дворъ на гладко вымощенную площадку, гдѣ, по словамъ моего спутника, жужжитъ, какъ пчелиный рой, передавая, другъ другу разныя свѣдѣнія и требованія. Вѣрно на чистомъ воздухѣ свободнѣе толковать, чѣмъ въ залѣ. Если Англичане толкуются на своемъ прекрасномъ биржевомъ дворѣ, то нашимъ Армянамъ и московскимъ купцамъ простить можно, что они толкуются на Ильинкѣ, не смотря ни на грязь, ни на снѣгъ противъ биржи и въ нее вовсе не заглядываютъ. Въ Рыбинскѣ одинъ городничій вздумалъ было ихъ замануть въ биржевой залъ, высылая будочниковъ местн

улицу и поднимать страшную пыль, но это оказалось бесполезнымъ. Зданіе лондонской Биржи и громадиѣ и великолѣпнѣе даже Парижской. Въ немъ есть кабинеты для чтенія и рестораны, о другихъ удобствахъ болѣе матеріальныхъ и говорить нечего: Англичане любятъ во всемъ комфортъ. Не знаю, есть ли все это при нашихъ биржахъ. На биржу можно являться и незначительному человѣку и, постоянно являясь за однимъ столомъ, можно свести знакомства и пріобрѣсти кредитъ; если промышленникъ не аккуратно является на своемъ мѣстѣ за своимъ столикомъ, онъ никогда не можетъ имѣть большаго кредита. Но аккуратно, точною и добросовѣстностію при знаніи своего дѣла на биржѣ очень легко составить себѣ хорошую репутацію и пріобрѣсти большой кредитъ. Здѣсь вообще кредитъ громаднѣй; надобно только показать себя его достойнымъ и умѣть его поддержать. Въ такомъ случаѣ здѣсь не страшно и несчастье; всякаго банкрота, умнаго, дѣятельнаго и добросовѣстнаго, обанкротившагося по одному только несчастному стеченію обстоятельствъ, здѣсь поддержать и вытянуть на своихъ плечахъ опять на прежнюю ступень: будь только честенъ и дѣятеленъ. Такъ ли это дѣло идетъ у насъ, это знаютъ очень хорошо всѣ промышленники. Мы думаемъ, что не такъ, — у насъ столько намѣренныхъ бан-

кротость, съ которыхъ ничего нельзя получить и которыхъ бесполезно преслѣдовать даже судомъ, что не можетъ быть уже по одному этому такого кредита, какъ въ Англіи, гдѣ по купеческимъ книгамъ можно всякаго учестъ и гдѣ отъ гласнаго суда присяжныхъ и газетъ не скроется ни одно мошенничество.

Послѣ такихъ громадныхъ промышленныхъ заведеній я заглянулъ и въ самыя скромныя—въ аптеки. Меня также очень интересовало сравненіе ихъ съ нѣмецкими. Объ нѣмецкихъ я уже говорилъ, что онѣ существуютъ на правахъ монополій, но не съ такою высокою таксою, какъ у насъ и не съ такою исключительностью монополіи. Здѣсь имъ есть все-таки конкуренты продавцы москательныхъ товаровъ. Въ москательныхъ лавкахъ въ Берлинѣ я смотрѣлъ каталогъ лѣкарственныхъ веществъ, которыя дозволяется въ нихъ продавать въ несмѣшанномъ и не очень дробномъ количествѣ. По этому каталогу изъ здѣшнихъ москательныхъ лавокъ можно получать все, исключая сильно-дѣйствующихъ веществъ, которыя отпускаются только для извѣстныхъ ремеслъ съ извѣстными, какъ и у насъ, предосторожностями; но у насъ изъ москательной лавки нельзя даже купить англійской соли или сѣрнаго цвѣта: аптекари орлиными глазами смотрятъ за своими конкуррентами; но нужда въ деше-

выхъ лѣкарствахъ такъ велика, что наши москательщики, не смотря на штрафы, продаютъ тайно не только безвредныя вещества, но и сусему и мышьякъ, которыя можно найти у всякой деревенской повитухи или знахарки. Сверхъ конкуренціи москательныхъ лавокъ, въ Пруссіи напимѣръ, есть еще особенная такса для бѣдныхъ, по которой аптекарь обязанъ отпускать лѣкарства, какъ скоро врачомъ надписано: для бѣднаго. Положимъ, что эта такса противна здравому смыслу. Безъ пользы, или въ убытокъ торговать никого заставить нельзя, особенно въ странѣ свободной, слѣд. продавая для бѣднаго лѣкарство дешевле, аптекарь продаетъ его съ необиднымъ для себя процентомъ пользы и необременительнымъ для бѣднаго. Если это такъ, то чѣмъ же виноватъ богатый, что съ него дерутъ вдвое дороже? Съ какой стати ему служить очистительнымъ козломъ за бѣдныхъ въ пользу аптекаря? И такъ двойная такса есть бессмысліе. Впрочемъ и сама аптекарская монополія не выдерживаетъ никакой критики. Но такъ ли, сякъ ли, а лѣкарства въ Германіи, не смотря на аптекарскую монополію, все-таки гораздо дешевле нашихъ. У насъ добродѣтельныя аптеки для нищихъ правда отпускаютъ нѣкоторыя нищенскія лѣкарства, какъ напр. нашатырь, сезитру, или милотный пластырь совершенно даромъ, но за то вознаграждаютъ себя

съ лихвой по докторскимъ рецептамъ, не кладутъ на руку охулки и въ ручной продажѣ. Въ Германіи— строгій правительственный надзоръ за аптеками; кромѣ ежегодной ревизіи врачей ихъ ревизуютъ особенныя комиссіи; и сверхъ всего этого налетаютъ еще внезапныя ревизіи на подобіе нашихъ повѣренныхъ, ревизующихъ кабаки и употребляющихъ такъ называемые подсылы. Не смотря на всю эту тягость контроля, аптекари обѣими руками держатся за таксу и за орла на аптекѣ, не для корысти, но изъ любви къ человѣчеству. Говорятъ, если уничтожить монополию и таксу, то будутъ продаваться по дешевой цѣнѣ дрянныя лѣкарства не добросовѣстными аптекарями, лишь бы подорвать своего ближняго. Это же самое доброжелательство къ аптечнымъ потребителямъ приходилось, я думаю, всякому слышать и отъ нашихъ аптекарей. Пріѣхавши въ Парижъ, спѣшу въ аптеку кое-чего купить и прошу показать таксу. На меня смотрятъ съ недоумѣніемъ, я объясняю свою просьбу и получаю въ отвѣтъ: «у насъ нѣтъ ни какой таксы; мы бы желали ее имѣть, но намъ ее не даютъ, съ таксой мы были бы самые счастливые люди, а теперь должны стараться на перебой заслужить довѣріе публики и пріучить къ себѣ покупателей, продавая лучший товаръ такъ дешево, какъ только можно продавать, именно: мы получаемъ иногда менѣе 10 процентовъ.»

Разговорясь далѣе, я узналъ, что ревизія аптекъ бываетъ самая поверхностная и то въ 5 лѣтъ одинъ разъ. Заводить аптеку можетъ только человѣкъ, имѣющій ученую фармацевтическую степень. Такъ образъ здѣсь уже сдѣланъ шагъ впередъ въ аптечной промышленности, приближающій ее къ свободѣ торговли, которую вполне я увидѣлъ въ Лондонѣ. Здѣсь можетъ заводить аптеку всякій, кто желаетъ, хоть не имѣя ни малѣйшаго понятія даже объ аптекарскомъ вѣсѣ; точно такъ же и медицинской практикой можетъ заниматься всякій, кто хочетъ, даже не имѣя нисколько понятія о медицинѣ. Ревизія аптекъ комиссiею аптекарей и лекарей бываетъ самая поверхностная, одинъ разъ въ пять лѣтъ. Вы въ ужасѣ спросите, что же обезпечиваетъ народное здоровье? Невѣжа аптекарь и лѣкарь можетъ отравить по невѣжеству и сверхъ того аптекарь безъ врачебнаго надзора можетъ продавать ядовитыя вещества, не говоря уже о недоброкачественности всѣхъ вообще лѣкарствъ? Успокойтесь: здѣсь всѣхъ злоупотребленій бываетъ меньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, хотя аптеки подлежатъ однимъ только общимъ законамъ благоустройства и благочинія, и не имѣютъ никакихъ особенныхъ надзирателей и опекуновъ. Когда я пришелъ въ аптеку и попросилъ доверова порошка, то мнѣ отказали и не прежде отпустили, когда узнали, что я знаю толкъ въ лѣкарствахъ. Аптекарь здѣсь

состоить подъ надзоромъ неподкупнымъ и гораздо строжайшимъ, чѣмъ гдѣ либо—подъ надзоромъ общественнаго мнѣнія и свободной печати; по этому ни ядовитыхъ веществъ, ни дрянныхъ лѣкарствъ отпустить не захочетъ, хотя и можетъ: за первыя его предадутъ суду, а здѣшній судъ ни обмануть, ни подкупить нельзя, а за отпускъ дрянныхъ лѣкарствъ онъ лишится покупателей и долженъ будетъ закрыть аптеку. Я спросилъ, сколько всѣхъ аптекъ въ Лондонѣ и мнѣ въ адресъ-календарѣ показали 6 столбцевъ мелкой печати съ наименованіемъ аптекъ: между ними есть такія, въ которыхъ всего товару на какія нибудь 20 ф. стерлинговъ. Кромѣ дешевизны лѣкарствъ для бѣднаго народа здѣсь еще то удобство, что нѣкоторые врачи лѣчатъ своими лѣкарствами, которыя они покупаютъ въ массѣ и слѣд. дешево. Врачей здѣсь два рода: physicians и surgeons. Первые тоже что наши врачи, знающіе всю медицину; вторые въ родѣ нашихъ лѣкарскихъ помощниковъ, понабравшіеся медицинской мудрости въ госпитальной практикѣ. Первые не имѣютъ права лѣчить своими лѣкарствами, но только прописываютъ рецепты; вторые же лѣчатъ своими лѣкарствами. Первые за визитъ берутъ смотря по отдаленности мѣста жительства больного и по своей знаменитости отъ 5 до 20 шил. (6 р. с.), вторые отъ 3 до 5 ш. Небогатые люди предпочи-

тають послѣднихъ, между которыми есть очень хорошіе врачи; и во всякомъ случаѣ дурному врачу труднѣе скрыться тамъ, гдѣ полная гласность и самое образованное народонаселеніе, какъ въ Лондонѣ. Въ Парижѣ хорошій врачъ беретъ 5 франковъ за визитъ и самый знаменитый 20 франковъ; въ Германіи 1 талеръ считается отличной платой за визитъ и только знаменитостямъ платятъ по 2 и по 3 талера. Въ нашей же матушкѣ Россіи двѣ крайности—въ провинціи большею частію платятъ изъ рукъ вонъ дурно, въ столицахъ же изъ рукъ вонъ роскошно. Въ первыхъ врачамъ практикой жить нельзя, во вторыхъ больнымъ лѣчиться нельзя: всякій мальчуганъ, только что слѣзшій со школьной скамьи, хвастаетъ, что онъ получаетъ не менѣе 3 р. с. за визитъ; а къ врачамъ мало-мальски извѣстнымъ съ платой меньшей 3 р. с. и не-суйся. Правда и то, что у насъ жизнь дороже, чѣмъ въ Лондонѣ.

Въ заключеніе о Лондонѣ расскажу свою поѣздку въ Хрустальный дворецъ, это чудо свѣта, могшее родиться только на англійской почвѣ. Онъ былъ выстроенъ сначала внутри Лондона въ Гайдъ-паркѣ, но по окончаніи всемірной выставки частная компанія купила и перевезла его за 20 верстъ отъ Лондона, и построила его на великолѣпномъ мѣстоположеніи, съ котораго въ ясную погоду откры-

ваются виды до самого Лондона. Тотчасъ же явилась къ нему желѣзная дорога. Въ отвратительную дождливую погоду я тронулся въ путь въ Хрустальный дворецъ; отъ моей квартиры (Neumarket, Panton Square) до станціи желѣзной дороги по крайней мѣрѣ верстѣ 5. При въѣздѣ на одинъ мостъ чрезъ Темзу насъ остановилъ сборщикъ мостовой подати и взялъ съ насъ 2 пенса. Здѣсь многіе громаднѣйшіе мосты и парки устроены частными людьми за право сбора на опредѣленное время маленькой пошлины съ проѣзжающихъ и проходящихъ. Кто не хочетъ платить, тотъ можетъ ѣхать на казенный мостъ, или мимо парка. Недавно герцогъ Саксенъ-Веймарскій не хотѣлъ заплатить этого сбора въ одномъ паркѣ и былъ позванъ въ полицейскій судъ, который приговорилъ его заплатить слѣдующую подать 3 пенса (около 8 к. с.) и два шиллинга за судебныя издержки. Здѣсь передъ закономъ всѣ равны. Самъ Принцъ Альбертъ, рассказываютъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въѣзжалъ на одинъ изъ мостовъ и когда къ нему подошли за пошлиной, онъ сунулъ руку за деньгами, но денегъ не оказалось и онъ долженъ былъ воротиться назадъ и ѣхать чрезъ казенный мостъ. Право собирать эти пошлины, когда я объ немъ рассказывалъ нашимъ соотечественникамъ, возмущало ужасно, какъ вы думаете—кого? одного богатѣйшаго купца, который не могъ понять,

что государство не может и не должно удовлетворять его прихотей и строить для него даромъ излишнихъ мостовъ и парковъ. Наше купечество привыкло пользоваться всемъ казеннымъ за свои ничтожныя гильдейскія повинности, а какъ казна при незначительномъ государственномъ доходѣ удовлетворять всѣхъ народныхъ нуждъ не можетъ, а богатые люди своихъ капиталовъ по образцу англійскихъ капиталистовъ на нихъ употреблять не хотятъ; то и выходитъ то печальное явленіе, что у насъ нѣтъ ни хорошихъ дорогъ, ни мостовъ, ни общественныхъ экипажей, ни квартиръ для бѣднаго класса, ни банковъ, ни больницъ, ни школъ и т. д. Безъ частной инициативы въ народѣ не возможно никакое его преуспѣяніе, ни научное, ни промышленное. Но я немножко уклонился въ сторону. Поѣзды въ Хрустальный дворецъ отправляются съ 12 часовъ дня каждый часъ. Цѣна необыкновенно дешевая: взадъ и впередъ мѣсто 2 класса стоитъ $2\frac{1}{2}$ шил. (75 к. с.). При этомъ замѣтите, что въ иномъ мѣстѣ тоже цѣна до станціи недорого, но отъ станціи до мѣста извозники дерутъ втрое дороже, чѣмъ на желѣзной дорогѣ, потому что желѣзной дороги не доводятъ до города версты двѣ или три. Здѣсь же по желѣзной дорогѣ вы въѣзжаете чуть не въ самый Хрустальный дворецъ и назадъ въ самый центръ Лондона. Только что мы

по крышамъ разныхъ зданій выѣхали изъ Лондона и поѣхали его мрачными предметъями, биткомъ набитыми разными закоптѣлыми домиками и фабриками безъ клочка зелени, изъ-за облаковъ улыбнулось намъ солнце и мы скоро увидѣли что-то блистающее вдали. Подъѣзжая ближе, мы разглядѣли громаду хрустала, играющаго солнечными лучами. Что я увидѣлъ внутри этого дивнаго сказочнаго чертога промышленности, того я и представить не могъ и тѣмъ менѣе могу описать. Никакое описаніе не дастъ объ немъ надлежащаго понятія: надобно видѣть это осьмое чудо, и лучше его уже ничего подобнаго въ цѣломъ мірѣ видѣть нельзя.

Я входилъ въ Хрустальный дворецъ чрезъ садъ, еще не слишкомъ разросшійся, но прекрасно устроенный въ національномъ вкусѣ, съ великолѣпнѣйшими въ мірѣ фонтанами въ цвѣтникахъ, предъ главнымъ фасадомъ дворца. Нѣсколько террасъ, охраняемыхъ огромными сфинксами, лежащими на пескѣ между клумбами цвѣтовъ и пышной зелени, ведутъ во дворецъ. Первое впечатлѣніе при входѣ въ это фантастическое зданіе такъ поразительно, что его передать трудно. Я нѣсколько минутъ не могъ придти въ себя отъ изумленія; меня встрѣтили звуки огромнѣйшаго органа, со всѣхъ сторонъ я былъ окруженъ деревьями южныхъ странъ, дикими разныхъ племенъ: тутъ были и чернокожіе и краснокожіе,

какъ будто живыми перенесенные сюда, — такъ натурально представлены нѣкоторыя сцены изъ ихъ жизни съ ихъ тиграми, оружіемъ, верблюдами, лужайками, камнями, водою и всѣми подробностями родной ихъ природы; потомя множество чучель птицъ и животныхъ, въ особенности обезьянъ, разбѣяны между рѣдкими тропическими растеніями. Въ срединѣ этого вѣчнаго сада, широкій бассейнъ въ уровень съ окружающимъ его дерномъ; тамъ собраны пышныя водяныя растенія: бѣлыя и розовыя лиліи и другія подобныя имъ любимицы флоры, окруженныя широкими листьями покоились въ полномъ блескѣ своей красоты на прозрачной водѣ, черезъ которую видна была каждая раковинка, каждая самая маленькая рыбка. — За бассейномъ начинается длинная аллея поперекъ всего зданія, въ этой зелени ряды статуй, собраніе произведеній великихъ художниковъ, вывезенныхъ изъ Рима, Флоренціи, Парижа и Германіи; изъ новѣйшихъ удивительно хороша статуя Полета. Сонъ. Гравюра въ живописномъ обозрѣніи не даетъ и понятія о томъ, что есть на самомъ дѣлѣ. Считаю лишнимъ исчислять и описывать все это богатѣйшее собраніе, но всегда какъ-то невольно скажешь что нибудь о личномъ своемъ впечатлѣніи при видѣ чуднаго творчества души и рукъ человѣческихъ. Пробывши полдня въ Хруст. дворцѣ, я припимался нѣсколько разъ разсматривать эти сокровища, давая

на время отдыхать глазамъ и чувствамъ. Картины занимаютъ галлерею на верху, но ихъ не слишкомъ много и особенно замѣчательныхъ нѣтъ; семь или восемь не большихъ картинъ Итальянской школы—произведенія Рафаэля и другихъ знаменитостей находятся въ низу, въ тѣхъ отдѣленіяхъ, которыя составляютъ музеи, и гдѣ собраны образцы всѣхъ архитектурныхъ стилей въ большихъ размѣрахъ. Все описанное мною помѣщается въ центрѣ зданія; внизу, кругомъ же внизу и вверху на воздушныхъ галлереяхъ расположены магазины со всѣми произведеніями богатѣйшей въ мірѣ англійской промышленности, кофейны, амфитеатры изъ скамеекъ и стульевъ для посѣтителей, предъ которыми даются ежедневные концерты, а иногда и театральныя представленія, на счетъ компаніи желѣзной дороги, имѣющей свои выгоды привлекать сюда больше публики. Передъ громаднымъ и чуднымъ органомъ, устроеннымъ чуть не подъ самой крышей этого дивнаго зданія, вы невольно остановитесь и заслушаетесь классической музыки. Видъ съ верхнихъ галлерей необыкновенно хорошъ, въ особенности на средину залы, которая представляетъ собою картину рая, какъ обыкновенно рисуетъ намъ наше воображеніе первое жилище человѣка. Для довершенія очарованія въ одномъ углу этой залы стоитъ такое громадное дерево, которое съ виду современно пер-

вому человѣку. Подходите къ нему и видите, что это одинъ остовъ дерева, составленный изъ нѣсколькихъ тысячъ кусковъ одной коры. Внутри его стоятъ лѣса, на которыхъ оно утверждено; еслибы ихъ не было, то здѣсь могло бы помѣститься болѣе ста человѣкъ. Последнее, что я смотрѣлъ передъ отъѣздомъ, это отдѣленіе съ экипажами: все, что только могла произвести въ этомъ родѣ фантазія человѣка для комфорта, легкости и изящества, все это представилось мнѣ въ видѣнныхъ мною образцахъ; въ нѣкоторые маленькіе экипажи были впряжены прекрасно сдѣланныя лошади съ надѣтою на нихъ сбруюю, что еще ярче показывало красоту экипажей.

Наконецъ безпрестанные дожди и холода, не памятные даже для самихъ лондонскихъ жителей, сдѣлались невыносимыми. Надежда найти на материкѣ Европы погоду хоть немного получше заставила поспѣшить направить туда стопы. Но въ видѣ десерта предстояло еще удовольствіе, равнявшееся лондонской погодѣ: это визированіе паспортовъ. Спутникъ мой не могъ выносить морской болѣзни и слѣд. прямо моремъ въ Бельгію ѣхать было нельзя, надобно было ворочаться опять въ Кале, а для этого подвергаться опять хожденію по мытарствамъ съ паспортами. Какъ на смѣхъ въ понедѣльникъ ¹¹/₂₃ іюля, когда мы рѣшились выѣхать

изъ Лондона, небо покрылось самыми непроницаемыми туманами, орошавшими городъ наподобіе нашего мелкаго осенняго дождя, какъ будто просѣваемого ситомъ; термометръ показывалъ не болѣе 7 град. тепла. При этой непріятной обстановкѣ надобно было изъ одного конца города ѣхать верстъ за 8 въ другой, визировать паспорта сначала въ русскомъ, а потомъ во французскомъ консульствѣ. Русское консульство находится въ Сити, недалеко отъ Банка и Биржи. Въ комнатѣ, куда мы вошли, не смотря на самую гадкую осеннюю погоду, всѣ окна были отворены, вѣроятно для освѣженія воздуха. Будучи подверженъ простуднымъ болямъ головы, какъ я завидовалъ Англичанамъ, которые по своему обычаю были въ этой комнатѣ, оказавшейся канцеляріей консульства, въ шляпахъ на головахъ; хорошо еще, что не заставляютъ здѣсь снимать пальто, иначе легко было схватить горячку, ожидая по крайней мѣрѣ въ продолженіи 20 минутъ паспортовъ. Даже въ самыхъ мелочахъ видна англійская практическая природа, напр. въ обычаѣ не снимать въ общественныхъ мѣстахъ шляпъ, между тѣмъ какъ у насъ нерѣдко тратится все вниманіе и энергія на соблюденіе самыхъ пустыхъ обрядностей. Въ Петербургѣ я пріѣхалъ по дѣлу въ Городскую Часть. Вхожу въ канцелярію въ шубѣ и въ калошахъ; меня очень строго останавливаетъ какой-то офицеръ и просить

снять шубу и калоши. Не видя никого въ передней, я говорю, что если онъ ручается, что не пропадетъ, то сниму; офицеръ ручается и я разоблачаюсь. Скажите ради Бога, къ чему эта китайская церемонія? Правда, что для меня она была очень полезна. Я ждалъ около часу какаго-то писаря, чтобы приложить печать къ объявленію, засвидѣтельствованному въ кварталѣ. Оказалось, что эти рыцари, такъ строго слѣдящіе за сниманіемъ шубъ, повидному, очень порядочные люди: одинъ бывший инженеръ, другой артиллеристъ и сынъ генерала. Лучше бы слѣдили, чтобы ихъ писаря не заставляли просителей дожидаться по цѣлому часу приложенія печати, а не за тѣмъ, кто въ чемъ входитъ въ полицейское святилище. За визированіе паспортовъ взяли съ насъ по 5 шиллинговъ. Отсюда мы отправились во французское консульство, къ счастью находящееся вблизи, не болѣе полуверсты. Но мы ѣхали до него болѣе часу: поѣдемъ минуты двѣ, да минутъ десять стоимъ на мѣстѣ, а дождь такъ и льетъ; не даетъ высунуть головы изъ окна кареты; идти пѣшкомъ нечего и думать. Сами полицейскіе въ своихъ клеенчатыхъ плащахъ прячутся около заборовъ. Отъ чего же такая остановка, вы спросите? По очень простой причинѣ: воскресенье Англичане праздничали посвоему въ бездѣйствіи, за то въ понедѣльникъ все двинулось къ Банку и Биржѣ, какъ по-

токъ лавы, всѣ улицы въ Сити были унизаны рядами шагомъ двигающихся взадъ и впередъ каретъ. Такого движенія на такомъ громадномъ пространствѣ я нигдѣ не видалъ, даже и на гуляньяхъ: это какая-то медленная толчея и при ней ни малѣйшаго крика и безпорядка, точно движется какая нибудь заведенная машина. Во французскомъ посольствѣ, слѣдуя примѣру Англичанъ, я уже сидѣлъ въ шляпѣ; и здѣсь взяли за приложеніе печати по 5 фран.; что-то ужъ больно дорого? Оттуда мы отправились домой чрезъ лондонскій мостъ (London Bridge). Если на улицахъ была толчея, то здѣсь что-то въ родѣ живаго водопада, состоящаго изъ людей и экипажей. Чтобы перейти съ одной стороны моста на другую среди снующихъ взадъ и впередъ рядовъ экипажей, нужно необыкновенное искусство и присутствіе духа. И на громаднѣйшемъ мосту я видѣлъ только двоихъ полисменовъ. Подъ мостомъ по широкой рѣкѣ взадъ и впередъ снуютъ пароходы большіе и маленькіе, и вдали виднѣется ядро Лондона и англійской исторіи — угрюмый закоптѣлый Тоуэръ, выстроенный еще Вильгельмомъ Завоевателемъ, какъ защита отъ внѣшнихъ враговъ, нѣсколько вѣковъ служившій деспотизму королей защитой отъ внутреннихъ враговъ и наконецъ обратившійся въ магазинъ для склада солдатской амуниціи и разнаго оружія. Тоуэръ видѣлъ въ себѣ и вблизи себя всю англійскую исторію и до-

K. L. F. F.

1. 2.

15-4
11-78

D
919
.Z3

D 919 .Z3

C.1

Ocherki zagranichnoi zhizni,

Stanford University Libraries

3 6105 035 753 602

Date Due

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305

